

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**1 (5)
2015**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2015

Редакторы:

А. А. Амирсейидова

Е. А. Лебедева

Корректор

Е. П. Викулова

Технический редактор

Н. В. Тупицына

Верстка оригинал-макета

Е. А. Балясовой

Автор перевода

А. В. Борзов

За точность и добросовестность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы

Адрес учредителя:

600000, Владимир,

ул. Горького, 87.

Владимирский

государственный

университет имени

Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции:

600014, г. Владимир,

пр-т Строителей, д. 3/7,

ауд. 231^а

Подписано в печать 30.06.15

Заказ №

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 12,09

Тираж 500 экз.

Отпечатано в отделе

оперативной полиграфии

Издательства

Владимирского государственного

университета имени

Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича

Столетовых

600000, Владимир,

ул. Белоконской, 3Б

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

- Е. М. Петровичева* доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
- Е. И. Аринин* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения
(зам. главного редактора серии)
- М. В. Артамонова* кандидат филол. наук, доцент
декан Филологического факультета
- И. Й. Деретич* доктор филос. наук, профессор
руководитель проекта «История
сербской философии», Философский
факультет, Белградский университет
- В. В. Жданов* доктор филос. наук университета
Фридрих-Александра, Эрланген –
Нюрнберг (Германия)
- С. И. Реснянский* доктор ист. наук, профессор
академик РАЕН
- И. Я. Кантеров* доктор филос. наук, заслуженный
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
- К. А. Аверьянов* доктор ист. наук ведущий научный
сотрудник ИРИ РАН
- Ю. В. Кривошеев* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионоведения
Исторического факультета СПбГУ
- Т. Л. Лабутина* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
- И. К. Лапина* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой новой и новейшей
истории
- А. В. Лубков* доктор ист. наук, профессор
проректор Московского педагогического
государственного университета
- С. А. Мартынова* кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
литературы
- М. В. Пименова* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
- Г. С. Егорова* кандидат ист. наук, доцент
кафедры истории России (отв. секретарь
редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

А. И. Комиссаренко

«Подложные указы» как фактор социальной ментальности
русских крестьян церковных владений России в середине XVIII века 7

К. Е. Балдин

Западноевропейская экспансия в Восточном Средиземноморье
во второй половине XIX – начале XX в. и русский ответ на нее
(по мемуарам отечественных паломников) 14

Е. М. Петровичева

Земство и кооперация накануне Первой мировой войны
(на материалах губерний Центральной России) 23

А. В. Маковецкий

Новейшая история Русской Православной Церкви Заграницей
на материалах архива Владимирской епархии Московского Патриархата 33

А. А. Ищенко

Формирование взаимных представлений России и США
в годы первого президентства В. В. Путина 43

ФИЛОЛОГИЯ

М. В. Пименова

Номинация в диахронии (на материале обозначений цвета
в рукописных травниках) 51

А. С. Малахов

К вопросу о категории аппозитивности в русском языке 56

С. А. Мартынова

Рассказ С. Н. Дурылина «Сладость ангелов»:
историко-культурный контекст и литературные параллели 64

И. А. Снегирев

Бродский, Маяковский и катастрофа любовной лодки 70

Е. В. Макарова

Народный романтический характер в системе персонажей книги
рассказов «Записки охотника» И. С. Тургенева 75

ФИЛОСОФИЯ

Е. И. Коростиченко

Особенности мировоззрения внутри свободно-религиозного движения
в Германии XIX в. 81

М. Л. Хижий

Пьеса В. Протопопова «Черные вороны»: православная церковь
и театральное сообщество 85

А. В. Марков

Расстроенный музыкальный инструмент: об одном романтическом мотиве 90

С. Н. Минин

Церковь как один из институтов гражданского общества
в контексте проблемы отношений государства и общества 96

Сведения об авторах 102

CONTENTS

HISTORY

A. I. Komissarenko

«Forged Decrees» as Factors of Social Mentality of Russian Church Peasants
in the Middle of the 18th century..... 7

K. E. Baldin

Western European Expansion in the Eastern Mediterranean
in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries and Russian Response
to it (after the Memoirs of Russian Pilgrims) 14

E. M. Petrovicheva

Zemstvo and Cooperation before World War I
(Case-Study: Central Provinces of Russia) 23

A. V. Makovetskii

The Recent History of the Russian Orthodox Church Outside of Russia
(Based on the Archives of Vladimir Diocese of the Moscow Patriarchate) 33

A. A. Ishchenko

The Formation of Russian – American Mutual Perceptions during
the First Term of Putin’s Presidency 43

PHILOLOGY

M. V. Pimenova

Nomination in Diachronic
(Case-Study: Denotation of Color in Herbals Manuscripts) 51

A. S. Malakhov

About the Category of Appositivity in the Russian Language 56

S. A. Martyanova

A Story by S. N. Durylin «The Sweetness of Angels»:
Cultural Context and Literary Parallels 64

I. A. Snegirev

Brodsky, Mayakovsky and the Crash of the Love Boat 70

E. V. Makarova

Romantic Folk Characters in the Book of Short Stories
«Sportsman’s Sketches» by I. Turgenev 75

PHILOSOPHY

E. I. Korostichenko

Peculiarities of the Worldview inside the Free-Religious Movement
in the 19th Century Germany 81

M. L. Khizhiy

The Play «The Black Crows» by V. Protopopov:
Orthodox Church and Theatrical Community 85

A. V. Markov

Instrumental Music Disorder: Towards the Understanding
of Romantic Music Representations 90

S. N. Minin

Church as One of the Institutions of Civil Society
in the Context of the Problem of Relations between State and Society 96

Contributors 102

УДК 94 (470)''16/18''

А. И. Комиссаренко

«ПОДЛОЖНЫЕ УКАЗЫ» КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЦЕРКОВНЫХ ВЛАДЕНИЙ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

Середина XVIII века отмечена нарастанием массовых антикрепостнических выступлений в церковных владениях. Предметом изучения данной статьи является ментальность поведения крестьян России в эпоху раннего Нового времени на основе «подложных указов» 1750-х гг. Автором представлен анализ идеологической окраски волны крестьянских выступлений против духовных (архиерейских, монастырских, синодальных) владельцев.

Ключевые слова: антикрепостнические выступления крестьян, подложные указы, секуляризация, ментальность.

Изучение ментальности поведения крестьян России в эпоху раннего Нового времени ставит перед исследователями ряд задач как в накоплении фактического материала, так и его теоретическом осмыслении. К ним в первую очередь относится проблема идеологической окраски народных выступлений. В советской историографии был поставлен вопрос о формировании крестьянского мировоззрения и его социально-психологических аспектов в ходе массовых антикрепостнических выступлений XVII – XVIII веков [2; 5; 10]. Что же касается других, менее значимых проявлений народных социальных и политических настроений, то их ментальные мотивы почти не подвергались специальному анализу (исключение составляют лишь выступления, происходившие под религиозной оболочкой раскольнических и

сектантских учений [6; 20]). В целом проблема крестьянского миропонимания в эпоху Позднего Средневековья и раннего Нового времени недостаточно разработана. Не все историки находят возможным говорить о крестьянской идеологии, полагая, что крестьяне якобы не были в состоянии выработать определённой системы воззрений, более или менее адекватно отражавшей реальность позднефеодальной России [12; 18]. Высказано и противоположное мнение. Так, определяя идеологию как исторически возникающую совокупность ментальных понятий, представлений о жизненных обстоятельствах, социальных и политических событиях, Л. В. Черепнин, В. В. Мавродин, А. П. Пронштейн, В. И. Буганов полагают, что в условиях нарастания общественных конфликтов постепенно кристаллизовалась

определённая форма народных оценок, установок, требований [19; 9; 11; 3].

В 50-е годы XVIII века в церковных (архиерейских, монастырских, синодальных) владениях нарастала волна крестьянских выступлений против духовных владельцев. За это десятилетие произошло не менее 32 стихийных выступлений церковных крестьян, в том числе и вооружённых, в четыре раза больше, чем в 30 – 40-е годы XVIII века. Тогда же крестьяне пытались выдвигать свои требования (преимущественно в челобитных на высочайшее имя) и явочным порядком, используя «подложные указы», ввести нужный им правовой и социальный статус. Несмотря на то, что в этих «указах» проявлялись монархические иллюзии, они отражали антикрепостническую сущность народного мировоззрения [1].

Случаи распространения среди населения церковных владений ложных указов, объявлявших свободу от личной зависимости, наиболее часто возникали в середине 50-х годов XVIII века. В определённой степени они были вызваны неосуществлённой из-за начавшейся Семилетней войны попыткой правительства императрицы Елизаветы Петровны передать церковные вотчины в ведение армейских обер-офицеров (решение Конференции при Высочайшем дворе от 30 сентября 1757 года). Их население ждало тогда немедленного освобождения из-под власти духовных владельцев и уравнения в правах с государственными крестьянами. Участились отказы выполнять повинности в пользу монастырей, архиерейских домов, синодальных учреждений. Среди крестьян обсуждалось

множество версий (нередко фантастических) о возможности изменения крепостнического строя в стране. Часто свои надежды крестьяне связывали с известными персонами на троне, которых в реальности даже не было в живых. В коллекциях Государственного архива Российской империи, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, сохранилось «дело о подмётных письмах, подброшенных от имени Петра II в Пошехонском и Вологодском уездах», рассматривавшееся в Тайной канцелярии в октябре 1761 года [17]. Император Пётр II Алексеевич, как известно, скончался ещё в 1730 году. Интересы крестьянства ему были столь же чужды, как и большинству его венценосных преемников. Однако в тёмной и забитой массе российских крестьян не умирали надежды на «доброе» царя. 16 октября 1761 года из Ярославской провинциальной канцелярии в Тайную канцелярию был доставлен подследственный крестьянин села Пертомы – вотчины пошехонского Андреянова монастыря – Фёдор Наугольный, обвинявшийся в распространении двух «писем», якобы исходивших от Петра II. Они «датировались» июнем 1761 года. В первом из них определённо звучали антикрепостнические ноты. Мнимый «второй [й] император Пётр Алексеевич» объявлял «во всенародное известие... которые люди боярские или монастырские и каких чинов ни есть чтобы шли без всякого сомнения. Я, вторы император Пётр Алексеевич, таких приемлю, а выдачи не будет...» [17]. Предлагая крестьянам порывать с крепостной зависимостью и уходить от своих

владельцев, «Пётр II» при этом так объяснял историю своего появления в конце 50-х годов: «...от изменщиков... был закладен в столбе и сидел двадцать пять лет. Божей милостию видел чудеса на небеси, часто звёзд, и видел... с полуденные страны к востоку едет человек на коне белом... Погодя с минуту, с небеси дунул ветер и земля тряхнулась, столб каменной рассеялся, а я, Пётр, ... вышел из столба...». Далее он сообщал, что будто бы ушёл в «Польскую землю», где нашёл множество «...людей ... Московского государства», бежавших от крепостной неволи. «Пётр II» стал «... тех людей звати в Московское государство» и, набрав отряд в 500 человек, якобы перебрался в Россию в Пошехонский уезд в Шелшедамскую волость, где и жил с людьми в лесу «шесть лет».

Во втором «письме» «Пётр II» сообщал: «я... хожу в Московском государстве по градам и монастырям, и сёлам, и деревням, ... вижу плач во дни и в ночи во всём государстве». Желая покончить с народными бедствиями и невзгодами, «Пётр II» требовал от «государене Елисафет Петровны» возвращения ему российского престола: «...я хошу возвратно быти великороссийскую московскую державу». В случае отказа он грозил «Елизафет Петровне» всеобщим народным восстанием, так как если «...армия мне не следует, обещается вся Московское государство поможение дати, потому же я вольницу кличу...». При этом «Пётр II» обещал наказать «церковников» за то, «...что они мя упокой поминуют» [17]. Власти, напуганные перспективой народного восстания,

которую рисовали эти «письма», ходившие среди крестьян Пошехонского и Вологодского уездов, несмотря на долгое расследование, установить происхождение «подмётных писем» не смогли.

Настойчиво добивались освобождения от вотчинных повинностей также крестьяне Иосифо-Волоцкого монастыря. В 1756 – 1757 годах они неоднократно отправляли своих челобитчиков в Петербург просить о снятии обязанностей по выполнению в пользу монастырской братии пашенных и сенокосных работ. Наиболее активное участие в поездках в столицу принимал крестьянин села Новое Волоколамского уезда Тимофей Филиппов, возглавлявший группу челобитчиков. После того как челобитчики вернулись ни с чем, в вотчине начались волнения. Решительно отказавшись нести повинности в пользу монастыря, крестьяне развернули в сёлах и деревнях агитацию в пользу своих требований, составляя «указы», якобы исходившие от верховной власти. Заметная роль в этом принадлежала Тимофею Филиппову. К сожалению, не сохранилось ни одного текста «указов», им написанных. Об их содержании можно узнать по косвенным свидетельствам. Следствие, проведённое местной государственной и вотчинной администрацией, установило, что «указы», составленные Тимофеем Филипповым, далеко выходили за пределы вотчин, принадлежавших Иосифо-Волоцкому монастырю. Имя его было известно, например, и населению других церковных владений.

В фонде Коллегии экономии, например, имеется немало данных о бытовании в народной среде указов, даровавших личную вольность крестьянам церковных владений. Так, 19 апреля 1762 года послушник новгородского Юрьева монастыря Иван Анисимов донёс архимандриту Иоанникию о «разговорах» в Бабской вотчине, в которых часто упоминались указы, даровавшие церковным крестьянам полную свободу от монастырской и архиерейской власти. Речь, очевидно, шла о февральском (1762 года) законодательстве правительства императора Петра III о секуляризации духовных земельных вотчин (указы от 16 – 19 февраля) [4; 14; 8]. Из протокола Коллегии экономии видно, что до середины апреля 1762 года не во всех церковных владениях были объявлены эти императорские указы. Монастырские и архиерейские власти, знавшие о неустойчивом положении Петра III, не спешили с их оглашением. Это создавало благоприятную почву для появления ложных «указов», предоставлявших крестьянам монастырские земли и отменявших вотчинные повинности и поборы. «Указы» тайно переписывались и уничтожались, если появлялась угроза их захвата представителями церковной администрации, и затем составлялись вновь.

С воцарением 28 июня 1762 года Екатерины II последовала отмена секуляризационной программы прежнего правления и была усилена борьба с «сочинителями» подложных «указов». 14 ноября 1762 года Сенат предупредил церковных крестьян, чтобы они «фальшиво сочинённым копиям не

верили, своевольств и озорничеств не чинили» [13]. По всей видимости, остановить «сочинение» подобных указов не удалось, вследствие чего 8 октября 1763 года Московская сенатская контора особым распоряжением грозила суровыми карами за содействие «фальшивосочинителям». Но угроза не возымела действия. Подложные «указы» к концу 1763 года читались и переписывались, например, в церковных владениях Тульского, Рязанского, Тамбовского и других уездов [13]. 19 января 1764 года Коллегия экономии рассматривала жалобу Ипатия – наместника Тихоновой пустыни, приписной к московскому Донскому монастырю, на крестьян Карпа Васильева, Ефима Михайлова «с товарищи», живших в Москве в Ямской Дорогомиловской слободе и не желавших возвращаться в свои деревни, принадлежавшие пустыни. Им был известен привезённый из Калуги крестьянином Никифором Григорьевым «указ именной о непослушании властям и о платеже рублёвого оброка» в государственную казну. Этот «указ», как показали вышеназванные крестьяне, якобы был получен через некоего «калужского подьячего», имя которого они не назвали. За распространение ложных «документов» они были приговорены к высылке в вотчину пустыни.

Неприязненное отношение церковных крестьян к действиям вотчинной и местной правительственной администрации, недоверие к её распоряжениям об обязательном выполнении ими повинностей выразили и жители села Крюково – вотчины московского Спасо-Андроньевского монастыря.

1 ноября 1763 года сельский сход заявил приехавшему для «увещевания» прапорщику Андрею Малышкину, что крестьяне «таковых указов не слушают, у них де их много – полна коробка наложена, и чтоб к ним впредь не ездить» [15]. Этим документам они противопоставили известный им «ходивший» в округе «указ» от 8 июня 1763 года, в котором якобы сообщалось об отмене их вотчинной зависимости. Коллегия экономии, занявшаяся поиском этого «указа» и его автора, установила лишь факт его распространения не только во владениях Андроньевского, но и среди крестьян ливенского Сергиева и новосильского Духова монастырей [15].

Опасность того, что подложные «указы» попадут не только к крестьянам, но станут известны и среди других податных сословий, заставила Сенат принять специальное постановление, в котором говорилось: «...открылось ныне как в Москве, так и здесь в Санкт-Петербурге между простого народа распущенной один пасквиль под именем имянного Ея Императорского Величества высочайшего указа, который начинается следующими словами: «Время уже настало, что[б] лихоимство искоренить..., однако весьма наше дворянство пренебрегает», а кончается словами: ”... в юже меру мерите, возмерится и вам” [16; 7]. Сенат напоминал о своих «многократных» попытках запретить сочинение «...всяких пасквилей... под наижесточайшим взысканием», а их «сочинители» подлежали «...крайнему истязанию..., паче же которые таковые пасквили под священным монаршим именем разсеять

отважутся». Сенат напоминал, что один такой «пасквиль» был сожжён палачом «на Сенатской площади с барабанным боем», а через Главную Полицейстерскую канцелярию повсеместно было разослано объявление, обещавшее 100 рублей за «открытие» автора «пасквиля». Сенатский указ был отправлен всем губернаторам, провинциальным воеводам, а также настоятелям, игуменам и архимандритам монастырей, епархиальным митрополитам и епископам [16].

Представляет интерес следственное расследование об авторе одного из таких «указов». С 16 февраля 1763 года Комиссия о духовных (церковных) имениях, учреждённая по инициативе императрицы Екатерины II 27 ноября 1762 года для подготовки секуляризационной реформы, рассматривала дело о крестьянах Новоторжского монастыря Борисоглебского монастыря, обвинявшихся в распространении «фальшивого указа» об отмене зависимости от церковных владельцев. Было выяснено, что «указ» написал крепостной крестьянин Зубцовского уезда Хрисанф Иванов, сын Сыпневский, живший «в побеге» в Москве под именем дворового человека Ивана Иванова. Вскоре он был арестован и 11 марта допрошен в вышеназванной Комиссии. Выяснилось, что, остановившись в Москве в Тверской ямской слободе, он писал по просьбе крестьян разного рода документы, преимущественно челобитные с жалобами на притеснения и иные злоупотребления со стороны тверских вотчинников. В их числе по просьбе крестьянина Матвея Петрова им был написан «указ» от имени

«Герольдмейстерской конторы», «...дабы крестьянам была льгота и от монастырского их архимандрита Наркиса и слуг не было им обид». Затем «указ» был подписан вымышленными именами Ивана Козлова и Петра Соколова. «И написавши оное, запечатал он, Хрисанф, внизу того сочинения чёрным сургучом, взявши у него, Матвея Петрова, серебряной рубль, приложив на сургуч гербом» [16]. Из текста «указа» видно стремление крестьян освободиться от монастырской власти, чтобы «...по согласному их на мирском сходе приговору о обидах и налогах, и наглых разорениях от архимандрита Наркиса, и за теми ево, архимандрита, обидами прочь от него отрешить и за ним в послушании ево не быть, и в вышепоказанную вотчину им, архимандриту и прикащикам ево, и служителям не въезжать». «Указ» грозил духовным владельцам «жесточайшим... штрафом» за попытки вмешаться в жизнь крестьянского «мира» [16].

На следствии открылось также, что «сочинитель» являлся выходцем из Польши, откуда его отца – Ивана Петрова, сына Сыпневского, в русско-польскую войну 1733 – 1735 годов вывез помещик А. П. Семичёв и незаконно в ходе второй ревизии 1743 – 1747 годов записал за собой. Хрисанф, знавший грамоту, выполнял у помещика обязанности стряпчего. В сентябре 1762 года он бежал из Ржева, где был по судебным делам своего помещика, в Тверь, а оттуда в Москву. Комиссия располагала оригиналом этого «указа», который был составлен от лица сенатской Рекетмейстерской

конторы, а не Герольдмейстерской, как показал «в расспросе» Хрисанф Сыпневский. Следственное дело было передано в Юстиц-коллегию, которая 21 июля 1763 года вынесла заключение о том, что крестьянин Хрисанф Сыпневский «достоин смертной казни». Однако, поскольку смертная казнь была отменена императрицей Елизаветой Петровной указом от 30 сентября 1754 года, виновный подвергся наказанию кнутом, клеймением на лбу словом «вор» и ссылке на каторжные работы на сибирские Нерчинские серебряные рудники. Следователям стали тогда известны имена и других «сочинителей» фальшивых «указов», например «дьячка» Ивана Козьмина, распространявшего их в Поволжье и южном Приуралье [13].

Из всего вышесказанного следует, что в подложных «указах» отразился антикрепостнический менталитет церковных крестьян России, жаждавших освобождения от вотчинного режима и связанных с ним повинностей. Они свидетельствуют также и об ограниченности крестьянского миропонимания, его монархических иллюзиях, локализации требований в пределах вотчинных комплексов, сословной и территориальной разобщённости населения. Вместе с тем активное стремление крестьян церковных владений к хозяйственной самостоятельности подталкивало правительство императрицы Екатерины II к проведению в 1764 году секуляризационной реформы, в результате которой у русского духовенства были изъяты земельные владения.

Библиографические ссылки

1. Алефиренко П.К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России 30 – 50 гг. XVIII века. М., 1958. 250 с.
2. Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773 – 1775 гг. М., 1969. С. 93 – 128.
3. Буганов В.И. Об идеологии участников крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 44 – 60.
4. Грекулов Е. Секуляризация церковных имений в России. Б. м.: б. г. С. 71 – 75.
5. Гутнова Е.В. Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 52 – 71.
6. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. 336 с.
7. Комиссаренко А.И. К вопросу о формировании антикрепостнического мировоззрения у русского крестьянства середины XVIII в. // Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976. С. 162 – 173.
8. Комиссаренко А.И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке. М., 1990. С.108 – 110.
9. Мавродин В.В. К характеристике Крестьянской войны 1773 – 1775 гг. в России // Вестник ЛГУ. 1974. № 14. Вып. 3. С. 27 – 34.
10. Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачёва. М., 1980. 280 с.
11. Пронштейн А.П. Об идеологии восставших во время крестьянских войн в России XVII – XVIII вв. // Актуальные проблемы науки. Ростов н/Д, 1967. С. 57 – 67.
12. Рахматуллин М.А. К вопросу об уровне общественного сознания крестьян России // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-запада РСФСР. Смоленск, 1972. С. 158 – 170.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. Сената. № 248. Кн. 3400. Л. 40 – 67.
14. РГАДА. Ф. Сената. № 248. Оп. 42. Кн. 42. Л. 148 – 171.
15. РГАДА. Ф. Сената. № 248. Оп. 42. Д. 154. Л. 206, 229.
16. РГАДА. Ф. Новгородского Юрьевского монастыря. № 1208. Оп. 1. Кн. 44. Д. 5595. Л. 176 – 177.
17. РГАДА. Разряды Государственного архива Российской империи. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1988. Л. 1 – 19.
18. Рындзюнский П.Г., Рахматуллин М.А. Некоторые итоги изучения Крестьянской войны в России в 1773 – 1775 гг. // История СССР. 1972. № 2. С. 71 – 78.
19. Черепнин Л.В. Крестьянские войны в России периода феодализма: К 200-летию начала восстания крестьян под предводительством Е.И. Пугачёва // Коммунист. 1973. № 3. С. 77 – 88.
20. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII – XIX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л. : Ин-т этнографии АН СССР, 1966. 26 с.

**«FORGED DECREES» AS FACTORS OF SOCIAL MENTALITY
OF RUSSIAN CHURCH PEASANTS IN THE MIDDLE OF THE 18th CENTURY**

The middle of the XVIII century was marked by increase of serfdom mass rebellion in church possessions. The subject of this article is to study the mentality of Russian peasants using «forge decrees» of the 1750s. The author presents an analysis of the ideology of peasant uprisings against the church (bishops, monasteries and synod) owners.

Keywords: anti-serfdom rebellion, peasant forged decrees, secularization, mentality.

УДК 94 (569.4)“638/1917”

К. Е. Балдин

**ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ВОСТОЧНОМ
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
И РУССКИЙ ОТВЕТ НА НЕЕ
(ПО МЕМУАРАМ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПАЛОМНИКОВ)**

На материалах мемуаров русских паломников рассматривается проникновение западноевропейских держав в Палестину и Ливан. Данная экспансия часто приобретала религиозную оболочку и осуществлялась с помощью католической церкви. В статье приводятся примеры недобросовестности и откровенной фальсификации святых мест, применявшейся католиками, освещается деятельность основанных ими социокультурных учреждений. Также автором рассмотрены усилия Императорского Православного Палестинского общества по противодействию западному влиянию в указанном регионе.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, Палестина, католичество, православие, православное паломничество, православное духовенство, Императорское Православное Палестинское общество, духовная пресса в России.

Главной целью русских паломников, отправлявшихся за рубеж, была Палестина, именовавшаяся также Святой Землей. Путевые записки о своих путешествиях оставили лишь некоторые из них, еще меньше таких источников личного происхождения увидело свет в печатном виде. Чаще

все они появлялись на страницах местных изданий – «Епархиальных ведомостей». Публиковали паломнические записки также столичные журналы: серьезный «Душеполезное чтение» и «Русский паломник», рассчитанный на более массовую аудиторию.

Авторами воспоминаний были простые сельские священники, представители ученого духовенства с академическим образованием, а также миряне. Наряду с паломническими мемуарами автором были рассмотрены также записки известного путешественника А. В. Елисеева, который не являлся паломником в строгом смысле этого слова, а выполнял в Палестине задание Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) по изучению положения русских паломников.

В источниках личного происхождения отражены многочисленные впечатления, которые получили паломники во время своих странствований по Святой Земле. Их можно разделить на положительные и отрицательные. Положительные, разумеется, были связаны с тем, что русские люди посещали святые места, молились, участвовали в коллективных богослужениях. Отрицательные впечатления порождала неадекватная с точки зрения паломников, и более того – агрессивная иноверная среда, которую некоторые паломники иногда называли собирательным словом «басурмане». Однако это обстоятельство было ожидаемым и представлялось паломникам необходимым злом. Неожиданными и тем более неприятными были впечатления от столкновения с инославными, т.е. католическими и протестантскими структурами, которые тоже были враждебны православию. Как правило, паломники не были готовы к тому, что в числе их противников окажутся приверженцы западного христианства. О такого рода впечатлениях пойдет речь в данной публикации.

Абсолютное большинство русских паломников признавало, что католические церкви, а также принадлежавшие «латинянам» (католикам) места, связанные с библейскими и евангельскими событиями, внешне выглядят почти безупречно, содержатся в чистоте. Одним из таких мест был Гефсиманский сад, где росло несколько древних маслин, которые, по утверждению католиков, помнили еще Иисуса Христа. А. Вендеревский отметил ради справедливости, что это место выглядит очень привлекательно для верующих, «сад... обнесен изящной решеткой и изобилует цветами» [1, ч. неоф., с. 607]. В Гефсиманском саду была не только аккуратно содержавшаяся католическая часть, но и православная, принадлежавшая грекам. Протоиерей Н. Карашевич считал, что, несмотря на то, что православный участок сада выглядит значительно проще, он произвел на него большее впечатление, так как некая запущенность «придает месту патриархальности и внушает историческую меланхоличность» [2, ч. неоф., с. 786].

Внешнюю эффектность католических храмов, в том числе на Востоке, отмечал епископ Орловский Никанор, совершавший паломничество по христианским святыням Египта: в Александрии «в католическом храме все оказалось в великолепии и величии несравненном» [12, ч. неоф., с. 681].

Характерной чертой опорных пунктов католицизма на Ближнем Востоке многие русские паломники называют их коммерциализацию, рассчитанную на эксплуатацию религиозных чувств. В латинском мужском монастыре на

горе Кармел около Хайфы монахи снабдили русских паломников фотографиями и пузырьками с ароматной водой, за которые пришлось заплатить значительные деньги [5, с. 353 – 354].

Во время своих неоднократных посещений Палестины А.В. Елисеев пришел к твердому убеждению, которое он сформулировал следующим образом: «Вообще латиняне – мастера фальсифицировать разные события Евангельской или Библейской истории, подгоняя их к местам и урочищам, приобретенным католическими монахами. И грот агонии – не единственный пример подобной мистификации даже в ближайших окрестностях Иерусалима». Действительно, элементарная логика свидетельствовала о том, что Иисус Христос в Гефсиманском саду молился не в душной пещере, которая под названием «грота агонии» оказалась собственностью католиков, а на свежем воздухе. Аналогичные мысли посещали автора приведенных воспоминаний и во время пребывания в храме Гроба Господня, где ему показывали некоторые места, связанные с евангельскими событиями, «но в подлинности их можно сомневаться, особенно в тех случаях, когда эти места принадлежат латинянам» [4, с. 301, 313].

Именно поэтому в Палестине во второй половине XIX – начале XX в. существовали святые места-двойники. А. П. Касторский и его спутники в Назарете были в немалой степени смущены тем, что здесь оказалось два места Благовещения Божией Матери. Он как человек православный встал на точку зрения своих единоверцев, но вынужден был признать, что у католиков

церковь на месте этого события чище и по убранству роскошнее, чем у греков [7, ч. неоф., с. 623].

Храм Гроба Господня издавна принадлежал представителям трех конфессий – православным, католикам и армянам. Католики постоянно стремились расширить сферу своего влияния в этой главной христианской святыне и применяли для этого поистине иезуитские приемы. Их очень рельефно описывает А. Трапицын: «Где-нибудь в стене незаметным образом вбивался гвоздь, и на него помещалась еле заметная иконка; к этой иконке захватители начинали прикладываться при поломниках. Через некоторое время на этот гвоздь захватители помещали уже большую икону, и начинался спор, переходивший нередко в кулачную расправу, которую прекращали турецкие солдаты». После Крымской войны представители разных конфессий договорились о том, чтобы соблюдать статус-кво. Но тот же А. Трапицын в 1890-х гг. увидел рядом с ротондой Гроба Господня портрет римского папы Льва XIII, попавший туда явно «контрабандным» путем. Комментируя эту ситуацию, автор замечал, что она «оскорбительна для религиозного чувства» (православных), тем более что у латинян есть в том же храме свой придел, куда можно было поместить портрет их понтифика [3, ч. неоф., с. 247 – 248].

Если не аналогичная, то довольно сходная ситуация складывалась при попытках православных – греков или русских каким-либо образом благоустроить священные места. Орловский паломник М. Вуколов и его спутники не смогли найти место на Иордане, где

было бы удобно выкупаться в священной реке. Приехав в Иерусалим, паломники спросили наших представителей ИППО, почему бы им не сделать специальную купальню. В ответ они услышали: «Не вы первые с такими претензиями... Но мы хлопотали, чтобы нам дозволено было сделать хотя какое-либо приспособление для купания паломников на Иордане; сколько денег на это потратили. И все напрасно: как только узнают наши соперники о нашем замысле, все меры примут, чтобы помешать нам, и помешают». [12, ч. неоф., с. 397]. Таковы были печальные результаты конкуренции различных конфессий в Палестине.

Паломник из Олонецкой губернии В. Крючков в своих путевых записках упоминает о том, что у пещеры Рождества Христова в Вифлееме (как, впрочем, и в других местах) он со смешанным чувством удивления и возмущения увидел турецкого часового с ружьем. Крючков, не вдаваясь в подробности, которые показались ему неудобными для письменного изложения, заметил, что турецкий страж порядка стоял здесь «для предупреждения беспорядков, коих здесь бывает немало» [11, ч. неоф., с. 135]. Именно постоянные конфликты, происходившие в палестинских святынях, заставляли турок ставить охрану, присутствие которой травмировало религиозные чувства верующих.

Более откровенно о причине этих предосторожностей пишет автор, скрывшийся на страницах журнала «Душеполезное чтение» под псевдонимом «Инок-паломник»: «Явление грустное, но необходимое, если вспомнить длин-

ную летопись тех бесконечных споров и даже кровавых сцен, которыми нередко разрешаются они у подошвы Голгофы; ибо, несмотря на все современные возгласы о веротерпимости, «пропасть велика утвердися» между тремя вероисповеданиями, господствующими в храме св. Гроба» [6, с. 128].

Известный деятель ИППО М.П. Соловьев приводил в своей книге, изданной в 1895 г., данные о том, что в Палестине в первой половине 1890-х гг. находилось 32 католических монастыря, где насчитывалось 295 монахов и 270 монахинь, а также 26 церквей и 30 часовен [16, с. 157 – 158, 161].

Экспансия западных держав на Ближнем Востоке не ограничивалась только религиозной сферой. Не менее эффективным представлялось устройство социально-культурных учреждений, в чем западные культуртрегеры немало преуспели. Они сумели создать в конце XIX в. в некоторых городах Восточного Средиземноморья даже свою европеизированную микросреду, которая особенно просматривалась в городе Бейруте. А. В. Елисеев отмечал, что каждого путешественника, попавшего в этот город, поражают хорошо вымощенные улицы, что редко встречается в городах Востока, здания европейского типа на центральных улицах, экипажи в этом же стиле вместо верблюжьих караванов и т.п. В Бейруте уже в 1880-е гг. функционировало немало начальных, средних общеобразовательных и профессиональных заведений. Два крупных учебных заведения стали именоваться университетами. Один был организован американцами, другой – иезуитами. Елисеев

познакомился в католическом университете с молодым интеллигентным арабом, который, окончив его, читал здесь же лекции по математике и астрономии. Занятия здесь велись на арабском языке, на нем же издавались учебники для слушателей [5, с. 285 – 286].

Как справедливо считал А.В. Елисеев, эта иноверная пропаганда «заботится не столько об образовании молодых арабов, сколько об уловлении в свои сети многочисленных несториан, друзов, сириан и других христиан Востока, не исключая и православных». Ту же цель преследовали и социальные учреждения – больницы и приюты. Социокультурная деятельность велась целенаправленно и со знанием дела, при этом денег для нее не жалели. Автору после обозрения перечисленных заведений Бейрута стало страшно за судьбу православия в этом регионе, тем более что он увидел в городе только около десятка православных церквей и одну небольшую греческую школу. По подсчетам Елисеева, за 30 – 40 лет после Крымской войны католики совместно с протестантами обратили здесь в свои исповедания около 1,5 тыс. православных арабов [5, с. 286, 346 – 348].

По данным М. П. Соловьева, в Палестине в первой половине 1890-х гг. действовали 25 инославных мужских школ и 30 женских, 4 сиротских приюта для мальчиков и 6 для девочек, в которых воспитывалось 4711 детей, а также 4 госпиталя, из них два в Иерусалиме и по одному – в Яффе и Наплузе [16, с. 160 – 161].

Вся эта картина вызвала у такого наблюдательного путешественника, как

А. В. Елисеев, очень печальные мысли. Он сформулировал их так: «Хотя и многое опущено и многого уже не вотишь, – думалось мне, – но все-таки крайне желательно, чтобы среди массы иноверных школ явилась и русская школа не столько для противодействия пропаганде, сколько для сохранения небольшого стада, оставшегося верным Православию» [5, с. 287].

Надежды А.В. Елисеева на то, что российское влияние в Палестине, Ливане, Сирии будет возрастать, оправдались. ИППО начало одну за другой открывать свои школы в этом регионе. В конце XIX в. здесь насчитывалось несколько десятков таких учебных заведений. В некоторых селениях – Абеллин, Барве, Шаыб, Бене, Шеджара, Туран (Галилея) и др. – почти все дети из православных семей посещали школы Палестинского общества. В программу их обучения входили: арабский и русский языки, арифметика, Закон Божий. В одних школах дети вполне удовлетворительно переводили текст с русского на родной язык, но не понимали разговорный язык, в других – все же понимали русскую речь, но сами говорить пока не могли, в третьих на экзаменах даже сумели письменно изложить содержание прочитанной им «Песни о вешем Олеге». Кроме произведений Пушкина, арабские дети знакомились с творчеством Лермонтова, Крылова, Гоголя, Тургенева.

Несмотря на несомненные успехи православных школ, им было трудно конкурировать с католическими и протестантскими, финансируемыми заметно лучше, чем русские. Один из отечественных школьных инспекторов

А. Н. Малинин вынужден был констатировать, что некоторые православные родители отдавали детей в инославные школы потому, что там давали учащимся подарки, а бедных кормили. В то же время важная приманка для детей, посещавших русские школы, заключалась в том, что ходившие в них регулярно могли рассчитывать на прием их в православный пансион в Назарете, где дети находились на полном обеспечении ИППО [14, с. 91 – 92, 94 – 95, 104].

В этом заведении помимо вышеперечисленных предметов изучалась еще история России с древних времен до середины XIX в., география Сирии и Палестины, Османской империи и России. Особое внимание уделялось урокам Закона Божия, в ходе которых не только изучали Священную историю, но также проводили духовно-нравственные беседы с учениками. Разнообразной была внеклассная работа: проводились литературно-музыкальные вечера, устраивались чтения с туманными картинками, которые показывали через диапроектор. Арабские подростки совершали экскурсии из Назарета на берега Тивериадского озера и в другие места.

Пища пансионеров была простой, доброкачественной и соответствовала местным традициям. В скоромные дни они употребляли сыр, яйца, творог, молоко, молочную кашу. В постные дни стол состоял из овощей, круп, бобов, маслин, изюма, меда, халвы и др. Юных арабов обеспечивали не только пищей, но и одеждой, обувью, медицинским обслуживанием [15, с. 129 – 130, 137 – 142, 149, 154].

О посещении учебных заведений ИППО оставил интересные свидетельства священник Е. Мерцалов. Он побывал в школах в городах Эль-Мина и Бейрут (Ливан), а также в педагогической семинарии в Бейт-Джале. Мемуарист особо отмечает большие заслуги в развитии народного образования в Палестине и Ливане замечательных женщин-энтузиасток – руководительницы сети русских миссионерских школ в Ливане М. А. Черкасовой и начальницы школы-пансиона в Бейт-Джале Е. М. Таракановой. О результатах этой деятельности Е. Мерцалов оставил краткое и, как нам представляется, объективное свидетельство: «И питомцы г-жи Черкасовой, без сомнения, любят свою начальницу, а через нее и Россию» [9, с. 109, 114 – 115, 180].

Большое внимание Палестинское общество уделяло медицинскому обслуживанию как местного населения, так и русских паломников. В Иерусалиме была устроена больница, амбулатории – в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете, Дамаске, Бейт-Джале. По данным на начало 1899 г. в иерусалимском стационаре в среднем за месяц получали медицинскую помощь 70 – 80 чел., в январе того же года перечисленные выше пять приемных покоев посетили 8 276 чел. Медицинская помощь и снабжение больных лекарствами были бесплатными [8, с. 124].

Один из врачей, работавших в этом стационаре, приводил случай, когда феллах, вылеченный в этой больнице, в знак благодарности привел медикам живого барана. Животное, правда, не оставили в больнице, а направили на подворья ИППО для продовольствия русских паломников.

Весомую помощь населению оказывали российские медицинские учреждения во время эпидемий, широко распространенных на Ближнем Востоке. В частности, среди воспитанников школ и пансионатов проводилась массовая вакцинация во время эпидемии оспы 1900 г. Посторонним арабам, приходившим на прививку, тоже не отказывали. Сначала местное население относилось к вакцинации подозрительно, некоторые родители даже угрожали забрать своих детей из школ. Однако с распространением болезни и появлением смертельных случаев жители сами стали приходить вместе с детьми в больницу и амбулатории [10, с. 352 – 356, 359].

Во второй половине XIX столетия, после Крымской войны, началось все более интенсивное проникновение западноевропейских держав, прежде всего Англии, Франции, а в дальнейшем и Германии на Ближний Восток. Особенно большой интерес вызывало у этих стран Восточное Средиземноморье, издавна являвшееся перекрестком торговых путей. Это проникновение имело отчетливо выраженную религиозную оболочку, которая маскировала геополитические цели Запада в этом регионе. Среди других конфессий особенно наступательно действовали католики, которые имели свою централизованную организацию во главе со Святым Престолом в Риме. Она включала в свою структуру дисциплинированные и опытные миссионерские кадры из таких монашеских орденов, как францисканцы, кармелиты, иезуиты и др. За спиной латинян в то время стояла, прежде всего, Франция – самая

сильная из католических держав. К концу XIX в. католическая пропаганда уже достигла очень значительных успехов в Ливане и успешно проникала далее – в Сирию и Палестину. На деньги церковных конгрегаций, религиозных общественных структур и частных лиц открывались учебные заведения разного уровня и профиля, медицинские учреждения, сиротские дома и т.п. С конца XIX в. в рассматриваемый регион стали активно проникать миссионеры и из лютеранского мира, в особенности из Германии, которая запоздала к разделу Ближнего Востока на сферы влияния и старалась наверстать упущенное. Хотя между католиками и протестантами существовали свои противоречия, но их объединяла общая цель – вытеснение православия из Святой Земли и противодействие русскому влиянию в этом регионе.

Католики сумели монополизировать в рассматриваемом регионе целый ряд святых мест, связанных с евангельской и библейской историей. Их активно использовали в католической пропаганде, при этом широко применялись приемы театрализации священных событий, что с точки зрения православных паломников профанировало их. Одновременно паломники с удивлением и возмущением отмечали коммерциализацию католиками священных мест, за посещение их плата не взималась, зато латиняне получали доходы от торговли тем, что на светском языке называется «сувенирной продукцией». Все эти усилия в религиозной и секулярной сферах привели к тому, что многие православные арабы,

не будучи стойкими в православной вере, отпали от нее и перешли в инославные исповедания.

Местная православная церковь (Иерусалимский и Антиохийский патриархаты) не могла оказать эффективно-го противодействия этой экспансии вследствие своего консерватизма, разлада с арабской паствой и недоверия к Русской Православной церкви. В свою очередь РПЦ (Русская духовная миссия и другие российские структуры в Палестине) в 1850 – 70-е гг. пока не имела ни опыта, ни соответствующих материальных средств для решительного противодействия католической и протестантской экспансии в Восточном Средиземноморье. Только в 1880-е гг., с возникновением Императорского Православного Палестинского общества в этом регионе начала осуществляться практика сдерживания западного наступления.

В результате была создана и постоянно расширялась целая сеть учебных заведений с русскими и арабскими педагогами. Было не так уж важно, изучались или нет в них русский язык, российская литература и география. Было значимо то, что дети и подростки усваивали в них на уроках Закона Божия догматы православной веры, изу-

чали родную для них грамоту, проходили первичную социализацию и расширяли свой культурный кругозор. Больницы, открытые ИППО, обслуживали одновременно российских паломников и местных жителей. Наряду с лечебным направлением в их деятельности, даже более важным, являлось направление санитарное, задачей которого была профилактика инфекционных болезней, в том числе с помощью вакцинации. Общественное призвание получило свое организационное воплощение не в виде типичных для России сиротских домов, где опекались дети, не имевшие родителей, а в форме пансионатов, рассчитанных на содержание детей из беднейших семей. В целом можно констатировать, что религиозные и социально-культурные усилия российских духовных и общественных организаций способствовали тому, что наступление западноевропейских стран в гуманитарных сферах если не было остановлено, то, по крайней мере, оно начало встречать достаточно эффективное противодействие, которое не позволяло католикам и протестантам массово приобщать к своим ценностям местное православное население.

Библиографические ссылки

1. Астраханские епархиальные ведомости. 1887. № 15.
2. Волынские епархиальные ведомости. 1874. № 21.
3. Вятские епархиальные ведомости. 1896. № 6.
4. Елисеев А.В. По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света. В 4 т. Изд. 3-е. СПб., 1915. Т. I. 366 с.
5. Елисеев А.В. По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света. В 4 т. Изд. 2-е. СПб., 1904. Т. II. 364 с.
6. Инок-паломник. Великий пост в Иерусалиме. Письмо I // Душеполезное чтение. 1863. № 2. С. 122 – 135.

7. Костромские епархиальные ведомости. 1911. № 20.
8. Краткие сведения об учреждениях общества с 1 декабря 1898 г. по 1 марта 1899 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Январь – февраль 1899 г. СПб., 1899. Т. 10. С.122 – 124.
9. Мерцалов Е., священник. От Петрозаводска до Иерусалима и обратно. Путевые заметки и впечатления паломника. М. : Индрик, 2014. 256 с.
10. Общие замечания по медицинским отчетам // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Январь – февраль 1901 г. СПб., 1902. Т. 12. С. 352 – 359.
11. Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 6.
12. Там же. 1901. № 17 – 18.
13. Там же. 1913. № 13.
14. Отчет инспектора А.Н. Малинина по Галилейским учебным заведениям Императорского Православного Палестинского общества за второе полугодие 1897/8 учебного года // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Январь – февраль 1899 г. СПб., 1899. Т. 10. С. 91 – 106.
15. Отчет начальника Назаретских мужских учебных заведений А.Г. Кезма за 1897/8 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Март – апрель 1899 г. СПб., 1899. Т. 10. С. 129 – 155.
16. Соловьев М.П. Святая Земля и Императорское Православное Палестинское общество. М. : Индрик, 2012. 248 с.

К. Е. Baldin

**WESTERN EUROPEAN EXPANSION IN THE EASTERN MEDITERRANEAN
IN THE SECOND HALF OF 19th – EARLY 20th CENTURIES AND RUSSIAN
RESPONSE TO IT
(AFTER THE MEMOIRS OF RUSSIAN PILGRIMS)**

This article deals with the penetration of Western countries in Palestine and Lebanon. The research is based on the materials of the memoirs of Russian pilgrims. This expansion was often under religious disguise, and was carried out with the help of the Catholic Church. The article gives examples of unfair practices and falsification of the holy places by the Catholics. The text gives some valuable information about the activities of socio-cultural institutions. Much attention is given to the efforts of the Imperial Orthodox Palestine Society to counter Western influence in this region.

Keywords: Eastern Mediterranean, Palestine, Catholicism, Orthodoxy, Orthodox pilgrimage, the Orthodox clergy, Imperial Orthodox Palestine Society, religious press in Russia.

Е. М. Петровичева

**ЗЕМСТВО И КООПЕРАЦИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ)**

Статья посвящена выявлению форм взаимодействия и помощи кооперативному движению со стороны органов земского самоуправления губерний Российского Центра в начале XX века – в период, предшествовавший началу Первой мировой войны.

Ключевые слова: земство, кооперация, центральный регион России, Первая мировая война.

История кооперации и кооперативного движения в дореволюционной России продолжает вызывать интерес маститых и молодых исследователей [27, 37]. В современной историографии предметом пристального внимания историков и экономистов становится кооперация в период столыпинских реформ и во время Первой мировой войны [28, 29]. В последнее время историки обратились к изучению хозяйственно-экономической деятельности земств в начале XX века [8, 25, 38].

Известно, что именно земства оказали значительное содействие становлению и развитию дореволюционной кооперации в России. В то же время вопросы, касающиеся взаимоотношений земских учреждений и кооперативных организаций, форм содействия земств кооперации, остаются недостаточно исследованными [40]. Наша задача состоит в изучении этих проблем на материалах Центральной России (прежде всего, делопроизводственной документации земских, кооперативных и правительственных учреждений и прессы Владимирской, Костромской, Нижегородской, Рязанской, Тульской

и Ярославской губерний) в предвоенный период (1906 – 1914 гг.).

История кооперации в России была непосредственным образом связана с историей земств. Первый опыт их взаимодействия относится еще к пореформенному времени: первое ссудо-сберегательное товарищество было образовано в Ветлужском уезде Костромской губернии в 1865 г. Как отмечал известный теоретик кооперативного движения В. В. Хижняков, «через земство передовое русское общество старалось воплотить в жизнь свои кооперативные надежды и в нем переживало крушение этих надежд» [50]. По его мнению, условия тогдашнего крестьянского хозяйства и низкий культурный уровень населения не соответствовали задачам, которые ставила перед собой кооперация, и большинство кооперативов, созданных в 60 – 80-е годы XIX века, погибли.

Сотрудничество земств и кооперации возродилось в начале XX века, особенно в ходе осуществления столыпинской аграрной реформы, которая дала мощный импульс развитию кооперативного движения в стране [53].

Отмечая этот факт, журнал «Вестник Европы» писал в апреле 1909 г.: «Наиболее ярким примером пробуждения деревни считают на местах неожиданный массовый рост кооперативного движения... Теперь в этой области замечается любопытное и поучительное явление. В низах населения сами собой зарождаются кооперативные начинания» [2]. Не было другой страны, где возрастание численности кооперативов когда-либо шло с такой неслыханной головокружительной скоростью: годовой прирост числа кооперативов в те годы составлял около 5 тысяч учреждений. В Нижегородской губернии к началу 1912 г. насчитывалось 329 кооперативов, среди них 146 кредитных и 6 ссудо-сберегательных товариществ, 2 кассы мелкого кредита, 29 сельскохозяйственных обществ и др. [39]. В Тульской губернии, где усиленный рост кооперации начался с 1910 г., уже к 1 июля 1913 г. насчитывалось 225 кредитных товариществ. Потребительские общества здесь стали активно открываться в 1911 – 1912 гг., и к ноябрю 1913 г. их насчитывалось 50 [48]. Особенно интенсивно развивалась кредитная кооперация: на 1 января 1913 г. в Костромской губернии насчитывалось 164 кредитных товарищества, в Ярославской – 141, в Рязанской – 201 [30, с. 40].

Бурное развитие сельской кооперации после 1906 г. было следствием «буржуазного переустройства деревни» [28]; оно свидетельствовало о подъеме крестьянского хозяйства на более высокий производственный, организационный и культурный уровень [49] и вряд ли может рассматриваться в качестве альтернативы столыпинской

реформе. А. В. Ефременко отмечает: «...Конечно, следует учитывать, что столыпинская реформа, направленная на индивидуализацию общины, тем не менее, создавала общие благоприятные условия для более развитых хозяйственных групп крестьян при вступлении их в кооперацию. Она, безусловно, ускоряла процесс образования кредитоспособного слоя деревни – главной социально-экономической базы кооперативного движения» [8, с. 244]. Как справедливо считал Э. М. Щагин, невиданный масштаб роста кооперативного движения скорее был неожиданным, не прогнозировавшимся, «побочным» следствием аграрной реформы.

Зародившееся кооперативное движение изначально пользовалось поддержкой не только различных социальных слоев [52] и политических движений, но и власти [30, с. 101 – 103], что отмечали еще современники событий [22]. Еще в 1893 г. министр финансов С. Ю. Витте обратил внимание на то, что организация кредита для крестьян – это «вопрос первостепенной государственной важности» [24]. В 1895 г. было утверждено Положение об учреждениях мелкого кредита [45], заложившее правовую базу развития кредитной кооперации и поставившее ее под могущественное покровительство государства. В начале XX века это законодательство было переработано, и 7 июня 1904 г. было издано новое Положение об учреждениях мелкого кредита, облегчавшее порядок открытия товариществ. По этому закону система учреждений мелкого кредита расширялась за счет земских касс. Земства получили право по своей инициативе учреждать ссудо-сберегательные

товарищества, ссужая их средствами для образования основных и оборотных капиталов [44].

Внимание к кооперации возросло в период проведения столыпинской реформы. Правительство справедливо видело в развитии деревенской кооперации средство борьбы с «распылением» мелких земледельцев после выхода из общины и надеялось, что это даст сильный толчок к экономическому развитию деревни. Рабочие и крестьяне видели в кооперации способ улучшения экономических условий жизни через организацию, которая пользовалась существенной денежной поддержкой казны (прежде всего, кредитная кооперация). Интеллигенция связывала с кооперацией возможность ведения пропагандистской работы в массах и достижения своих общественно-политических идеалов.

Естественно, что поток беспримерного по напряженности кооперативного строительства не мог не увлечь за собой и земств. Земские работники оказались, пожалуй, наиболее внимательными по отношению к молодому кооперативному движению. Усиление взаимодействия кооперации и земства было вполне объяснимым. Массовое кооперативное движение началось в России в то время, когда деятельность органов земского самоуправления была уже широко развита. Кооперативы, необыкновенно выросшие численно, внутренне, по мнению земцев, оставались еще слабыми, они искали, а порою требовали общественной помощи и содействия. В свою очередь, для земств кооперативы были незаменимым орудием для воплощения в жизнь агрономических и многих дру-

гих мероприятий. Как отмечал известный экономист В. Тотомианц, земские общественные деятели постепенно проникались убеждением, что «кооперация такая же необходимая вещь, как народное образование, агрономия, хорошие пути сообщения и медицинская помощь» [44, л. 35].

Каким же образом земства содействовали развитию кооперативного движения? Прежде всего, они проводили кооперативную пропаганду, указывая на возможные плоды совместного товарищеского ведения хозяйственных предприятий [51].

Для развертывания своей деятельности кооперативы нуждались в широко и планомерно организованном доступном кредите [26]. Начиная с 1908 г., земства Центральной России активно приступили к организации мероприятий по мелкому кредиту. Постепенно земские работники пришли к выводу, что эти мероприятия, «тесно связанные с хозяйственно-бытовым укладом населения и со всей экономической деятельностью земства, должны являться необходимой отраслью земской деятельности» [33]. *Финансирование* стало важнейшей *формой поддержки кооперативному движению* со стороны земств. Прямые ассигнования кооперативам со стороны земств, однако, были редки. Чаще всего финансирование производилось через *земские кассы мелкого кредита*.

Права земств в этой сфере были существенно расширены: закон от 7 июня 1904 г. предоставлял земским управам важное право открывать явочным порядком земские кассы, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, при условии лишь доведения

об этом до сведения губернского комитета по делам мелкого кредита (ст. 24 Положения об учреждениях мелкого кредита). Реализация этого права существенно облегчала появление кредитных кооперативов. Одновременно с этим и за губернскими комитетами было оставлено право открывать учреждения мелкого кредита при содействии Государственного банка. В то время и сами земцы отмечали, что, поскольку у них отсутствовал опыт по организации и ведению дела мелкого кредита, параллельное существование земской и правительственной организаций было вполне целесообразным, однако через 10 лет они стали критиковать Управление по делам мелкого кредита за ограничение земской инициативы.

Земства учреждали кассы мелкого кредита и ставили их во главе сельской кооперации – в качестве «денежного резервуара» и практического руководителя [3, 41]. Поначалу эти организации не имели установившихся форм; в 1907 г. был издан Образцовый устав земских касс. Вопросы, касавшиеся земских касс мелкого кредита, обсуждались на Казанском областном съезде представителей губернских земств в 1909 г., кустарном съезде в Петербурге в 1910 г., Московском областном съезде деятелей агрономической помощи в феврале 1911 г., совещании представителей земских касс мелкого кредита в Харькове в марте 1911 г., совещании представителей касс в Москве в сентябре 1911 г., Всероссийском съезде деятелей мелкого кредита и сельскохозяйственной кооперации 1912 г. и Всероссийском кустарном съезде 1913 г. Эти съезды, несомненно, повлияли на направление работы на местах.

После издания Образцового устава наблюдался быстрый рост числа земских касс мелкого кредита и их балансов. Как свидетельствует земская статистика, только с 1910 по 1912 гг. баланс земских касс вырос в Тульской губернии в 9,5 раз, в Рязанской – в 5 раз, во Владимирской и Нижегородской – в 4,5 раза [1]. На 1 января 1913 г. земские кассы мелкого кредита имели 148 земств, из них 15 губернских и 133 уездных. Сумма средств, бывших в распоряжении касс, составляла почти 50 млн руб., из которых свыше 8 млн были собственно земскими средствами, а остальные были привлечены главным образом путем вкладческих операций (свыше 28 млн руб.) и частично займами (более 5 млн руб.). К началу Первой мировой войны такие кассы имела уже половина земств страны [9, 16, 42, 50, 51]. Все это способствовало расширению кредитования крестьянских хозяйств и вытеснению ростовщического капитала.

Во Владимирской губернии особенно успешно действовали кассы мелкого кредита в Судогодском уезде. Уже в начале 1911 г. здесь имелась земская касса мелкого кредита, снабжавшая 20 кредитных товариществ, членами которых были около 11 тыс. чел. Владимирская губернская касса мелкого кредита была образована 16 августа 1911 г. [7, 13]. В Нижегородском уезде земская касса мелкого кредита начала работать с 18 февраля 1912 г., и уже к концу первого года своего существования правление кассы выдало ссуды в размере 16500 руб. семи товариществам. Через кассы мелкого кредита земства оказывали существенное содействие образованию и развитию сельскохозяйственных кооперативов

различного рода, в частности молочно-маслодельных (Ярославское, Владимирское и Нижегородское земства), по переработке и сбыту овощей (Ярославское и Костромское земства). Во Владимирской, Тульской, Нижегородской, Рязанской губерниях обсуждался и весьма успешно решался вопрос о кооперативной организации кустарных промыслов [12, 15, 35].

Одним из передовых по мероприятиям в области содействия кооперативному движению было Ростовское земство Ярославской губернии. С 1 января 1912 г. оно открыло кассу мелкого кредита. Была учреждена особая должность инструктора по кооперации, мелкому кредиту и артелям; с 1909 г., по ходатайству земства, в уезде начал работать инструктор по технической переработке плодов и овощей от Департамента земледелия. В 1910 г., на основании утвержденного земским собранием устава, в уезде было организовано семь кустарных артелей по сбыту овощей. В 1911 г. артели кустарей выполнили подряд интендантству на сумму 261431 руб., причем в этой поставке участвовали открытые в том же году артельные заводы – Поречский и Сельцовский. На их постройку земством была израсходована ссуда, выданная Департаментом земледелия (в размере 10191 руб. сроком на 10 лет). Поставка овощей целиком находилась под контролем земства, все суммы по поставке проходили через управу, за сушкой наблюдал инструктор. С 1912 г. Ростовское земство приступило к строительству товарищеского картофельно-крахмального предприятия, также получив на эти цели ссуду правительства [14].

Говоря о материальной помощи кооперативному движению со стороны земств, отметим, что земство могло ссужать кооперацию не только собственными деньгами, но еще и в значительной степени государственными. Так, Ярославское земство роздало маслодельным артелям в кредит 75000 руб., полученные из Департамента земледелия. Почти всецело государственными средствами покрывалось участие этого земства и в организации картофельно-крахмальных кооперативных предприятий. Нижегородское губернское земство, приступив в 1913 г. к организации в губернии артельного маслоделия, выхлопотало в Государственном управлении землеустройства и земледелия ссуду в 50 тыс. руб. В то же время необходимо подчеркнуть, что без участия земства, которое брало на себя риск в случае неуплаты кооперативами ссуды, правительство вряд ли решилось бы на выдачу им столь крупных средств.

Еще одной важной формой помощи земств кооперативному движению было *инструктирование*, которое включало общие указания о том, как устроить кооперативную организацию, а также специальную помощь: агрономическую, юридическую, техническую. В этих целях земства создали штат инструкторов по кооперации [15]. В основном, правда, это были отдельные инструкторы. К началу войны из всех центрально-российских губерний инструкторские организации имелись только при Тульском и Костромском земствах [31]. При отсутствии штата специальных инструкторов помощь в создании и организации работы кооперативам оказывали земские агрономы.

Земства поставили своей задачей изучение кооперации как нового экономического явления, тем более что земская статистика приобрела уже к тому времени почетную известность. Анкетирование и обследование деятельности кооперативов проводили инструкторы по кооперации Владимирского, Тульского и Ярославского губернских земств, Костромского уездного земства [15, 34, 36, 48].

Губернские земства периодически организовывали кооперативные курсы [6]. Так, в сентябре 1913 г. десятидневные кооперативные курсы организовало Нижегородское губернское земство. Объявление о них было заблаговременно разослано всем кооперативам, а также опубликовано в местных газетах. На курсы принимались лица обоего пола, преимущественно – представители кооперативов. Обучение было бесплатным, слушатели снабжались необходимыми учебными пособиями за счет земства. На курсах преподавались теория и история кооперации, организация мелкого кредита и счетоводство. В качестве лекторов выступали губернский земский агроном, инспектор кредита и др. Расходы по устройству курсов составили 300 руб. По окончании курсов слушатели выразили в особом адресе свою признательность губернской управе [20].

Губернские и уездные земства проводили съезды местных кооперативов совместно с земскими работниками. Первый съезд представителей кредитных товариществ Судогодского уезда (Владимирской губернии) состоялся осенью 1908 г.; второй, созданный земской управой, работал с 3 по 5 сентяб-

ря 1911 г. В нем участвовали 55 человек, среди которых были делегаты кредитных товариществ, представители губернского и уездного земств, местные агрономы и инспекторы мелкого кредита [13]. Эти съезды имели большое значение для установления сотрудничества земства и кооперативов.

В январе 1913 г. в Ярославле был созван губернский кооперативный съезд, в котором участвовали 250 делегатов от сельских кооперативов Ярославской губернии, а также представители управления по делам мелкого кредита от Московского союза потребительских обществ, от Вологодского сельскохозяйственного общества и от Костромского земства. На съезде развернулась борьба за влияние на кооперацию между земством и правительственными специалистами (во главе с инспектором сельского хозяйства Л. А. Пиотрашко), а также инспекцией мелкого кредита. В начале работы съезда среди его делегатов было заметно преобладание антиземских настроений; однако речи земцев и их сторонников из среды сельских кооператоров, выступление председателя губернского земского собрания кн. И.А. Куракина, огласившего постановление земского собрания по вопросу содействия маслодельным артелям, впрочем как и сам факт созыва съезда губернским земством, способствовали перемене настроения съезда. В постановлении, принятом Ярославским съездом по докладу о земских кассах мелкого кредита, отмечалось, что они должны стать центрами объединения кооперативов всех видов [18]. Это постановление лежало в русле принятой Всероссийским

кооперативным съездом в Петербурге в 1912 г. резолюции, в которой говорилось: «Содействие земства подъему производительной деятельности населения через организацию кооперативного кредита является одной из функций, органически присущих ему, как местному учреждению, обслуживающему хозяйственные нужды населения» [46].

Еще одним направлением помощи было *создание при кооперативах земских библиотек, выпуск и распространение среди населения популярной литературы по вопросам кооперации*. Так, весной 1913 г. агрономическое отделение Нижегородской губернской земской управы издало для бесплатной раздачи населению «Указатель книг по вопросам кооперации». В том же году Судогодское уездное земское собрание (Владимирской губернии) приняло решение открыть народные библиотеки при 17 кредитных товариществах [20].

Характеризуя *мероприятия экономического и агрономического характера*, отметим, что земства проводили через кооперативы самые разнообразные начинания [4, 5], в частности семенные и кормовые кампании. Так, в связи с неурожаем 1911 г. активную кампанию по приобретению семян развернуло Рязанское земство через кооперативы Ранненбургского и Данковского уездов [3]. Снабжать население сельскохозяйственными машинами и орудиями земства стали также через кооперативы. Активно привлекали кооперативы к осуществлению экономических мероприятий уездные и губернское земства Нижегородской губернии [39]; а Сергачское уездное

земство все свои экономические мероприятия стремилось проводить через кооперативы [11].

В области *животноводства* земства (Нижегородской, Владимирской, Ярославской губерний) содействовали развитию молочной кооперации, организации товариществ по сбыту молока, артельному маслоделанию, созданию маслодельных заводов [43]. За несколько предвоенных лет земства создали в Ярославской губернии многочисленные молочные артели, которые обслуживались как правительственными, так и земскими специалистами и инструкторами [32].

Весьма активно помогали земства (особенно Нижегородское, Владимирское, Тульское, Рязанское) *кустарным кооперативам* [21]. Земства выдавали им кредиты; земские инструкторы по кооперации помогали артелям в организации промыслов, торговли, в счетоводстве, ведении отчетности. Весьма тесное сотрудничество земства и кооперации наблюдалось также в деле развития внешкольного образования, в частности в создании при кооперативах народных домов.

Таким образом, земства центрального региона не остались в стороне от нового явления, наблюдавшегося в экономической жизни послереволюционной России, – бурного развития кооперативного движения. Земства оказывали кооперативам значительную материальную и организационную помощь: организовывали доступный кредит, проводили инструктирование, статистическое обследование кооперативного движения, устраивали кооперативные съезды и курсы, привлекали

кооперативы к проведению различных экономических и иных мероприятий.

В то же время между земствами и кооперативами на местах нередко возникали соперничество и трения, отражавшие столкновения различных социальных групп и политических сил. Преодолению возникавших противоречий в ходе практической работы способствовало создание специальных земско-кооперативных органов, при посредстве которых земства могли осуществлять свои

начинания не только для кооперации, но и через кооперацию, т.е. ее постоянных представителей. Таковы были земско-кооперативные совещания, комиссии, совместные закупочные бюро, бюро по сбыту и пр. [10, 23, 47]. Деятельность этих органов рождала надежду на дальнейшее развитие земско-кооперативного сотрудничества, однако начавшаяся вскоре Первая мировая война круто изменила цели и формы этого сотрудничества [29].

Библиографические ссылки

1. Веселовский Б.Б. Календарь-справочник земского деятеля на 1915 год. СПб., 1915. С. 134 – 135.
2. Вестник Европы. 1909. № 4. С. 751.
3. Вестник Рязанского губернского земства. 1912. № 6. С. 5 – 7; № 11 – 12. С. 100.
4. Там же. № 1. С. 9 – 13; № 6. С. 68; № 11 – 12. С. 102.
5. Владимирский земледелец. 1914. № 3. С. 10 – 11.
6. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 379. Оп. 1. Д. 1232. Л. 3 – 5, 8, 21 – 22 ; Д. 1233. Л. 1, 57.
7. ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1243. Л. 1.
8. Ефременко А.В. Земская альтернатива столыпинской приватизации. Ярославль, 1999. 297 с.
9. Журнал Тульского губернского земского собрания 49-й чрезвычайной сессии 30 мая 1914 г. Тула, 1914. С. 13 – 15.
10. Задачи земских и кооперативных учреждений в области «местных польз и нужд». (По трудам съездов и совещаний земских и кооперативных деятелей) // Земское дело. 1916. № 1. С. 9.
11. Земское дело. 1911. № 20. С. 1369 – 1370 ; № 23. С. 1646 – 1647.
12. Там же. 1910. № 15. С. 1173.
13. Там же. 1912. № 6. С. 551.
14. Там же. 1912. № 7. С. 476 – 477.
15. Там же. 1912. № 22. С. 1450, 1451.
16. Там же. 1912. № 23. С. 1573.
17. Там же. 1913. № 19. С. 1284, 1283, 1292.
18. Там же. 1913. № 4. С. 333 – 336.

19. Земское дело. 1913. № 19. С. 1283, 1292.
20. Там же. 1913. № 19. С. 1284.
21. Там же. 1915. № 3. С. 171.
22. Земство и кооперация // Земское дело. 1913. № 1. С. 33 – 37.
23. Известия Костромского губернского земства. 1912. Вып. 5. С. 21.
24. Истоки кооперативного движения в России // Вестник Владимирского губернского земства. 1893. № 1. С. 24.
25. Королева Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907 – 1914). М., 2011. 216 с.
26. Корелин А.П. Земства и мелкий кредит // Кооперация. Страницы истории. М., 1994. Вып. IV. С. 23 – 28.
27. Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России 1860 – 1917 гг. М., 2009. 391 с.
28. Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX вв. М., 1988. С. 155 – 156.
29. Лубков А.В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997. 261 с.
30. Лубков А.В. Кооперативное движение Центральной России. 1907 – 1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 479 с.
31. Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1915 г. Петроград, 1915. 590 с.
32. Новый курс в Ярославском земстве в организации экономических мероприятий // Земское дело. 1912. № 15 – 16. С. 1009.
33. О роли земских учреждений в организации мелкого народного кредита // Земское дело. 1914. № 2. С. 76.
34. Общества потребителей в Ярославской губернии. Ярославль, 1912.
35. Отчет по агрономическим и экономическим мероприятиям в Ковровском уезде за 1909 – 1910 гг. Владимир, 1910. С. 34.
36. Отчет по мелкому кредиту и о мероприятиях по содействию кооперации. Владимир, 1915.
37. Петрова Ю.О. Становление и развитие кредитной кооперации во Владимирской губернии в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. истор. наук. Владимир, 2009.
38. Петровичева Е.М. Земства Центральной России в период думской монархии (1906 – первая половина 1914 гг.). М., 2001 ; Королева Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907 – 1914). М., 2011. 216 с.
39. Португалов А. Вопросы мелкого кредита и кооперации в земствах Нижегородской губернии // Земское дело. 1912. № 5. С. 345.

40. Приятелев В.В. Деятельность Вологодского губернского земства по развитию кооперативных организаций в Вологодской губернии: 1870 – 1917 гг. : дис. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2006. 225 с.
41. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1288. Оп. 3. 1 д-во. 1912 г. Д. 21. Л. 41.
42. РГИА. Ф. 1288. Оп. 2. 1910 г. Д. 11. Л. 47.
43. РГИА. Ф. 1288. Оп. 3. 1 д-во. Д. 21. 1912 г. Л. 31, 32.
44. Сборник узаконений и распоряжений по мелкому кредиту. Изд. 2-е. СПб., 1912. С. 10 – 16.
45. Свод законов Российской Империи. СПб., 1903. Т. 11. Ч. 2. С. 33 – 38.
46. Труды Всероссийского съезда деятелей по мелкому кредиту и сельскохозяйственной кооперации в Санкт-Петербурге 11 – 16 марта 1912 г. СПб., 1912. С. 122.
47. Труды первого съезда представителей кооперативных учреждений Ярославской губернии 22 – 26 января 1913 г. Ярославль, 1913. С. 12.
48. Труды совещания представителей кооперативов Тульской губернии, созванного Тульской губ. земской управой с 10 по 13 ноября 1913 г. Тула, 1914. С. 8, 23, 124.
49. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 300.
50. Хижняков В.В. Кооперация и земство // Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С. 342.
51. Хижняков В.В. Земство и кооперация // Земское дело. 1911. № 3. С. 226 – 229 ; № 4. С. 326 – 332.
52. Чернобровцев С.В. Мелкий кредит в деревне Владимирской губернии. Владимир, 1913. С. 1 – 13.
53. Щагин Э.М. Об опыте и уроках столыпинской аграрной реформы // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 44.

Е. М. Petrovicheva

**ZEMSTVO AND COOPERATION BEFORE WORLD WAR I
(CASE-STUDY: CENTRAL PROVINCES OF RUSSIA)**

The article inquires into the forms of zemstvo's interplay and assistance to the cooperative movement of the central Russian provinces in the period from the beginning of the 20th century till the beginning of World War One.

Keywords: zemstvo, cooperation, the central region of Russia, World War I.

**НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ЗАГРАНИЦЕЙ НА МАТЕРИАЛАХ АРХИВА ВЛАДИМИРСКОЙ
ЕПАРХИИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА**

Объектом настоящего исследования является этап возникновения и организационного оформления приходов Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) на канонической территории Русской Православной Церкви Московского Патриархата на постсоветском пространстве в начале 1990-х годов. Предмет исследования – организационные, политические и религиоведческие тенденции развития основных российских епархиальных центров РПЦЗ и анализ их деятельности. В результате исследования выявлены причины, объясняющие отказ части российских приходов РПЦЗ от участия в установлении канонического общения между Московским Патриархатом и Архиерейским Синодом РПЦЗ 17 мая 2007 года. Большую роль в исследовании этой темы играют материалы архива Владимиро-Суздальской епархии Московского Патриархата, сосредоточенные в специальном фонде «Фонд документов личного дела Русанцова Анатолия Петровича и Суздальского раскола».

Ключевые слова: Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ), Архиерейский Синод РПЦЗ, каноническая территория, Первоиерарх РПЦЗ, Суздальско-Владимирская епархия РПЦЗ, Одесско-Тамбовская епархия РПЦЗ, Ишимско-Сибирская епархия РПЦЗ, административно-каноническое подчинение, церковно-государственные отношения, свобода совести.

**Суздальско-Владимирская епархия
РПЦЗ**

Суздальско-Владимирская епархия РПЦЗ возникла на базе прихода при храме Святого царя Константина в составе Владимиро-Суздальской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата. В 1990-е годы это был единственный действующий храм города Суздаля и практически единственный из действующих в Суздальском районе. В 1990-е годы в Суздальском районе действовал еще приход в селе Санино, но из-за удаленного местоположения приход был малоизвестным и малопосещаемым.

Главным инициатором перехода этой местной православной религиозной организации из Московского Патриархата в РПЦЗ явился ее настоятель архимандрит Валентин (Русанцов). Отец Валентин возглавлял суздальский приход с 1973 года и на момент перехода пользовался в городе и районе большим авторитетом, трижды избирался депутатом Городского совета народных депутатов.

Формальной причиной для выхода из состава священнослужителей Московского Патриархата и перехода в РПЦЗ послужил конфликт между отцом Валентином и его правящим архи-

ереем – архиепископом Владимирским и Суздальским Валентином (Мищуком) (в настоящее время управляющий Оренбургской митрополией Московского Патриархата).

Необходимо отметить, что верующие и представители общественности города Суздаля предприняли ряд попыток вернуть отца Валентина в качестве настоятеля и с этой целью даже пикетировали здание Управления Московской Патриархии в Москве и направили ряд коллективных обращений и многочисленные телеграммы в Совет по делам религий СССР.

Для проверки фактов, изложенных в обращении верующих, 3 февраля 1990 года в Царе-Константиновский храм Суздаля прибыла представительная комиссия. В ее состав вошли председатель Совета по делам религий СССР Л. В. Колесников, управляющий Хозяйственного Управления Московского Патриархата архиепископ Алексей (Кутепов) (в настоящее время управляющий Тульской и Ефремовской митрополией Московского Патриархата), секретарь Владимирского облисполкома Е. И. Захаров и уполномоченный по делам религий при Владимирском облисполкоме А. И. Шибяев. Верующие не допустили в храм партийных чиновников, но допустили архиепископа Алексея, который совершил молебен и попросил прощения у народа за необдуманные действия архиепископа Владимирского и Суздальского Валентина. Это было последнее богослужение, совершенное в Царе-Константиновском храме священнослужителем и архиереем Московского Патриархата.

Два месяца (с 18 января по 7 апреля 1990 года) в Царе-Константиновском храме не совершались богослужения, что свидетельствовало о формальном выполнении указа архиепископа Валентина. Впервые за тысячу лет в праздник Крещения в Суздале не было совершено великое освящение воды. В то же время почти ежедневно в Суздале совершались многолюдные шествия – крестные ходы вокруг храмового комплекса, реже – по городским улицам, целью которых было оказать давление на архиепископа Валентина и добиться возвращения отца Валентина и его клириков в качестве настоятеля и служащих священников. Самый многочисленный крестный ход, не в последнюю очередь собранный в виду отсутствия великого освящения воды, был проведен сторонниками отца Валентина 19 января 1990 года. Участники протестной акции пришли к зданию Суздальского горисполкома и обратились к руководству города в лице председателя горисполкома Маркина и к депутатам горсовета с просьбой поддержать их [1, с. 16].

В феврале 1990 года в адрес Первоиерарха РПЦЗ митрополита Виталия и Архиерейского Синода РПЦЗ было отправлено несколько экземпляров прошений, в которых излагались суздальские события и содержалась просьба принять духовенство и приход города Суздаля под омофор Русской Православной Церкви Заграницей [2, с. 8 – 9].

Наконец, 21 марта того же года на очередном заседании Священного Синода архимандрит Валентин (Русанов) во время беседы с ним членов Синода устно признал свою вину и

выразил готовность проявить монашеское послушание, от чего впоследствии отказался.

1 апреля 1990 года архимандрит выступил с проповедью в Царе-Константиновском храме (см. письмо очевидцев от 1 апреля 1990 года). В проповеди он непочтительно отзывался о членах Священного Синода, угрожая расколом, призывал верующих поддержать его. В храме стали собирать подписи на чистых листах бумаги.

6 апреля архимандрит Валентин сообщил по телефону о своем переходе в Русскую зарубежную церковь. С праздника Благовещения архимандрит стал совершать богослужения в Царе-Константиновском приходе г. Суздаля. За богослужением вместо имени Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена стал помянуть главу Русской зарубежной церкви митрополита Виталия (см. рапорт Преосвященного Валентина архиепископа Владимирского и Суздальского от 9 апреля 1990 года) [3, л. 201].

Несмотря на то, что отец Валентин совершил грубое дисциплинарное нарушение и сознательно ушел в раскол, священноначалие Московского Патриархата в 1990 году проявило к нему максимально возможное в той ситуации снисхождение и применило следующее каноническое наказание: «Архимандрит Валентин (Русанцов) за грубое нарушение церковной дисциплины, выразившееся в сознательном противлении воле Священноначалия Церкви, в нарушении монашеского обета послушания и внесении смуты и разделения в церковную жизнь, согласно Апостольским правилам – 39, 55 – подлежит лишению священного

сана, однако, движимый чувством пастырской заботы, – Священный Синод ограничивается запрещением его в священнослужении впредь до раскаяния» [3, л. 200].

Важным событием в становлении Суздальской епархии РПЦЗ явились торжества, посвященные 1000-летию Крещения Владимиро-Суздальской Руси, проведенные 21 июня 1990 года. Богослужение в Царе-Константиновском храме совершили члены Архиерейского Собора РПЦЗ: епископы Берлинский и Германский Марк, Тамбовский и Моршанский Лазарь и Манхеттенский Иларион. Это был беспрецедентный и первый случай открытого служения в России архиереев РПЦЗ. Торжества явились своеобразной презентацией Суздальской епархии. В богослужении, кроме отца Валентина и его клириков, участвовали шесть священников из Сибири (бывшие клирики Омско-Тюменской епархии Московского Патриархата) и другие священнослужители, присоединившиеся к Российской Православной Свободной Церкви из разных регионов России. Особую группу паломников составляли члены Катакомбной Церкви, прибывшие из Сухуми, Краснодарского края и Кировской области. На богослужении присутствовали (но не принимали участия) несколько клириков Московского Патриархата, в том числе известный о. Глеб Якунин, о. Сергей Киперман и диакон Олег Стеняев. В числе богомольцев находилась также известная религиозная писательница и правозащитник Зоя Крахмальникова [4, с. 3].

В конце 1990 года Архиерейский Синод РПЦЗ располагал в России достаточной материальной базой и

достаточным количеством священнослужителей и приходов для официального открытия и регистрации Епархиального Управления в Суздале.

10 февраля 1991 года в Брюсселе состоялась хиротония архимандрита Валентина (Русанцова) в епископа Суздальского, викария Преосвященного Лазаря, архиепископа Тамбовского и Моршанского.

Воскресную литургию, на которой совершилась архиерейская хиротония архимандрита Валентина, возглавил Преосвященный Антоний (Бартошевич), архиепископ Женевский и Западно-Европейский. С ним сослужили Преосвященные Марк, архиепископ Берлинский и Германский, Варнава (Прокофьев), епископ Каннский, и епископ Григорий (Граббе), прилетевший из Америки. Несмотря на снегопады и вызванные ими большие трудности движения на дорогах, приехало духовенство из Франции, Швейцарии и Германии. Хиротония совершалась в храме-памятнике святого Иова Многострадального [5, с. 11 – 12].

В статусе викарного епископ Валентин пробыл совсем недолго и уже в октябре 1991 года был назначен правящим архиереем с титулом «Суздальский и Владимирский» с широкими полномочиями организации приема приходов на всей территории Российской Федерации [2, с. 10].

В городе Суздале в безвозмездное и бессрочное пользование централизованной религиозной организации (ЦРО) – Суздальской епархии РПЦЗ – распоряжением Комитета Управления Государственным Имуществом (КУГИ) были переданы фактически используемые общиной РПЦЗ Царе-Константиновская и Скорбященская

церкви, а также Успенская церковь на Кремлевской улице, Кресто-Никольская церковь с колокольной и часовней на Торговой площади, Лазаревская, Антипьевская, Богоявленская, Космодемьяновская, Тихвинская и Борисоглебская церкви. Все эти храмы были расположены в центре города, но находились в плохом техническом состоянии (кроме ранее отреставрированных суздальской общиной Царе-Константиновского и Скорбященского) [6, л. 33 – 34].

В окрестностях Суздаля также были переданы следующие исторические храмы: церковь архидиакона Стефана вместе с оградой, колокольной и святыми воротами в селе Кидекша, церковь Василия Великого с колокольной в селе Борисовское, Михаило-Архангельская церковь в селе Ивановское, церковь Александра Невского в селе Весь, церковь Ефрема Сирина с колокольной в селе Омутское, Георгиевская церковь в селе Крапивье, церковь Иоанна Предтечи в селе Павловское [6, л. 33 – 34].

В Петушинском районе Владимирской области Суздальская епархия РПЦЗ пользовалась храмом в честь Черниговской иконы Божьей Матери, который, в отличие от храмов Суздаля и Суздальского района, номинально оставался в ведении Владимирской епархии Московского Патриархата.

В результате ознакомления с положением дел в российских приходах РПЦЗ Архиерейский Синод вынес ряд постановлений, целью которых была стабилизация обстановки в Суздальской епархии РПЦЗ и в епархиях, возглавляемых архиепископом Лазарем и епископом Вениамином.

В целях прояснения информации о действительном положении дел в приходах РПЦЗ в России Архиерейский Синод поручил епископу Валентину провести пресс-конференцию в Москве и обеспечить нормальную работу Синодального подворья в столице России [2, с. 49]. На просьбу епископа Валентина о дотациях на нужды Суздальской епархии Архиерейский Синод ответил отказом.

В то же время в среде американских верующих РПЦЗ был создан благотворительный фонд имени святого равноапостольного князя Владимира, который собирал пожертвования и пересылал их в Суздаль на реставрацию передаваемых общинам РПЦЗ храмовых зданий. Деятельностью фонда руководили клирик РПЦЗ протоиерей Владимир Шишков и личный секретарь епископа Григория (Граббе) Анастасия Георгиевна Шатилова. В период с 1992 по 1995 годы фонд собрал и передал в Россию более полумиллиона американских долларов, этих средств было вполне достаточно для осуществления первичной реставрации исторических храмов города Суздаля, которых в конечном итоге епархии было передано десять (Царе-Константиновский, Скорбященский, Борисоглебский, Космодемьяновский, Антипьевский, Лазаревский, Тихвинский, Иоанно-Предтеченский, Богоявленский, Тихвинский). На средства, присланные от американских верующих РПЦЗ в начале 1990-х годов, в Суздале было выстроено многофункциональное здание Епархиального управления по адресу: улица Теремки, дом 2, в котором разместились два домовых храма: синодальный в честь Иверской Монре-

альской чудотворной иконы Божьей Матери и в честь Новомучеников и Исповедников Российских (в крипте).

В период возникновения и организационного оформления в состав Суздальско-Владимирской епархии РПЦЗ вошло около 70 приходов, продолжавших легальное существование и гораздо большее количество общин катакомбных верующих, предпочитавших нелегальное служение.

В первую очередь инициативу суздальского Царе-Константиновского прихода поддержали православные общины в Суздальском районе. Так возникли приходы Суздальской епархии РПЦЗ:

Приход храма св. Василия Великого в селе Борисовское;

Приход храма св. Иоанна Предтечи в селе Павловское;

Приход храма св. Архистратига Михаила в селе Ивановское;

Приход храма св. Георгия Победоносца в селе Крапивье;

Приход храма св. Александра Невского в селе Весь;

Приход храма св. Николая Чудотворца в селе Омутское;

Приход храма св. Архидиакона Стефана в селе Кидекша;

Приход храма св. Бориса и Глеба в селе Ляховицы.

Приходы РПЦЗ, возникшие на территории постсоветского пространства, можно условно классифицировать по трем признакам:

1) приходы, ранее входившие в состав епархий Русской Православной Церкви Московского Патриархата;

2) приходы, возникшие в начале 1990-х годов в населенных пунктах, где долгое время не было действующего православного храма;

3) приходы различных направлений катакомбного движения Русской Катакомбной Церкви истинно-православных христиан (ИПХ) и Истинно-Православной церкви (ИПЦ), ранее не имевшие иерархии или номинально подчинявшиеся Архиерейскому Синоду РПЦЗ.

Особого внимания заслуживает деятельность Российского Православного Братства преподобного Иова Почаевского. Эта организация возникла согласно постановлению Архиерейского Синода РПЦЗ от 9/22 мая 1991 года, ее деятельность находилась в непосредственном ведении митрополита Виталия и церковно управлялась через епископов, руководящих церковной жизнью приходов РПЦЗ в России [2, с. 52].

Деятельность братства заключалась в первую очередь в оказании юридической, материальной и моральной помощи вновь образованным приходам РПЦЗ в России. За три года своего существования братство благодаря своему легальному статусу оказало содействие в регистрации шести приходов Пермского благочиния РПЦЗ.

В марте 1994 года в Суздале произошло совершенно неожиданное для многих последователей РПЦЗ в России событие: архиепископ Лазарь и епископ Валентин заявили об образовании совместного Временного Церковного Управления (ВВЦУ) Российской Православной Свободной Церкви. Председателем ВВЦУ избрали архиепископа Лазаря, а его заместителем, который и стал фактически руководить новым органом церковной власти, – епископа Валентина, возведенного архиепископом Лазарем в сан архиепископа. Создание ВВЦУ выглядело как волеизъ-

явление участников Четвертого съезда духовенства, монашествующих и мирян Суздальской епархии, проведенного в Суздале 21 – 24 марта 1994 года.

Участники съезда единогласно приняли «Положение о Высшем Временном Церковном Управлении Русской Православной Церкви». Заслуживает внимания факт отсутствия слова «Заграницей» во всех декларациях и заявлениях представителей Суздальской епархии РПЦЗ, начиная с этого документа:

«1. Высшее Временное Церковное Управление (ВВЦУ) создано в соответствии с п. 2 Указа № 362 Св. Патриарха Тихона от 7/20 ноября 1920 г. ВВЦУ не является высшей инстанцией Церковной власти для всей России (в границах до распада СССР), но только для епархий, находящихся в ведении ВВЦУ.

2. ВВЦУ объединяет епархии и отдельные приходы Русской Православной Церкви, оставшиеся верными Св. Писанию и Св. Преданию, Догмам, Канонам и Правилам Св. Апостолов и св. Вселенских и Поместных Соборов, постановлениям Поместных Соборов Российской Православной Церкви, Указов Св. Патр. Тихона и постановлений Высшей Церковной Власти, бывших до разделения 1927 г.

Означенные положения, а также положение о Высшем епархиальном Управлении Православной Церкви, принятое Поместным Собором 1918 г., являются основой деятельности ВВЦУ.

3. В состав ВВЦУ на данном этапе входят Архиереи и Епархиальные советы, по инициативе которых созываются заседания ВВЦУ. Заседания ВВЦУ должны проводиться не реже одного раза в год.

В дальнейшем состав ВВЦУ определится в соответствии с Положением о Высшем и Епархиальном Управлении Православной Церкви, принятым Поместным Собором 1918 г.

4. ВВЦУ является высшей инстанцией Церковного суда для епархий, входящих в состав ВВЦУ.

5. Конечной целью деятельности ВВЦУ является созыв свободного Всероссийского Поместного Собора» [2, с. 165].

Первыми заметными деяниями ВВЦУ стало рукоположение новых епископов из числа ближайших сотрудников основателей ВВЦУ: со стороны архиепископа Лазаря – архимандрита Агафангела (Пашковского) во епископа Симферопольского (в настоящее время митрополит Одесский юрисдикции РПЦЗ(А), объединившей приходы РПЦЗ, не пожелавшие участвовать в объединительном процессе с Московским Патриархатом 17 мая 2007 года); со стороны епископа Валентина – архимандритов Феодора (Гинеевского) во епископа Борисовского и Серафима (Зинченко) во епископа Сухумского (в настоящее время архиереи юрисдикции РПАЦ (Российской Православной Автономной Церкви). Все трое епископов титуловались викариями.

В отношении архиепископа Лазаря и епископа Валентина Архиерейский Синод на заседании в конце февраля 1995 года принял весьма категоричное решение: оба за «непризнание» Леснинского Акта были запрещены в священнослужении «вплоть до покаяния». Временное руководство их епархиями было поручено епископу Евтихию, еще на Леснинском Соборе назначен-

ному временно управляющим Московской и Санкт-Петербургской епархиями РПЦЗ.

Епископ Валентин в создавшейся ситуации уже в начале марта 1995 года созвал в Суздале Второе Российское Архиерейское Собрание, которое он хотел противопоставить Архиерейскому Синоду РПЦЗ. Однако замысел этот был реализован не в полном объеме: в Собрании отказался участвовать председатель первого суздальского ВВЦУ архиепископ Лазарь, так же поступил и епископ Черноморский и Кубанский Вениамин (Русаленко). Таким образом, в Собрании участвовали лишь архиереи «суздальской группы» – сам епископ Валентин и два его ставленника-викария – епископы Феодор и Серафим.

Архиерейский Собор РПЦЗ был вынужден вновь рассмотреть статус епископа Валентина и остающейся в его подчинении части Суздальской епархии РПЦЗ. На заседании 10 сентября 1996 года была сформулирована следующая резолюция «по делу Епископа Валентина и его группы»:

«1. На основании имеющихся документов в деле Архиерейского Синода по сему вопросу и сообразуясь с постановлением Архиерейского Синода по сему делу от 9/22 февраля 1995 года, в котором указывается, что в городе Суздале 13/26 января 1995 года состоялось собрание, на котором был нарушен Акт соглашения, принятый в Леснинском монастыре, в связи с чем Архиерейский Синод вынес следующее определение:

Преосвященный Епископ Валентин Суздальский и Владимирский запрещается в священнослужении, а в

случае неподчинения настоящему определению будет лишен сана.

2. Поскольку Епископ Валентин Суздальский вместе со своими клириками вернулся к своему, так называемому «Временному Высшему Церковному Управлению Российской Православной Церкви», то Архиерейский Собор, как было первоначально указано в определении Архиерейского Синода от 23 март./5 апр. 1994 года, повторяет, что «всякий бунт против законной власти есть проявление любовначалия. Также и самовольный выход Епископа из-под власти своего Митрополита и Архиерейского Собора определяется святыми правилами как похищение власти. Поэтому инициатор бунта и последовавшие за ним клирики и миряне совершают тяжкий грех пренебрежения к богоустановленному порядку, ибо они отделяются от Церкви»...

3. Преосвященный Епископ Валентин своим отделением от священноначалия Русской Православной Церкви Заграницей нарушил данную им при хиротонии Архиерейскую присягу на верность Архиерейскому Собору РПЦЗ.

Ссылка Епископа Валентина на указ Святейшего Патриарха Тихона от 7/20 ноября 1920 года за номером 362-м, не может быть признана состоятельной, т.к. указ сей предусматривает случай практической невозможности сношения с центральной властью, чего в данном случае утверждать нельзя...

4. В связи с вышеизложенным Архиерейский Собор определяет: Так как Епископ Валентин учинил церковный раскол, и будучи запрещен в священнослужении, продолжает служить, чем нарушает правила: 28-е Апостольское,

29-е (38-е) Карфагенского Собора и 88-е (конец) Святителя Василия Великого;

А за служение в запрещенном состоянии, правило указывает, что «прежде выслушания оправдания онаго, дерзающий приступать к общению, признаваем был произнесшим сам на себя приговор осуждения» (38-е правило Карфагенского Собора).

Таким образом, Епископ Валентин подвергает себя действию вышеприведенных правил и поэтому подлежит лишению священного сана.

Постановили: Считать Епископа Валентина лишенным священного сана на основании вышеуказанных церковных канонов, а его, так называемые священнодействия, считать недействительными.

О чем сообщить бывшему Епископу Валентину, послав ему сие определение, и опубликовать его в церковной печати» [7, с. 6 – 8].

Ввиду сознательного и всестороннего отпадения епископа Валентина от канонического и административного подчинения Архиерейскому Синоду РПЦЗ в сентябре 1996 года на Архиерейском Соборе Зарубежной Церкви последний был лишен сана епископа.

Дальнейшая деятельность Суздальской епархии отца Валентина и его сподвижников осуществлялась и осуществляется до сего дня вне всякой связи с РПЦЗ. Как каноническое подразделение Архиерейского Синода РПЦЗ Суздальская епархия прекратила свое существование в первой половине 1995 года.

Одной из причин возникновения и организационного оформления Суздальского Епархиального Управления

РПЦЗ явился дисциплинарный конфликт, выразившийся в нежелании клирика Владимирской епархии Московского Патриархата архимандрита Валентина (Русанцова) подчиниться указу своего правящего архиерея архиепископа Валентина (Мищука) о переводе к новому месту служения в город Покров.

Образование Суздальской епархии РПЦЗ на канонической территории Московского Патриархата явилось неканоническим деянием, что в последующем признали и сами архиереи РПЦЗ (например, архиепископ Берлинский и Германский Марк (Ардт) в своем докладе VI Всезарубежному Собору РПЦЗ в 2006 году в Сан-Франциско). Аналогичного мнения придерживается епископ Евтихий (Курочкин) в «Обращении по поводу послания Архиерейского Собора РПЦЗ в октябре 2000 г.»: «...несчастный монах Валентин (Русанцов), подписывая Акт примирения с Собором РПЦЗ, имел, как показало время, в мыслях и намерениях совсем другое: скрыть от своей паствы этот Акт, никогда не исполнять его, а потом опровергнуть его» [8, с. 3].

Относительно непродолжительное пребывание епископа и большинства клириков Суздальской епархии РПЦЗ в подчинении Первоиерарху и Архиерейскому Синоду Зарубежной Церкви (1990 – 1995) вызвано в первую очередь кризисом, возникшим в епархии, в результате которого его организатор епископ Валентин (Русанцов) решением Архиерейского Синода РПЦЗ был фактически отстранен от управления ей.

Дальнейшая после отделения от Архиерейского Синода РПЦЗ деятельность епископа Валентина и его еди-

номышленников нанесла большой вред миссии РПЦЗ в России и носила явно антиканонический характер, и в то же время способствовала большей части российских верующих РПЦЗ участвовать в объединении с Русской Православной Церковью Московского Патриархата 17 мая 2007 года.

Отец Валентин, лишенный сана архимандрита в Русской Православной Церкви Московского Патриархата и сана епископа в Русской Православной Церкви Заграницей до своей кончины 16 января 2011 года продолжал именоваться митрополитом и возглавлять централизованную религиозную организацию «Российская Православная Автономная Церковь» (РПАЦ). В период с 1995 по 2011 годы им было совершено несколько епископских (на 8 февраля 2008 года в иерархии РПАЦ состояли: Валентин (Русанцов) – митрополит Суздальский и Владимирский, Первоиерарх РПАЦ, Феодор (Гинеевский) – архиепископ Борисовский и Отрадненский, Серафим (Зинченко) – архиепископ Сухумский и Абхазский, Иринарх (Нончин) – епископ Тульский и Брянский, Виктор (Контузоров) – архиепископ Даугавпилсский и Латвийский, Антоний (Аристов) – архиепископ Яранский и Вятский, Тимофей (Шаров) – епископ Оренбургский и Курганский, Андрей (Маклаков) – епископ Павловский, управляющий приходами РПАЦ в США, Иаков (Антонов) – епископ Суходольский (Украина), Амвросий (Епифанов) – епископ на покое, Илларион – архиепископ Смелянский (Украина)) [9, с. 47] и более ста иерейских и дьяконских хиротоний, что содействовало существенному укреплению иерархии этой юрисдикции.

Библиографические ссылки

1. Дни, которые потрясли Московскую Патриархию // Суздальский паломник. 1991. № 8.
2. Суздальский паломник. 1994. № 18, 19, 20.
3. Журнал № 72 Заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 10 апреля 1990 г. // Архив ОБЦС. Л. 201.
4. Торжества в Суздале // Православная Русь. 1990. № 15.
5. Из жизни нашей Церкви // Вестник Германской епархии РПЦЗ. 1991. № 2.
6. Перечень храмов, переданных в безвозмездное бессрочное пользование РПАЦ // Архив Владимирского епархиального управления. Оп. № 3 «Фонд документов личного дела Русанцова Анатолия Петровича и Суздальского раскола. Т. 3. 2007, 2009 – 2012 гг.». Л. 33 – 34.
7. Постановления Второй Сессии Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей // Церковная Жизнь. Издание при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви Заграницей. 1996. № 5 – 6.
8. Православная Русь. 2001. № 4. С. 3.
9. Архиерейский Собор Российской Православной Церкви. Десятый съезд духовенства, монашествующих и мирян Суздальской епархии. 2008.

A. V. Makovetskii

**THE RECENT HISTORY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
OUTSIDE OF RUSSIA (BASED ON THE ARCHIVES
OF VLADMIR DIOCESE OF THE MOSCOW PATRIARCHATE)**

The subject of this study is to stage the appearance and institutionalization of the Russian Orthodox Church Outside of Russia (ROCOR) in the canonical territory of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, the former Soviet Union in the early 1990s. The subject of the study is the organizational, political, and religious development trends of the Russian diocesan centers of ROCOR and analysis of their activity. The study identifies the causes that explain the failure of the Russian ROCOR parishes to participate in the establishment of canonical communion between the Moscow Patriarchate and the Synod of Bishops on May 17, 2007. A major role in the study of this topic belongs to the materials of archive of Vladimir-Suzdal diocese of the Moscow Patriarchate stored in the special "Fund of Documents of the Personal files of Rusanov Anatoly Petrovich and Suzdal schism."

Keywords: Russian Orthodox Church Abroad (ROCOR), the Synod of Bishops, canonical territory, the First Hierarch of ROCA, Suzdal-Vladimir Diocese (ROCOR), Odessa-Tambov Diocese of (ROCOR), Ishim-Siberian diocese of (ROCOR), administrative and canonical subordination of church-state relations, freedom conscience.

ФОРМИРОВАНИЕ ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИИ И США В ГОДЫ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА В. В. ПУТИНА

В статье исследуется взаимовосприятие России и США в 2000 – 2004 гг. на основе анализа материалов отечественной и американской периодической печати. Определяются основные факторы, обусловившие восприятие странами друг друга и устойчивые характеристики их образов. Проведенный анализ позволил выявить эволюцию взаимовосприятия России и США в исследуемый период, оценить степень преемственности образов двух стран и определить перспективность их сотрудничества.

Ключевые слова: взаимовосприятие, стереотип, образ, эволюция, российско-американские отношения.

Проблема взаимовосприятия странами друг друга актуальна с научной и практической точки зрения, а ее исследование на примере России и США занимает одно из центральных мест в сфере гуманитарных наук [2]. Взаимовосприятие США и России во многом определяет внешнюю политику двух государств и поведение на международной арене, что демонстрируют, в частности, события вокруг украинского кризиса. Как отмечают Е. В. Егорова-Гантман и К. В. Плешаков, «субъект международных отношений осуществляет каждый свой шаг, руководствуясь имеющимися образами объекта. Эти образы действуют спонтанно, как бы исподволь направляя, ограждая, указывая» [3, с. 30].

В начале 2000-х гг. в России происходили глубокие трансформационные процессы, которые вызвали качественные сдвиги во всех областях жизни общества и государства. Исто-

рия развития России в 1990-х гг. показала необходимость глубоких изменений во внешней политике страны, во всех сферах внутреннего развития и обострила вопрос о поиске новой российской идентичности.

На международном уровне суть изменений заключалась, прежде всего, в международном терроризме (террористические атаки в США 11 сентября 2001 г.), усилении разногласий в области урегулирования международных конфликтов (беспрецедентный акт агрессии США против Ирака), более уверенной и самостоятельной политике России не только по отношению к соседним государствам, но и к крупным политическим лидерам, прежде всего, к США. У стран появились новые проблемы и вопросы, возросло значение контроля и прогнозирования международных процессов.

Основные факторы, обострившие отношения между Россией и США и во

многим определившие взаимное восприятие стран в начале XXI в., обозначились в период президентства Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона: со стороны России – противодействие планам расширения НАТО и более уверенная внешняя политика страны, которая выражалась, прежде всего, в развитии отношений со странами СНГ; со стороны США – бомбардировки Югославии; нежелание признавать чеченский конфликт внутренним делом России; позиция по проблеме сокращения ядерных вооружений.

Демонстрация Америкой своей приверженности курсу на однополярный мир способствовала пониманию руководством России приоритетности национальных интересов и осознанию того, что демократия, предполагающая реализацию идеи равенства, не является принципом внешней политики США.

В 2000-м г. В. В. Путин, став президентом России, продолжил тенденцию, оформившуюся в конце 1990-х гг., провозгласив, что одной из главных задач страны в новом столетии станет укрепление ее позиций на международной арене. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 г. подчеркивалось, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов» [5, с. 111]. В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2001 г. было выражено явное несогласие и непримирение России с «созданием однополярной структуры мира при экономи-

ческом и силовом доминировании США» [7].

Восприятие страны неотделимо от представлений об ее политическом лидере. Образы президентов России и США преимущественно способствовали сохранению негативного фона во взаимовосприятии двух стран. Данные контент-анализа материалов «Российской газеты», «Независимой газеты», «Аргументов и фактов» за 2000 г. и первую половину 2001 г. показали, что американская тематика российских СМИ создавала в целом негативное восприятие США и новоизбранного президента. Акцентировалось внимание на некомпетентности Дж. Буша-мл. как политического деятеля, возможном осложнении американо-российских отношений как на политическом, так и на экономическом уровнях в связи с более жестким курсом США, несовершенствах избирательной системы страны.

Американская пресса также проявила большой интерес к личности президента России В. В. Путина. Принцип контраста с ельцинским периодом и оценкой развития России в 1990-е гг. стал главным фактором положительного восприятия В. В. Путина в США. Тема авторитарности в сфере внутренней политики В. В. Путина, которая часто связывалась со службой президента России в КГБ, детерминировала появление отрицательных оценок в его образе. В. В. Путин представлялся как политик, толкающий Россию в прошлое, человек, которому нельзя доверять, как угроза либеральным ценностям, диктатор.

Анализ следующих высказываний очень ярко демонстрировал отношение США к России в 2000-м г. На слушаниях в Конгрессе представитель от штата Нью-Джерси Х. Смит обратил внимание на то, что Россия обладает большим потенциалом и представляет опасность для США. Р. Менендес считал мудрым подходом в отношении с Россией политику Б. Клинтона, где «главным принципом было не считать Россию нашим врагом, но и не считать другом» [10]. С. Рой отмечал, что «в ближайшем будущем, способность России угрожать США и их интересам за рубежом больше, чем у всех наших потенциальных противников вместе взятых» [8].

Таким образом, у многих в США Россия вызывала чувство опасности и угрозы. Эта опасность в большей степени была связана не с беспокойством по поводу «авторитарного стиля правления» Путина, а с появлением новой, вставшей на путь самостоятельного развития России. Если раньше, как справедливо подчеркивают авторы коллективной монографии «"Рычащий медведь" на «диком Востоке» (Образы современной России в работах американских авторов: 1992 – 2007)», «наследница поверженной сверхдержавы представала в них как страна, хотя и лежащая в руинах, задыхающаяся от множества проблем, отставшая на десятилетия от «цивилизационного мира», но избравшая «правильный» (либерально-демократический) путь выхода из кризиса, ориентирующаяся на Запад и при всех ошибках ее руководства движущуюся, в общем и целом,

вперед» [1, с. 341], то в начале 2000-х гг. это была страна, вставшая на новый путь развития; страна, имеющая собственную позицию и интересы, которые руководство России собиралось отстаивать и реализовывать на международной арене.

В рассматриваемый период наблюдалась эволюция образов России и США. В первой половине 2001 г. преобладающими в освещении американской и российской тематики в прессе двух стран оставались отрицательные характеристики. Начало изменения негативного фона в восприятии странами друг друга было связано с встречей Дж. Буша-мл. и В. В. Путина на российско-американском саммите в Любляне в июне 2001 г. Позиционирование России как союзника США в борьбе с международным терроризмом способствовало появлению позитивных оценок Америки в российской периодике. Негативные характеристики в описании образа США после 11 сентября 2001 г. сократились на 25 %.

В то же самое время образ Америки как «судьи и диктатора», проявляющего односторонние, силовые действия, оставался актуальным на страницах российской прессы. Основой негативного восприятия США были трудности реализации взаимовыгодного партнерства двух стран, а также решение Дж. Буша-мл. о выходе из Договора ПРО 1972 г. и политические действия США в отношении стран, включенных по их критериям в «ось зла».

Основные составляющие негативного образа США отличались устойчивостью и были трудно изменяемы.

На уровне массового сознания граждан России не без основания сохранялось недоверие к США. Убежденность граждан России в слабости своей страны вследствие «отставания» от Америки, что вынуждало к сотрудничеству со странами Запада даже на их условиях, также осложняла формирование положительного восприятия США.

Сразу после событий 11 сентября 2001 г. количество критичных заявлений в адрес России заметно уменьшилось и в американской прессе, но данная тенденция не была долговременной и носила поверхностный характер. Несмотря на позитивную оценку готовности Москвы поддерживать США, доминирующим был образ России как страны, скрывающей за заявлениями о безоговорочной поддержке Америки удовлетворение своих интересов. Доминирующими темами, создающими негативный образ России в США, в 2002 г. оставались экономическая ситуация в стране, внутренняя политика президента и сохранение военного очага в Чечне, укрепление союза России с Китаем.

Компаративный анализ взаимовосприятия стран показал, что образы США и России в рассматриваемый период отличались зеркальностью восприятия, основанной на сохранившемся недоверии.

В 2003 г. развязанная США война в Ираке способствовала актуализации стереотипов эпохи «холодной войны» в оценках странами друг друга.

Несостоятельность причин, позволивших США начать войну, укрепила восприятие Америки как «страны-

потребителя». Одновременно в российских СМИ утвердился образ США как «страны агрессора и гегемона». Контент-анализ материалов «Независимой газеты» и «Известий» за 2003 г. показал, что по частоте использования данные термины превышали другие характеристики в образе США.

Подчеркивалось, что российско-американские отношения пропитаны духом «холодной войны». Внешнеполитическая составляющая образа США выражалась в персонификации критики военных действий Америки в образе президента страны. Углубляя анализ иракских событий, российские журналисты освещали последствия иракского кризиса. США выступали в образе виновника бессмысленных жертв людей и дестабилизации международных отношений в целом.

Актуализировался культурный аспект во взаимовосприятии США и России, в основе которого лежали несопадающие ценности двух стран. США с культурной точки зрения изображались на страницах отечественной прессы в очень неприглядном свете, в отличие, например, от стран Европы, культура которых представляла собой «наследие греческой философии, римского права, христианских традиций» [4]. Россия воспринималась как неотъемлемая часть этого мира, подчеркивалась «близость наших культур» [6], что, в свою очередь, создавало чувство общности с европейскими странами и неприятие американского образа жизни.

Основным фактором формирования образа России в США в 2003 г. было отношение страны к войне в

Ираке. Россия не представлялась в образе страны, выступающей за сохранение многополярного мира, а воспринималась как меркантильное государство, стремящееся реализовать свои экономические интересы в Ираке. Очевидное совпадение оценок двух стран показывает, что актуализация данного образа России была ответной реакцией, обусловленной необходимостью оправдать политические действия США.

В связи с противодействием России войне в Ираке американские журналисты заостряли внимание на основных источниках критичного восприятия России в США: продолжавшейся войне в Чечне и «авторитарности» В. В. Путина. По мнению американской прессы, российская демократия не прошла своеобразной проверки на прочность из-за дел, связанных с «ЮКОСом» и радио «Свобода».

Борьба с международным терроризмом стала одним из важнейших факторов российско-американских отношений. Положительная динамика в формировании взаимопредставлений России и США, появившаяся в прессе после событий 11 сентября 2001 г., была разрушена начавшейся войной в Ираке, которая определила критические оценки странами друг друга и общее направление эволюции их взаимовосприятия.

Развитие событий на постсоветском пространстве в 2004 г. способствовало усилению негативных оценок во взаимовосприятии двух стран.

Контент-анализ материалов «Независимой газеты», «Российской газеты», «Известий» за 2004 г. показал, что

стремление США закрепить свои позиции на территории бывшего СССР определило образ Америки в российской прессе как «гегемона, претендующего на глобальное лидерство и не считающегося с мнением других»; «страны, бросившей вызов российскому влиянию на постсоветском пространстве, которая преследует цель вытеснить Россию и превратить в сырьевой придаток Запада». В российском общественном мнении закрепилась ассоциация Америки с угрозой на фоне убеждения в том, что Россия больше не является могучей, непобедимой и несокрушимой державой.

Комментируя президентские выборы в США в 2004 г., российские журналисты ставили под сомнение правомерность Вашингтона рассуждать по поводу реализации демократических прав и свобод в России, что усиливало негативное восприятие Америки.

Освещая тематику политического развития бывших постсоветских республик и участие в нем Российской Федерации, СМИ США писали о рождении новой эры конфронтации между двумя странами, главным виновником которой, по их мнению, была Россия. В США восприятие страны осуществлялось через призму ее прошлого: Россия обвинялась в «агрессивности», «проявлении имперских амбиций», «вмешательстве в дела другой страны».

Позиция России по Ираку, политика страны на постсоветском пространстве и президентские выборы 2004 г. обусловили повышенное внимание американской прессы к теме соблюдения

демократических прав и свобод в России. Предвыборная кампания В. В. Путина освещалась американскими СМИ практически исключительно с отрицательной стороны. Контент-анализ материалов СМИ США («Time», «U.S. News & World Report», «Newsweek», «Business Week», «The Christian Science Monitor») за 2003 – 2004-й гг. показал, что в образе России преобладали такие понятия, как «авторитаризм», «политика закручивания гаек», «ужесточение медиа-контроля».

Восприятие России на страницах американской прессы во многом обусловлено разным менталитетом американцев и россиян, что объясняет наполнение тех или иных понятий разными смысловыми категориями. Оценивая политику Российской Федерации как «имперскую», американские журналисты игнорировали право страны на реализацию своих геополитических интересов.

Преобладание негативных характеристик во взаимовосприятии России и США позволяет сделать вывод о том, что в начале 2000-х гг. перспективность эффективного сотрудничества двух стран была ограничена. Исследование динамики взаимных образов России и США показало преимущественно одновременное изменение тональности в освещении американской и российской проблематики в прессе двух стран в 2000 – 2004-м гг., что свидетельствовало о высокой степени взаимообусловленности их образов.

Но, если имидж США преимущественно коррелировал с действительной политикой этой страны, то в

сформированном образе России очень ярко обнаруживалась проблема преломления образа «Другого» в реализации Америкой своих интересов. Именно СМИ США в периоды обострения российско-американских отношений акцентировали внимание на самых устойчивых и долгосрочных факторах критического восприятия России. Проблемы во внутреннем развитии России давали поводы для критики, но часто они были преувеличены и несоизмеримы с действительной ситуацией в стране. Прослеживалась преемственность между образом современной страны и образом СССР. Определяющим вектором восприятия России в США было исторически сложившееся, стереотипное видение страны. Кроме того, как справедливо отмечает А. Ливен, каждый раз, когда США нужно найти оправдание своих действий, они пользуются аргументом, который имеет глубокие исторические корни и объясняет военные действия США не желанием улучшить свое экономическое благополучие, а борьбой против зла [9, с. 72].

Формируемый образ США в России также отличался преемственностью восприятия, которая объясняется тем, что на протяжении всего периода исследования концепты массового сознания в отношении США (представление о заинтересованности Америки в слабой России; о том, что политика США угрожает нашей стране; о зависимости России от стран Запада, и в частности от США) не изменялись, что было связано с действиями Америки на международной арене и с внутренними проблемами российского общества.

Несмотря на положительные тенденции, связанные с увеличением оптимизма, постепенной нормализацией социально-экономического климата в стране и позиций России на международной арене, проблема формирования российской идентичности оставалась одной из самых актуальных для нашей страны. Именно этот фактор объясняет сохраняющуюся неопределенность восприятия США российским массовым сознанием, одновременно сосуществующую с негативными образами страны. Утрата Россией статуса сверхдержавы, так болезненно переживаемая российским обществом, и продолжающийся процесс самоопределения России, с одной стороны, обуславливали значимость образа США, желание стать для них партнером. С другой стороны, созданные политикой Америки негативные образы страны способствовали осознанию как гражданами России, так и ее руководством, необходимости проведения политики, в основе которой лежат национальные интересы страны и определение самостоятельной роли на международной арене.

Библиографические ссылки

1. Баталов Э. Я., Журавлева В. Ю., Хозинская К. В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (Образы современной России в работах американских авторов: 1992 – 2007 гг.). М. : РОССПЭН, 2009. 384 с.
2. Болховитинов Н. Н. Образ Америки в России // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М. : Наука, 2001. С. 430 – 448 ; Лапшина И. К. Дядюшка Сэм: партнер или враг? Образ США в отечественной центральной прессе первой половины 1920-х гг. // Американский ежегодник. 1999. М. : Наука, 2001. С. 194 – 207 ; Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881 – 1914. М. : РГГУ, 2012. 1136 с.
3. Егорова-Гантман Е. В., Плешаков К. В. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12. С. 19 – 23.
4. Злобин Н. США удивлены антиамериканизмом Европы // Независимая газета. 2003. 27 янв.
5. Шаклеина Т. А. Концепция внешней политики Российской Федерации. 28 июня 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991 – 2002 : хрестоматия : в 4 т. Т. IV. Документы. М. : Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)». 2002. 538 с.

6. Куранов А. Хитрость и скрытность уже вне дипломатии // Независимая газета. 2003. 10 февр.
7. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ. 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/psl_prezident_rf/26-poslanie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_federalnomu_sobraniju_rf_2001_god.html, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 15.03.2013).
8. Current and projected national security threats to the United States. Hearing before the Select Committee on Current and Projected National Security Threats to the United States. One hundred sixth Congress. Second session. February 2, 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-106shrg65329/pdf/CHRG-106shrg65329.pdf> (дата обращения: 28.04.2014).
9. Lieven A. *America Right or Wrong: An Anatomy of American Nationalism*. New York: Oxford University Press, 2004. 272 p.
10. Russia: How Vladimir Putin rose to power and what America can expect. Hearing before the Committee on International Relations. House of Representatives. One hundred sixth Congress. September 27, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-106hhr69718/pdf/CHRG-106hhr69718.pdf> (дата обращения: 24.04.2014).

A. A. Ishchenko

**THE FORMATION OF RUSSIAN – AMERICAN MUTUAL PERCEPTIONS
DURING THE FIRST TERM OF PUTIN’S PRESIDENCY**

The article is devoted to the mutual perceptions of Russia and the USA during 2000 – 2004 through the analysis of Russian and American mass media. The author determines the main factors affecting the images of the two countries and their generalized characteristics. The analysis reveals the evolution of the Russian and American mutual perceptions. It also allows to estimate the degree of continuity in the images of Russia and the USA and the perspectives of their cooperation.

Keywords: mutual perception, stereotype, image, evolution, Russia-USA relations.

**НОМИНАЦИЯ В ДИАХРОНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБОЗНАЧЕНИЙ
ЦВЕТА В РУКОПИСНЫХ ТРАВНИКАХ)***

Статья посвящена историческому анализу семантики слов, обозначающих цвет. На материале рукописных травников XVII – XVIII вв. демонстрируются случаи синкретизма, а также основных и окказиональных значений ядерных (*красный, белый, синий, зеленый, желтый, черный*) и периферийных единиц лексико-семантического поля ‘ЦВЕТ’ (*багровый, багряный, бурый, вишневый, вороной, лазоревый, малиновый, рудожелтый, румяный, смуглый* и др.).

Ключевые слова: номинация, диахрония, синкретизм, цветообозначения, рукописные травники.

Характеристика диахронной номинации не может основываться на современном восприятии семантики лексической единицы, поскольку «... переносное, вторичное с исторической точки зрения значение может стать его основным значением, а употребление слова в историческом основном значении будет ощущаться говорящими уже как проявление вторичного значения» [29, с. 111 – 112]. Для подтверждения этого положения исследователи чаще всего обращаются к хрестоматийной истории прилагательного *красный* [4; 7]. Как известно, первоначальным, прямым, значением этого слова было нецветовое значение, которое в современных толковых словарях дается как вторичное [9, с. 278]. Цветовое значение у этого прилагательного сформировалось относительно поздно. Н. Б. Ба-

хилина указывает, что в памятниках «... XV, XVI, XVII, вплоть до XVIII в., прилагательное *красный* весьма употребительно в своей старой роли, как слово, выражающее не очень определенные, но зато самые разнообразные положительные качества: красивый, прекрасный, привлекательный, ценный, драгоценный, отличный, нарядный, отменный и прочее» [2, с. 165].

В текстах рукописных травников XVII – XVIII вв., описывающих внешний вид лекарственных растений и способы их применения, цветовое и оценочное значения тесно переплетены, *синкретичны* (подробнее см. [12]), поэтому зачастую довольно трудно определить, о чем в травнике идет речь: о *красном* цвете или *красивом* цветке, например: «Цвѣтъ мелокъ початкомъ, *красень*» [6, с. 214]; «цветом *красна*»

---

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 15-24-01007 а(м).

[13, л. 66 об.]; «Трава царския очи велми добра у кого очи болять порчею, собою мала, ростом в иглу, тонка, что игла, *красна* собою, листочки *красны* видомъ» [18, л. 31]; «цвѣтъ *красень* же, наверху, что иголка мала» [19, л. 27 об.]; «собою мала, выголку, а листь к земли на маху *красныя*, цветъ *красень*» [21, л. 16]; «*красна* собою, цветъ *красен* же» [22, л. 10]; «ростомъ въ иглу, собою *красна* и листочки *красны*, и та трава угодна въ дому своемъ» [28, с. 11] и т.д.

«Трава Бронецъ растетъ кустиками, что гороховина, цвѣтъ на ней воронь и *красень*» [28, с. 4]. В данном контексте *красный*, вероятно, выступает в первичном значении ‘красивый’, так как в остальных списках этой редакции травника слово *красный* при номинации венчика целебной травы не употребляется: «цвѣтъ *воронь*» [13, л. 33 об.; 19, л. 58; 21, л. 3; 22, л. 35 и др.].

В ряде контекстов в нецветовом значении выступает лексема *белый*, причем это значение является исторически первичным, как и для прилагательного *красный*. В. В. Колесов указывает, что историческая последовательность семантического развития слова *белый* выглядела следующим образом: ‘сверкающий’ – ‘светлый’ – ‘белый’ – ‘чистый’ [8, с. 18]. В семантической структуре этого слова в современном русском языке центральное место принадлежит цветовому значению: ‘белый’ – ‘светлый’ [9, с. 43].

Во многих контекстах травника в описании травы одолень встречается словосочетание *белые листья*: «Трава одолень ростѣтъ при рѣкѣ, ... *лиски белы*» [23, л. 5 об.]; «а *листом бѣла*» [17, л. 32]; «*листочки бѣлые*» [24, л. 6];

«*листочки белыя*» [25, л. 6 об.]; «*листочки беленкие*» [26, л. 1 об.]. У лекарственного растения кубышка желтая, которое в народных травниках называется одолень, так как «всех врагов одолеет», «...пластинки плавающих листьев почти кожистые яйцевидно-овальные, сверху блестящие» [1, с. 254]. По-видимому, в этом случае *белый* выступает в нецветовом значении и передает блеск листьев под ярким солнцем, усиливающийся на водной поверхности.

При описании целебной травы очиток прилагательное *зеленый* обозначает цвет стебля и листьев незрелого, свежего растения, а прилагательное *красный* – зрелого, увядающего растения, обладающего фиолетово-багровыми «вершками»: «Молодило растет по пещаным местам, и у которой вершки *зелени*, а не *красны* – ту рвать на исходе месяца про запас» [25, л. 7]. В данном контексте слово *зеленый* выступает, по-видимому, в синкретичном значении: ‘собственно зеленый цвет’ + ‘незрелый, свежий’. По мнению А. А. Потебни, первичным значением слова *зеленый*, связанного с силами обновления природы, является значение ‘свежий’, ‘молодой’ [10, с. 35]. Прилагательное *красный* в этом случае приобретает дополнительное окказиональное значение ‘зрелый, увядающий’, обусловленное синтагматическими связями слов.

В отдельных списках при описании травы царские очи встречаются следующие сравнительные обороты: «*желта как злато*» [13, л. 8 об.]; «*желта, что злато*» [3, с. 234], «*желтая какъ златой цѣль*» [24, л. 2]. В данном кон-

тексте слово *желтый* по законам семантического согласования имеет синкретичное значение: ‘собственно желтый цвет’+ ‘блестящий, сияющий на солнце (как золото)’. Созначение ‘блестящий’, выводимое из контекста, подтверждается при сопоставлении описания травника с жизненной реалией. А. П. Попов отмечает, что насекомоядное растение росянка выделяет прозрачные капельки клейкой слизи, блестящие на солнце, как роса [11, с. 214].

В ряде контекстов происходит семантическое согласование обозначения цвета с обозначением величины, размера венчиков, листьев, стебля или корня растения. Это согласование «по размеру» осуществляется, как правило, при помощи употребления в контексте производного цветообозначения (с суффиксом *-енк*) в координации с другими языковыми средствами (*мал, мелок, кист-очк-а* и др.): «цвет *мелек, белинкой*» [21, л. 5]; «цветь доверху, *петушки беленки* со всей стороны» [13, л. 24 об.]; «трава ... *маленка синенка*» [17, л. 33 об.]; «*кисточки синенки* <...> среди ея *кисточка беленка*» [20, л. 13, 24 об.]; «Трава ... *мелка, тоненка, красненка*, что иголка <...> *шишечки* на нем *желтенки*» [22, л. 8, 11 об.]; «трава ... растет *елочками, зельненка* вельми» [18, л. 21]; «корень *мал краснененкъ*» [16, л. 77 об.].

В отдельных контекстах травника прилагательные-цветообозначения используются в функции фольклорных (постоянных) эпитетов, которые воспринимаются синкретично с определяемым словом. «Есть трава рокия, ... та трава добра вельми: полож на *беломъ камени* в голови жены, и она всѣ вы-

скажетъ, что было бес тебя» [13, л. 22 об.]. В данном контексте цветообозначение фактически не обозначает цвет (в фольклорных текстах *бел-горюч* камень является предвестником несчастий [27, с. 165]). В списках травника встречается также сочетание *синий камень*: «Трава Ершь растетъ при *камени синемъ* у воды» [22, л. 10]. Исследователи отмечают, что «фольклорный» камень не столько синий, сколько необычный, выделяющийся, возможно, сияющий [27].

В списках травника имеются терминологически связанные сочетания, которые непосредственно к самим целебным травам не относятся. Это, например, оппозиция *черный лес – красный лес*. В.И. Даль указывает, что «черный лес, чернолесье – лиственный лес, пртвпл. хвойный» [5, III, с. 594]. Следовательно, в данном словосочетании *черный* не обозначает цвет как таковой, а служит составной частью специального термина. «Ростеть по *чернымъ лѣсомъ*» [16, л. 77 об.], то есть растет преимущественно в лиственных лесах. Термину *черный лес* противостоит словосочетание *красный лес*, или *красный бор*, то есть хвойный, не теряющий листву, как темный лиственный лес. «Трава любить ростеть ... при *красных* розных *борахъ*» [5, л. 28 об.] – следовательно, это лекарственное растение произрастает в хвойных лесах, вероятно, в сосновых борах, где каждое дерево стоит далеко, «розно», друг от друга.

Довольно часто в травнике встречается сочетание *черная болезнь*, представляющее собой регулярное народное название заболевания: «черная,

черна, черная немочь – падучая, скотская чума» [5, IV, с. 594]. «Есть трава артамонь... от нечистого духа и от *черных болезней*» [13, л. 11 об.]. «Есть трава чапъ... и та трава добра от *черной болезни*» [19, л. 35 об.]. «Трава Царь Мурать <...> Та трава угодна въ дому держать и хоромы ставить на ней... отъ *черной болѣзни* добра» [28, с. 10].

Таким образом, в тексте травника прилагательные *красный* и *белый* являются семантически наиболее «широкими» лексемами, реализуя в отдельных контекстах, наряду с цветовыми значениями, свои первоначальные значения ‘красивый, прекрасный’, ‘светлый’, ‘блестящий’, которые с современной точки зрения воспринимаются как вторичные. В ряде случаев слова *белый, зеленый, желтый, красный* получают нецветовые окказиональные значения, обусловленные семантическим содержанием соответствующих контекстов.

В функции фольклорных эпитетов прилагательные *белый* и *синий* воспринимаются нерасчлененно с определяемым словом. Лексемы *черный* и *красный* используются в терминологически связанных сочетаниях, в которых они определяют видовую принадлежность обозначаемых объектов действительности.

Неядерные цветообозначения (*багровый, багряный, бурый, вишневый, вороной, глиняный, лазоревый, малиновый, рудожелтый, румяный, смуглый* и др.) во всех контекстах травника выступают только в цветовых значениях (например: «Трава Царь Мурать ро-

стетъ при припольникахъ и на пашнѣ, собою въ стрѣлу и выше, цвѣтъ *багровъ*, коловата, по ней что иглы» [28, с. 10]; «...ростет при борахъ, цветки *багряны*, растет в пяд» [18, л. 12]; «Трава называется петровъ крестъ <...>, а корень видом *буръ*, а в середке бѣловать, вкусом негорекъ, пахнет будто рыба свѣжая» [16, л. 77 об.]; «Трава Ворона, растетъ лапушникомъ, <...> собою низка, что капуста, ягоды *вороны*, растетъ при рѣкахъ» [28, с. 4]; «Стародубка ... а растетъ та трава по добрымъ землям, <...> цвѣты от корени по всеи *красновишневы*, невелики, каквы кувшинцы» [16, л. 36]; «Есть трава сколодомникъ, растет на лугахъ, листочки что капуста, ростом в стрелу, цвѣтъ *лазоревои* кувшинкой» [20, л. 36 об.]; «Ревека ... ростомъ въ локоть, ... цвѣтъ *малиновъ*, собою пола» [13, л. 16]; «...цвѣтъ *малиновои* или *глинасть*» [20, л. 30]; «Трава любитъ растетъ при полниках, <...> цвѣтъ *рудожелтъ*» [17, л. 29]; «есть трава хмѣя, растет она на морѣ, на островах, блиско воды, ростом в лодышку, цвет *румянъ*» [20, л. 24]; «Есть трава хеновникъ, растетъ подле реки, собою *смугла*, высока, <...> растетъ кустиками, а духъ тяжель» [26, л. 6 об.]).

В заключение следует отметить, что дальнейшее изучение процессов номинации в диахронии позволит нагляднее представить развитие лексико-семантической системы и динамику смысловых переходов как отражение национальной языковой картины мира.

Библиографические ссылки

1. Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР / гл. ред. Н.В. Цицин. М., 1962. 709 с.
2. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975. 288 с.
3. Вейнберг Л.Б. К истории народной медицины. По поводу одного старинного травника // Медицинская беседа. 1888. № 9 – 12. С. 232 – 235 ; № 10. С. 262 – 263 ; № 11. С. 291 – 292 ; № 12. С. 313 – 314.
4. Герасименко И.А. Семантика русских цветообозначений. Горловка, 2010. 404 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955.
6. Змеев Л.Ф. Русские учебники. Исследование в области нашей древней учебной письменности. СПб., 1895. 276 с.
7. Кожемякова Е.А. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2001. 209 с.
8. Колесов В.В. Бѣлый // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1983. Вып. 3. С. 8 – 16.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. 846 с.
10. Потеня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. 243 с.
11. Попов А.П. Лекарственные растения в народной медицине. Киев, 1970. 316 с.
12. Пименова М.В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19 – 48.
13. Травник XVIII в. РНБ. 0.VI.6. 83 л.
14. Травник XVIII в. РНБ. 0.VI.19. 13 л.
15. Травник XVIII в. БАН. 33.14.11. 47 л.
16. Травник кон. XVIII в. РГБ. Ф. 218.357. 248 л.
17. Травник 1703 – 1705 гг. РГБ. Ф. 310.1072. 159 л.
18. Травник XVIII в. РНБ. 0.VI.15. 42 л.
19. Травник нач. XIX в. РНБ. 0.VI.5. 100 л.
20. Травник сер. XVIII в. РГБ. Ф. 334.289. 39 л.
21. Травник XVIII в. БАН. Собрание Успенского № 52.
22. Травник сер. XVIII в. РГБ. Ф. 218.785.2. 21 л.
23. Травник XVIII в. РГБ. 0.VI.11. 17 л.
24. Травник или выбиральные цветные травы. XVIII в. РГБ. Ф. 0.VI.13. 17 л.
25. Травник или описание трав, какая как растет и каким видом в вышину, и цветом, и корнем. XVIII в. БАН. 38.5.51. 165 л.
26. Травник XVIII в. БАН. 33.15.192. 14 л.
27. Ухов П.Д. Постоянные эпитеты в былинах как средство типизации и создания образа // Основные проблемы эпоса восточных славян / гл. ред. В.В. Виноградов. М., 1956. С. 158 – 171.

28. Флоринский В.М. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия. Казань, 1879/80. 230 с.
29. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. 335 с.

M. V. Pimenova

**NOMINATION IN DIACHRONIC
(CASE-STUDY: DENOTATION OF COLOR IN HERBALS MANUSCRIPTS)**

The article is devoted to the historical analysis of the semantics of words denoting color. In the herbal manuscripts of the 17th – 18th centuries there are cases of syncretism, as well as basic and occasional values of nuclear (*red, white, blue, green, yellow, black*) and peripheral units of the lexical-semantic field 'COLOR' (*crimson, scarlet, brown, cherry, black, azure, crimson, ruddy, swarthy* etc.).

Keywords: nomination, diachrony, syncretism, color names, herbals manuscript.

УДК 811.161.1

А. С. Малахов

**К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ АППОЗИТИВНОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматриваются основные подходы к определению аппозитивности. Категория аппозитивности определяется как языковая категория, которая с помощью совокупности взаимосвязанных средств языка выражает аппозитивную семантику.

Ключевые слова: языковая категория, аппозитивность, аппозиция, синкретизм, аппозитивная семантика.

Учение об аппозитивности в лингвистической науке сводится к изучению синтаксических явлений. Согласно традиционной точке зрения аппозитивность характерна для аппозитивных сочетаний, под которыми понимается сочетание приложения с определяемым им словом: Соседний *кот-получночник* таинственно ходит в темноте чердака, и я не знаю, чего ему там надо (В. Белов); В Мещёрском крае можно

увидеть сосновые боры, где так торжественно и тихо, что *бубенчик*-*"болтун"* заблудившейся коровы слышен далеко, почти за километр (К. Паустовский).

Феномен приложения отмечен многими учеными уже давно. Об этом явлении писали еще М. Смотрицкий, М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев и др. Аппозиция (в переводе с латинского *appositio* означает «наложение, приложение») представляет

область интересов многих современных ученых. Проблемам аппозиции и связанным с ней явлениям посвящены исследования А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, П. А. Леканта, В. И. Фурашова и других ученых.

В работах по синтаксису исследуются разные вопросы аппозиции: природа аппозиции, грамматическая связь между компонентами аппозиции, место аппозиции в синтаксической структуре языка, разграничение аппозиции и других смежных явлений.

Аппозиция как синтаксическое явление имеет сложную лексико-грамматическую природу. Этим объясняется отсутствие единого определения приложения как члена предложения. Своеобразие приложения заключается в том, что «предметно-номинативный план сочетается в нем с элементами характеристики, оценки, добавления по отношению к определяемому слову» [17, с. 452 – 453]. Семантика приложения синкретична, поскольку в ней всегда сочетаются значение признака и предмета.

В последнее время предлагается определение приложения, совмещающее как семантические, так и грамматические особенности этого синтаксического явления: приложение – это «определение, выраженное именем существительным, согласованное, как правило, грамматически и семантически с господствующим словом, выражающее синкретизм семантики – сочетание признаков предмета и предиката» [18].

Своеобразие семантических и грамматических особенностей приложения порождает вопрос о статусе данного члена предложения: какое место зани-

мает приложение в системе членов предложения. Чаще всего приложение рассматривается как разновидность определения [2]. Однако синкретизм семантики приложения уже исключает возможность отнесения приложения к определению. Именно поэтому некоторые лингвисты считают, что приложение не является разновидностью определения. Так, П. А. Лекант полагает, что «значение приложения трудно подвести под понятие признака, даже если в функции приложения употребляется существительное с экспрессивно-качественным, характеризующим содержанием» [17, с. 453], и приходит к выводу, что нет оснований считать приложение разновидностью определения. С его точки зрения, приложение – это особый второстепенный член предложения, отличающийся от определения.

Одним из наиболее спорных вопросов теории приложения является вопрос о характере грамматической связи между компонентами аппозитивных сочетаний, что находит отражение в терминологии. Эта связь квалифицируется как согласование, параллелизм, аппликация, соположение, корреляция, аппозиция, сочинение [подробнее см.: 11].

Нерешенность вопроса о характере грамматической связи в сочетаниях с приложениями порождает вопрос о статусе этих сочетаний. Можно ли сочетания с приложением считать словосочетанием? О нерешенности вопроса свидетельствует хотя бы тот факт, что в «Кратком справочнике по современному русскому языку» под ред. П. А. Леканта связь приложения с определяемым словом квалифицируется не как

подчинительная, однако аппозитивные отношения поставлены в один ряд с атрибутивными, объектными и релятивными при классификации словосочетаний, хотя словосочетание при этом понимается как номинативная единица языка с подчинительной связью. Но ведь если в аппозитивном сочетании связь между компонентами не является подчинительной, то это, по определению, не есть собственно словосочетание [18, с. 85 – 86].

В вопросе выяснения статуса аппозитивных сочетаний представляется интересной позиция З. Д. Поповой, которая, анализируя синтаксическую систему русского языка с позиций когнитивного направления в лингвистике, считает, что приложение как особый член предложения возможен только при обособлении, в то время как сочетания с необособленным приложением необходимо рассматривать как составные номинации, созданные для обозначения объекта, не имеющего однословной номинации [14, с. 124]. «В подобных соединениях признаков слов, – пишет З. Д. Попова, – трудно видеть «приложения» в смысле особого члена предложения. Это составные номинации, которые занимают одну позицию в высказывании и, следовательно, его не «осложняют» (Там же).

В практическом плане возникает проблема разграничения собственно аппозитивных сочетаний и сходных с ними явлений (парных сочетаний, сложных слов, сочетаний синонимов, сочетаний антонимов и т. д.). В лингвистике нет единой точки зрения на то, какие сочетания следует рассматривать как аппозитивные. Трудности в разграни-

чении указанных единиц в какой-то степени объясняются их графическим оформлением: все они чаще всего пишутся через дефис.

При разграничении аппозитивных конструкций и сходных явлений учитываются следующие критерии: 1) характер сочетаемости компонентов (способность выражать одно или разные значения; способность компонентов выступать в качестве одного члена предложения или разных; возможность / невозможность вставить между двумя существительными какие-либо компоненты, не нарушив его целостности); 2) закрепленный или свободный порядок следования компонентов; 3) наличие / отсутствие связи между компонентами.

Наибольшие трудности связаны с разграничением аппозитивных сочетаний и парных именованных, с одной стороны, и аппозитивных сочетаний и сложных слов, с другой стороны. Определить различия между аппозитивными сочетаниями и парными именованными легче. Обе языковые единицы, по М. В. Артамоновой, способны выражать нерасчлененное значение. Различие же между указанными конструкциями заключается в характере отношений между компонентами сочетаний: в парных именованных компоненты находятся в отношениях равноправия, здесь нет главного и зависимого компонента, компоненты же аппозитивных конструкций находятся в атрибутивных отношениях, при которых один компонент является главным, а другой – зависимым [1, с. 32].

Т. А. Бертагаев предлагает различать два типа аппозитивных сочетаний

(сочетания с приложением и сочетания типа *хлеб-соль*), различающиеся лексически и грамматически [3]. Обе группы обладают семантикой аппозитивности, хотя выражают ее по-разному.

Сложнее провести границу между аппозитивными сочетаниями и сложными словами. Это связано с тем, что, как заметил А. Б. Копелиович, аппозитивный оборот представляет собой «нечто промежуточное от синтаксических отношений к деривационным, то есть приближается к тому, что мы называем сегодня сложносоставным словом» [8, с. 17]. Т. И. Кочеткова, разграничивая сложносоставные слова и аппозитивные сочетания, указывает, что несмотря на внешнее сходство сложносоставные слова и аппозитивные сочетания «различаются внутренней организацией и функциональной сущностью. Сложносоставные существительные обладают свойствами слов и функционируют в высказывании в соответствии с предназначением лексических единиц. Аппозитивные словосочетания служат для наименования предмета с его признаком по законам синтаксиса и основываются на смысловой сочетаемости субстантивных компонентов, один из которых является определяемым, другой определяющим» [9, с. 77].

Итак, чаще всего изучение аппозитивности сводится к изучению приложений. Однако еще А. А. Потебня аппозитивным считал любое употребление обособленного определения. В этом случае аппозитивными могут быть не только существительные, но и прилагательные и даже причастия. Большое внимание А. А. Потебня уделяет аппозитивному употреблению причастий [15].

Некоторые лингвисты считают, что аппозитивность может проявляться и в сфере сложного предложения. В данном случае речь идет о так называемых аппозитивных придаточных. Так, например, Е. А. Лютикова выделяет два вида сложноподчиненных предложений с относительным придаточным: рестриктивные (ограничительные) и аппозитивные (распространительные), которые противопоставлены друг другу на основе семантических, синтаксических и интонационных признаков. К числу таких признаков можно отнести следующие:

1) способность аппозитивных предложений относиться к личным местоимениям и имени собственному;

2) при наличии двух (рестриктивного и аппозитивного) придаточных, относящихся к одному опорному слову, аппозитивное придаточное следует за рестриктивным;

3) аппозитивные относительные придаточные не могут вводиться союзом *что*;

4) в сложноподчиненных предложениях с аппозитивным относительным придаточным между опорным словом в главном компоненте и относительным местоимением *который* в придаточном компоненте может наблюдаться несовпадение форм числа и падежа;

5) в аппозитивных относительных придаточных возможно наличие слов, которые не встречаются в рестриктивных придаточных (например, вводные слова);

6) в аппозитивных придаточных в отличие от рестриктивных возможно выделение темы и ремы;

7) наличие паузы между главным компонентом и придаточным аппози-

тивным и отсутствие паузы между главным компонентом и придаточным рестриктивным [10].

Теория аппозитивных придаточных пока еще не получила широкого распространения в русском языке, зато она хорошо разработана в других европейских языках. Так, С. Н. Полянский, анализируя сложноподчиненные предложения с придаточным аппозитивным (на материале английского языка), определяет аппозитивность как «отношение характеристики, связанное с квантификацией» [13, с. 116 – 117]. В основе аппозитивности, по мнению С. Н. Полянского, лежит аккумуляция знаний реципиента о референте, не нуждающемся в идентификации (Там же, с. 117).

Таким образом, в истории лингвистической науки учение об аппозитивности сводится к изучению языковых единиц, принадлежащих разным языковым уровням: синтаксическому (аппозитивные сочетания, аппозитивные обособленные определения, выраженные существительными, прилагательными и причастиями, аппозитивные придаточные) и лексическому (сложные слова типа *диван-кровать* и парные именованья типа *хлеб-соль*).

Учитывая мнение К. П. Орлова, что аппозитивность – это «признак генетически смысловой, а не синтаксический» [12, с. 41], можно предположить, что аппозитивность – это языковая категория, которая с помощью совокупности взаимосвязанных средств языка выражает аппозитивную семантику.

Истоки аппозитивной семантики следует искать в древнем нерасчленном имени, выражающем одновре-

менно предмет и признак. По мнению А. А. Потебни, «первобытное имя» включает в себе «двойственность субстанций», то есть слитность предметного и качественного значений [16, с. 65 – 66].

В. В. Колесов указывает, что «представление о качестве в сознании было слито с обозначением предметности. Синкретизм вещи и ее признаков наглядно виден на истории отдельных лексических групп, в частности на обозначении цвета» [7, с. 218]. С. Д. Кацнельсон говорит о существовании единого недифференцированного образного имени, отличающегося в древних языках полисемантизмом качественных и предметных значений [6, с. 89 – 94]. По мнению С. Д. Кацнельсона, недифференцированные имена «могли выступать как в роли предметных обозначений, так и в роли качественных обозначений» и «выражали предметы в неразрывной связи с их внешними качествами и отдельные качества предметов в непосредственной связи с самими предметами» [5, с. 264]. С. Д. Кацнельсон указывает на три особенности древних имен: «1) Лексическая нерасчлененность предметных и качественных значений. Одно и то же первобытное имя обозначает как предмет, так и их качества и только из контекста явствует каждый раз, какое из значений имеется в виду. 2) Предметный полисемантизм. Каждое предметное имя обозначает не один предмет, а несколько разных предметов, объединенных общностью ситуации, причинно-временными связями, внешним подобием, сходством конфигурации и т. д. <...> 3) Качественный

полисемантизм. Каждое первобытное имя обозначает не одно, а несколько качеств данного предмета, вследствие чего и качественные значения сплетаются в целые пучки» (Там же, с. 264 – 265).

Со временем (в связи с развитием мышления человека) древнее имя распадается на существительное и прилагательное, так как предмет и признак начинают обозначаться самостоятельно, расчлененно. Однако несмотря на то, что значение предмета и значение признака стали в языке передаваться дифференцированно, значение, которое передавалось древним именем (способность обозначать предмет и признак одновременно), полностью из языка не исчезает. По мнению В. В. Колесова, на совпадение вещи и типичного ее признака в общем имени в современном русском языке указывают: 1) соотношение современных существительных и прилагательных типа *друг – другой, лад – ладный*, 2) выражения типа *жар-птица, сила-рать* [7, с. 218]. Семантика древнего имени трансформировалась в аппозитивную семантику. Наиболее ярко эта семантика проявляется в конструкциях аппозитивного типа. Однако такая семантика в современном русском языке способна выражаться не только синтаксическими средствами, но и лексическими (например, в значении отдельного слова). Так, в языке появляется новая языковая категория «аппозитивность», цель которой – выразить аппозитивную семантику.

Анализ классического аппозитивного сочетания типа *красавица-роза* (*Садовник показал нам красавицу-розу, выращенную с большим трудом и лю-*

бовью) позволяет определить, что структуру аппозитивного значения составляют три компонента, неотделимых друг от друга: 1) предмет как объект, существующий в реальности, способный быть носителем признака; 2) непроцессуальный качественный признак; 3) оценка. Специфику аппозитивной семантики составляют значение предмета и значение признака. Предмет и признак в аппозитивной конструкции представлены в нерасчлененном виде. Оценочная сема проявляется в том, что обозначенный признак является для субъекта как «хороший» или «плохой». Основанием для оценки может служить: соответствие / несоответствие требованиям субъекта, пригодность / непригодность для практического использования субъектом, способность / неспособность влиять на здоровье и психику субъекта, соответствие / несоответствие желаниям, вкусам, интересам.

Итак, аппозитивное значение образуют три основные семы (предмет, признак и оценка), которые неотделимы друг от друга.

Аппозитивная семантика может осложняться дополнительными оттенками значения. Так, например, аппозитивное сочетание *кляча-водовозка* содержит дополнительный обстоятельственный оттенок значения цели. Изменение в значении зависит от структуры аппозитивного сочетания: зависимый компонент сочетания образован не от прилагательного, а от глагольного сочетания *возить воду*. Таким образом, качественный признак заменяется обстоятельственным признаком и происходит трансформация аппозитивной семантики, ее модификация.

Таким образом, под аппозитивной семантикой следует понимать нерасчлененно синкретичную семантику, интегрирующую предметно-признаковую и оценочную семы.

Аппозитивная семантика может выражаться на разных уровнях языка. Наиболее ярко она реализуется аппозицией. Под аппозицией следует понимать не приложение, а номинативную структурно-семантическую единицу, возникающую на основе аппозитивной связи в результате соединения двух субстантивных слов и реализующую единое нерасчлененное значение «предмет – признак – оценка».

В реализации аппозитивной семантики участвуют и лексические средства – аппозитивные слова. Под аппозитивными словами нужно понимать слова с аппозитивным значением (аппозитивность заключена в лексическом значении слова). Так, к числу аппозитивных слов следует отнести слово *медведь* с переносным значением «о неуклюжем, неповоротливом человеке». Значение слова возникает в ре-

зультате слияния предметно-признаковой и оценочной сем.

Таким образом, аппозитивная семантика может быть представлена в языке разноуровневыми средствами, образующими функционально-семантическое поле, а это значит, что можно говорить о существовании в языке особой категории аппозитивности. Способы и средства выражения существующей в современном русском языке категории аппозитивности порождают вопрос о ее лингвистическом статусе.

Для определения статуса категории аппозитивности необходимо:

- 1) провести комплексный анализ категории с позиций различных направлений в языкознании – структурно-семантического, функционального и др.;
- 2) выяснить специфику семантики аппозитивности;
- 3) рассмотреть маркеры аппозитивности на всех уровнях языка;
- 4) определить системные связи категории аппозитивности с другими языковыми категориями.

Библиографические ссылки

1. Артамонова М. В. Парные именованья в древнерусском тексте. Владимир, 2009. 208 с.
2. Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М. : Просвещение, 1988. 159 с.
3. Бертагаев Т. А. Отграничение сочетаний с приложением от сходных сочетаний // РЯШ. 1957. № 1. С. 15 – 18.
4. Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П. А. Леканта. М., 1991. 384 с.
5. Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. Из истории атрибутивных отношений. М.–Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. 384 с.
6. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986. 298 с.

7. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка : учеб. для высш. учеб. заведений Рос. Федерации / Учебно-методический комплекс по курсу «Историческая грамматика русского языка». СПбГУ, 2013. 512 с.
8. Копелиович А. Б. Очерки по истории грамматического рода. Владивосток, 1988. 120 с.
9. Кочеткова Т. И. Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 301 с.
10. Лютикова Е. А. Семантические типы относительных предложений в русском языке: анализ корпусных данных // Вестник ТГГПУ. 2011. № 4 (26). С. 199 – 204.
11. Малахов А. С. Виды грамматической связи в аппозитивных сочетаниях : дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2009. 161 с.
12. Орлов К. П. Сущность приложения в современном русском языке // Вопросы грамматики и лексики современного русского языка // Учёные записки Рязанского пединститута. Рязань, 1959. Т. XXV. С. 39 – 73.
13. Полянский С. Н. Синтаксические структуры сложноподчиненных предложений определительного типа // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. № 1. С. 112 – 122.
14. Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж : Истоки, 2009. 209 с.
15. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I – II. М., 1958. 536 с.
16. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. М., 1968. 549 с.
17. Современный русский язык / под ред. П. А. Леканта. М., 2001. 448 с.
18. Фурашов В. И., Касаткина Л. Л., Клобуков Е. В., Ленкант П. А. : Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П. А. Леканта. М. : Высшая школа, 1991. 383 стр. // Русистика. 1993. № 2. С. 83 – 87.
19. Чумакова Ю. А. Семантическая структура приложений в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2001. 209 с.

A. S. Malakhov

ABOUT THE CATEGORY OF APPOSITIVITY IN RUSSIAN LANGUAGE

The article deals with the main points of view to the appositiveness as a syntactic phenomenon. The category of appositiveness is considered as the language category, expressing the semantics of appositive using the interrelated means of language.

Keywords: language category, appositiveness, apposition, syncretism, the semantics of appositive.

С. А. Мартьянова

**РАССКАЗ С. Н. ДУРЫЛИНА «СЛАДОСТЬ АНГЕЛОВ»:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ
И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

В статье выявляются литературные истоки образа няни в рассказе С. Н. Дурылина (произведения А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, И. А. Гончарова, А. П. Чехова и др.), выстраиваются историко-культурные параллели (идеи С. Т. Аксакова, В. В. Розанова, С. Н. Булгакова, С. И. Фуделя). Образ няни рассматривается как один из вариантов типа человека «простого сознания» в персонажном мире русской литературы XIX – XX веков.

Ключевые слова: литературный персонаж, типология персонажей, личность, ценностные ориентации, поведение.

Рассказ «Сладость ангелов» [1, с. 218 – 236] написан С. Н. Дурылиным 24 – 27 октября 1922 года во Владимирской губернии, как предполагают, во время заточения священника, писателя и религиозного мыслителя во Владимирской тюрьме. Комментаторы прозы писателя отмечают как ее самобытность, так и близость определенной ветви художественного мира русской классики, «архетипичность» основных персонажей [2, с. 18 – 20]. В рассказе «Сладость ангелов» выделяются следующие архетипические образы: архиерей, архимандрит, купец, генерал [3, с. 805 – 806]. Вместе с тем в рассказе очевидно присутствие еще одного архетипического образа – образа няни. Он нередко появляется в художественной и мемуарной прозе С. Н. Дурылина (достаточно вспомнить рассказы «Троицын день (памяти Н. С. Лескова)», «Бабушкин день» и книгу «В родном углу»). В задачу настоящей статьи входит уяснение соотношения образа

няни в рассказе «Сладость ангелов» с русской историко-литературной и историко-культурной традицией XIX – XX веков.

Няне посвящен небольшой, но символический фрагмент второй части рассказа, в монологе главного героя – отца архимандрита Ефросина – о религиозных исканиях и периоде неверия в собственной жизни. При этом герой настаивает на индивидуальном характере прежнего неверия, главными признаками которого были отсутствие «тепла бытия», «жизни» и даже утрата собственной личности. Именно здесь и появляется образ «старой-престарой» няни, занимавшейся исключительно тем, что кормила героя обедами, ставила самовар, вязала никому не нужный чулок, дремала и зевала. Именно жизнь няни по прошествии времени видится герою реальной, подлинной, а зевота – «мудрой». Особое место в воспоминании героя принадлежит самовару: «Я не имел свидетельства о

собственном своем бытии: самовар был реальнее меня. Он все-таки пел и шумел, и няня его ставила, и в нем был жар, некая его онтология. А у меня ее не было. И стреляться мне было глупо: умнее было бы в самовар выстрелить: он больше моего существовал» [1, с. 231]. Няня свидетельствует о ценности жизни, реальности бытовых забот, их близости к основе существования. Она принадлежит к людям, создающим человеческую ткань жизни.

Следует отметить, что сам Дурылин чрезвычайно высоко ценил сферу бытовых хлопот как проявление человечности. В книге «В родном углу» он писал: «И, право, это внимание к кулебякам и их пышноте и вольному духу, смешное, может быть, на чей-нибудь взгляд, означало совсем не смешное, а достойное великой хвалы *внимание к человеку*. (выделено С. Н. Дурылиным – С. М.) <...> И этому вниманью (а от него и пеклись все эти кулебяки и мочились с кардамоном все эти антоновские яблоки) строго верны были всегда и мать и отец, и учили нас этому» [4, с. 139].

Образ няни в системе персонажей рассказа «Сладость ангелов» входит в группу «самых простых людей», к которой можно отнести псаломщика Ивана Архипыча («семью прокормить на свой страх не может. Божья овца на божьем корму» [1, с. 222]) и «людскую» кухарку Арину. Они являются носителями бесхитростной веры и «детского богословия». В художественном мире рассказа «детское богословие» противопоставлено «ученому», легко провоцирующему холодное любопытство и «совопросничество».

«Детское богословие» нередко нарушает строгий порядок, чин, устав, а в то же время является подлинным и живым, способным произвести «бие» и «трепет» сердца. Противопоставление уставного, чинного и совершенных «некстати» ошибок, отступлений от устава – один из сквозных мотивов рассказа. В упорядоченности и системности устава выявляется много сухого, формального, холодного по отношению к человеку, а в разного рода отступлениях и ошибках нередко скрывается подлинная жизнь и человечность.

Вместе с тем образ няни в рассказе С. Н. Дурылина имеет множество параллелей и соответствий в русской литературной классике XIX века. Это простые люди с чутким сердцем, способные быть устроителями правды. Понятие «простой человек» встречается в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, а в XX веке выдающийся литературовед Д. Е. Максимов построил родословную «простого человека» на материале русской и зарубежной литературы конца XVIII – начала XIX века: от абстрактного «естественного человека» эпохи Просвещения – через романтическую идеализацию людей простого звания – к героям реалистических произведений с их социально-бытовой характерностью [5, с. 105 – 109]. Затем В. Е. Хализев [6], А. И. Журавлева [7, с. 47 – 71] в своих работах показали значимость темы простого человека в картине мира русской литературной классики. Исследователи подчеркивают, что писателей интересует не столько происхождение и образование, сколько поиск человека

цельной, нераздробленной души. Говорится о таких оппозициях, как «простота – сложность», «безыскусность – ухищрения, маски», «понятность – загадочность». В. Е. Хализев при этом уточняет определение Д.Е. Максимова: «Запечатленная и опозитизированная нашей литературой простота «негероических» лиц не имеет ничего общего с какой-либо ограниченностью и примитивностью» [5, с. 115]. В предложенной В. Е. Хализевым типологии персонажной сфере русской классики выделены два «сверхтипа» – авантюрно-героический и житийно-идиллический [8].

Попробуем, исходя из литературоведческих типологий, дать характеристику героинь, являющихся нянями по своему социальному статусу. А. С. Пушкин впервые в русской литературе (после фонвизинской Еремеевны, карамзинской героини из «Натальи, боярской дочери») опозитизировал образ няни, положив начало формированию мифопоэтической традиции. Русские писатели XIX – XX веков эту традицию унаследовали. При этом наблюдается закономерность: если в начале XIX века няни находились на периферии повествования, изображались, как правило, объектно, то, начиная с середины XIX столетия – в произведениях Л. Н. Толстого («Детство», «Анна Каренина»), И. С. Тургенева («Дворянское гнездо»), И. А. Гончарова («Обломов»), Н. С. Лескова («Шерамур», «Дама и фефела»), А. П. Чехова («Дядя Ваня», «Три сестры») – они постепенно обретают право «голоса», оценивания событий и способность к инициативному действию. Так, в лесковском

«Шерамуре» повествователь обращается именно к няне как последней и наилучшей инстанции оценок: «тут есть русская няня... суд которой, по моему мнению, может служить выражением праведности всего нашего умного и доброго народа».

Сфера забот няни, как правило, ограничена бытом: уход за детьми и их воспитание, провизия, белье, денежные траты. Бытовые хлопоты были осознаны русскими писателями XIX века не как нечто низменное и пошлое, а как насущная потребность человеческого бытия. Пушкин сравнениями няни с «часовым» («Няне»), «дозорным» («Вновь я посетил...») придал почти героический колорит будничным заботам. М. И. Цветаева в знаменитом эссе «Мой Пушкин» замечательно комментирует мифопоэтический подтекст словосочетания «на часах» из стихотворения «К няне»: «*на часах* было и *под часами*, и *на часы*, и в конце концов немножко *в часах*, и все эти *часы* (выделено М. И. Цветаевой – С. М.) еще подтверждались последующей строкою, а именно – спицами, этими стальными близнецами стрелок. Этими спицами в наморщенных руках няни и кончалось мое хрестоматическое "К няне"» [9, с. 289].

Еще более важными оказываются собственно духовные блага, которые русские писатели открывают в нянях. Эти дары делали нянь желанными воспитательницами детей, собеседницами, друзьями, утешительницами взрослых. Любовь-жалость, а не человекоугодие и лицемерие преобладают в их общении с людьми. Нельзя не вспомнить слова Н. С. Лескова («Шерамур»): «Вот

она – наша мать Федорушка, распретолстая, что во все края протянулася и всем ласково улыбнулася». Уже в XX веке, после революционной катастрофы, философ и культуролог Н. С. Арсеньев писал об особой способности русского человека к жалости: «Русская народная душа жалеет... и падших, и никчемных, и русские великие писатели часто верили в возрождающую силу жалости» [10, с. 263].

Няня в рассказе С. Н. Дурылина, как и у многих его предшественников, своим «присутствием» в момент встречи с героями, переживающими внутренний кризис или разлад, восполняет «трещины» и «разломы» жизни, вызванные отчуждением, холодностью, бесчеловечностью. Автор рассказа «Сладость ангелов» далеко не все принимал в творчестве А. П. Чехова [2, с. 17], однако можно отметить совпадения между образом няни в рассказе и образами нянек Марины и Анфисы в пьесах «Дядя Ваня» и «Три сестры».

Образ няни в рассказе Дурылина может быть рассмотрен и в историко-культурном контексте. Деятели русской культуры в своих письмах, мемуарах оставили немало свидетельств о нянях и дядьках как первых наставниках в русской словесности, называли их своими умными, добрыми, ласковыми воспитателями. Об этом вспоминали В. Кюхельбекер, писатель-романтик А. Ф. Вельтман, А. Григорьев, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Я. Полонский, А. Чехов. Н. Берберова в биографии «А. Блок и его время» пишет, что «в жизни поэта было и баловство, и золотое детство, и елки, и няни, и чтение вслух любимых поэтов» [11, с. 25].

Можно вспомнить также стихотворение Вл. Ходасевича «Не матерью, но тульской крестьянкой...», а также написанный в эмиграции роман И. С. Шмелева «Няня из Москвы». Нянино воспитание подразумевало воздействие на ребенка нравственным обликом, всей своей личностью и часто было связано с первым приобщением к религиозной традиции.

Традиция приглашать к детям няню пережила в нашей стране даже революционное лихолетье. Это прекрасно подтверждает стихотворение Б. Окуджавы «Нянька»:

Акулина Ивановна, нянька моя дорога,

В залубочке у кухни сидела, чаек попивая,

Напевая молитву без слов золотым голоском,

Словно жаворонок над зеленым еще колоском.

Современный поэт и эссеист Ольга Седакова, написавшая рассказ о своей няне («Маруся Смагина»), вспоминает о детстве: «Больше всего времени мы проводили с няней Марусей, крестьянкой из Орловской области, и с бабушкой. У многих моих ровесников были такие няни, девушки и женщины, сбегавшие из голодных колхозов и поступившие в домработницы – что обещало московскую прописку через сколько-то лет. Иногда они становились как бы членами семьи – помните, рассказ Лилианы Лунгиной о Моте, няне ее сыновей? Такие няни много значили в жизни московских «интеллигентских» детей. Они приносили нам совсем другой мир, другой язык» [12].

Опыты философского осмысления этого феномена русской жизни появляются уже в XIX веке – в произведениях С. Т. Аксакова, книге Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» и находят яркое продолжение в работах русских религиозных философов Серебряного века. Так, В. В. Розанов, современник революционных волнений, в том числе в студенческой среде, писал в «Опавших листьях»: «Вовсе не университеты вырастили настоящего русского человека, а добрые безграмотные няни» [13, с. 219].

Суждения С. Н. Булгакова в его автобиографических заметках условно можно разбить на две части. Первая повторяет все мотивы воспоминаний русских писателей о своих опекунах и наставниках: «Няня Зинаида одаряла меня даром любви и поэзии; бдела над нами в наших детских бедах и была замечательная рассказчица о своей жизни из крепостного быта. Она и певала над нами свои песни из этого прошлого, и это пение ложилось в душу как музыка жизни» [14, с. 317 – 318].

Вторую часть заметок русского религиозного мыслителя можно назвать собственно философской. С.Н. Булгаков подчеркивает естественность, безусловность существования няни и «софийный» характер ее присутствия в жизни подопечных: «И сама она как будто не существовала, она была стихией, стихией русской ласки, жалости, любви к нам» [14, с. 318].

Еще более важным представляется свидетельство младшего современника и друга С. Н. Дурылина – Сергея Фуделя. В одном из своих писем он отмечал (совершенно в духе героя рассказа «Сладость ангелов»): «Оттого-то и

стало так холодно в мире, что все захотели быть Пушкиными и мало осталось нянь и святых» [15, с. 335].

Конечно, мир людей простого звания и нянь был нравственно разнородным. Мы хорошо знаем это и по пьесам Островского, и по произведениям русских писателей (например, по очерку И. Гончарова «Слуги старого века»). И вместе с тем нельзя не согласиться с русским философом Н. С. Арсеньевым: «Понимание красоты духовной простых (не в смысле звания, а в смысле духовного склада и внутренней подлинности и целостности) людей характерно для многих лучших творений русской литературы; это – один из основных ее тонов, делающих ее в ее классических произведениях не только художественной, но и духовно столь ценной и воспитательной – именно выявлением подлинности духовной» [10, с. 277]. Именно к этой линии русской классики присоединяется С. Н. Дурылин в своем рассказе «Сладость ангелов», создавая «архетипический» образ няни.

Отметим также неожиданно возникающее созвучие, или совпадение, творческих интуиций русских писателей с представлением о мироздании Хильдегарды Бингенской. Подвижница XII века полагала, что в центре мироздания находится жалость, сострадание: «Жалость — это то основание познания чего бы то ни было в мире, без которого “чтение” творения невозможно» [16]. В таком случае религиозно-философские прозрения русских писателей и идущего вслед за ними С. Н. Дурылина обретают всемирный и общечеловеческий характер.

Библиографические ссылки

1. Дурылин С.Н. Сладость ангелов // Рассказы, повести и хроники. СПб. : Владимир Даль, 2014. С. 218 – 236.
2. Резниченко А.И., Резвых Т.Н. Метафизическая проза С.Н. Дурылина. Истоки и параллели // Рассказы, повести и хроники / С.Н. Дурылин. СПб. : Владимир Даль, 2014. С. 3 – 46.
3. Резниченко А.И., Резвых Т.Н. Комментарии // Рассказы, повести и хроники / С.Н. Дурылин. СПб. : Владимир Даль, 2014. С. 775 – 862.
4. Дурылин С.Н. В родном углу // В своем углу. Из старых тетрадей. М. : Московский рабочий, 1991. С. 43 – 208.
5. Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. Л. : Сов. писатель, 1959. 326 с.
6. Хализев В.Е. «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX века // Русская литература XIX века и христианство / под общ. ред. В.И. Кулешова. М., 1997. С. 111 – 119.
7. Журавлева А.И. А. Н. Островский – комедиограф. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 216 с.
8. Хализев В.Е. Типология персонажей и «Капитанская дочка» // Ценностные ориентации русской классики. М. : Гнозис, 2005. С. 146 – 160.
9. Цветаева М.И. Мой Пушкин // Избранное. М. : Просвещение, 1989. С. 267 – 299.
10. Арсеньев Н.С. Из русской культурной и творческой традиции. London, 1992. 196 с.
11. Берберова Н.А. Блок и его время : биография. М. : Независимая газета, 1999. 252 с.
12. Седакова О. «Не хочу успеха и не боюсь провала» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/olga-sedakova-ne-xochu-uspeha-i-ne-bovus-provala/#ixzz3D2хаМобН> (дата обращения: 11.06.2015).
13. Розанов В.В. Опавшие листья // Сочинения / сост. П.В. Крусанов. Л. : Все-союзный молодежный книжный центр, филиал «Васильевский остров», 1990. С. 103 – 450.
14. Булгаков С.Н. Моя родина // Тихие думы / сост., подгот. текста и коммент. В.В. Сапова ; послесл. К.М. Долгова. М. : Республика, 1996. С. 308 – 318.
15. Фудель С.И. Письма // Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. Воспоминания. У стен Церкви. Воспоминания об отце Николае Голубцове. Моим детям и друзьям. Письма. М. : Русский путь, 2001. С. 263 – 520.
16. Седакова О. Символ и сила // Континент. 2009. № 139 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2009/139/se28.html> (дата обращения: 30.06.2015).

**A STORY BY S. N. DURYLIN «THE SWEETNESS OF ANGELS»:
CULTURAL CONTEXT AND LITERARY PARALLELS**

The article is devoted to the literary genesis of the image of the nurse in the story by S. N. Durylin (works of A. S. Pushkin, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, N. S. Leskov, I. A. Goncharov, A. P. Chekhov etc.). Historical and cultural parallels (ideas of S. T. Aksakov, V. V. Rozanov, S. N. Bulgakov, S. I. Fudel) are also arranged. The character of the nurse is considered as one of types of persons of «ordinary consciousness» in Russian literature of the 19th – 20th centuries.

Keywords: literary character, typology of literary characters, person, value orientations, archetype.

УДК 82(091)

И. А. Снегирев

БРОДСКИЙ, МАЯКОВСКИЙ И КАТАСТРОФА ЛЮБОВНОЙ ЛОДКИ

В данной статье анализируется стихотворение 1989 года «Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером...» с точки зрения как рецепции его современниками поэта, так и с точки зрения литературного контекста.

Ключевые слова: Бродский, Маяковский, реминисценции, подтекст.

Стихотворение Иосифа Бродского «Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером...» (1989 год) было воспринято как «чересчур», с оттенком скандала и ненужного, запоздалого выяснения отношений.

Наталья Горбаневская пишет об этом так: «Много лет спустя – видно, чтобы до конца изжить свою былую любовь к М. Б. – он написал не столько даже горькие, сколько злые, последние посвященные ей стихи. Они были среди присланных в «Континент». Максимов смутился: “Можно ли так о женщине, которую все-таки любил?”. Я тоже смутилась, позвонила. “Так надо”, – отрезал Иосиф» [1].

Сходным образом оно было прочитано и Людмилой Штерн: «Строки “развлекалась со мной, но потом сошлась с инженером-химиком и, судя по письмам, чудовищно поглупела” показались мне не просто жестокими – они показались мне недостойными его любви» [2, с. 172].

В своем письме, обращенном к поэту, Штерн высказала эту мысль следующим образом: «О чем ты возвестил миру этим стихотворением? Что наконец разлюбил М. Б. и освободился четверть века спустя, от ее чар? Что излечился от “хронической болезни”? И в честь этого события врезал ей в солнечное сплетение?» [2, с. 172].

Сам стих дает немало поводов для подобного прочтения. Тем более что Бродский поставил традиционное посвящение – инициалы М. Б., чтобы исключить всякие сомнения в адресате:

М. Б.

Дорогая, я вышел сегодня из дому
поздно вечером

подышать свежим воздухом, веющим с океана.

Закат догорал в партере китайским
веером,

и туча клубилась, как крышка концертного фортепьяно.

Четверть века назад ты питала
пристрастие к люля и к финикам,

рисовала тушью в блокноте,
немножко пела,

развлекалась со мной; но потом
сошлась с инженером-химиком

и, судя по письмам, чудовищно поглупела.

Теперь тебя видят в церквях в провинции и в метрополии

на панихидах по общим друзьям,
идущих теперь сплошную

чередой; и я рад, что на свете есть
расстоянья более

немыслимые, чем между тобой и мною.

Не пойми меня дурно. С твоим голосом, телом, именем

ничего уже больше не связано; никто их не уничтожил,

но забыть одну жизнь – человеку
нужна, как минимум,

еще одна жизнь. И я эту долю
прожил.

Повезло и тебе: где еще, кроме разве что фотографии,

ты пребудешь всегда без морщин, молода, весела, глумлива?

Ибо время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии.

Я курю в темноте и вдыхаю гнилье отлива.

Само стихотворение вполне вписывается в англоязычный контекст прибрежной, или береговой, поэзии¹. Традиция возникает, прежде всего, из поэзии романтиков, предполагавшей любование величественным, однако уже стихотворение Роберта Льюиса Стивенсона «At the sea-side» («На побережье») предполагало в большей степени медитативное размышление, нежели восторг романтиков. В американской поэзии это превращение становится еще более очевидным. Это либо идиллия солнечного дня на пляже, либо элегические размышления на фоне океана. Бродский неоднократно обращался к этой традиции: одним из самых ярких примеров будет «Колыбельная Трескового мыса», написанная в 1975 году. Однако в большей степени стихотворение «Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером...» связано со «Строфами» 1978 года. Стихотворение «Строфы» связано с тем же любовным сюжетом и было включено в книгу «Новые стансы к Августе», посвященную М. Б. В «Строфах» присутствует тот же лирический сюжет, что и в более позднем стихотворении. Герой

¹Автор благодарит К.С. Соколова и А.М. Левашова за замечания и помощь в работе над статьей.

на берегу океана, осмысляющий историю своих чувств. Как это характерно для поэзии Бродского, географическое пространство, разделяющее героев («на скатерти океана, которого не перекричать»), подчеркивает невозможность соединения, делая его еще более невероятным. При этом необходимо отметить, что география здесь выступает лишь дополнением к биографии, а не основной причиной разрыва.

Помимо общей тематики и лирического сюжета связь между стихотворениями «Строфы» и «Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером...» присутствует и на уровне автореминисценций. Так, строки «Закат догорал в партере китайским веером, / и туча клубилась, как крышка концертного фортепьяно» представляются дальнейшим развитием образной системы «Строфы»: «Свет на сцене, в кулисах / меркнет. Выходишь прочь / в рукоплесканье листьев, / в американскую ночь».

На фоне некоторого сходства двух текстов острее воспринимаются их различия. В «Строфах» отсутствует многое из того, что есть в более позднем тексте – бытовая конкретика, сниженная лексика, etc. То, что в восприятии читателей, превратило подведение итогов в сведение счетов.

Вероятно, что в подобном скандальном восприятии текста, помимо упоминаний инженера-химика и наступившей глупости героини, особую роль сыграла и последняя строчка: «Я курю в темноте и вдыхаю гнилье отлива». Конечно, в ней есть что-то от зна-

менитого ахматовского пуанта. Но что-то и от каламбура с дурным привкусом.

Следует заметить, что финал «Строфы» содержит вполне узнаваемую цитату из «Полых людей» Т. С. Элиота:

Облокотясь на локоть,
я слушаю шорох лип.
Это хуже, чем грохот
и знаменитый всхлип.
Это хуже, чем детям
сделанное "бо-бо".
Потому что за этим
не следует ничего.

Поэма Элиота заканчивается следующими строками: «This is the way the world ends / Not with a bang but a whimper» («Вот как кончится мир / Не взрыв, но всхлип», пер. А. Сергеева). Таким образом, крушение любви в стихотворении Бродского оказывается уподоблено крушению мира, хотя сам пафос этого сравнения несколько снижен в последующих строках.

В стихотворении «Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером...» подобное сопоставление отсутствует, а финальная фраза снижает происходящее в еще большей степени. Однако само сочетание – стихотворение о крушении любви и упоминание морского отлива – вызывает воспоминание о другом «пост-любовном» стихотворении, принадлежащем Владимиру Маяковскому:

море уходит вспять
море уходит спать
Как говорят инцидент исперчен

любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид

Разумеется, метафору крушения любви, как кораблекрушения, которая также встречается в поэзии Иосифа Бродского, было бы опасно выводить из «любовной лодки» Владимира Маяковского. Это общее место в поэзии.

Вместе с тем примечательно, что уже в стихотворении «Строфы» Мария Марковна Гельфонд отмечает некоторое сходство с метафорами раннего Маяковского [3]. Сходство это, более чем вероятно, находится на уровне подтекста.

Совершенно по-иному, как авторское изобретение, воспринимается присутствующее у Маяковского сравнение конца любви с морским отливом: «море уходит вспять / море уходит спать». Маяковский этим сравнением начинает, Бродский заканчивает. Едва ли второй поэт не чувствовал этого подтекста.

Тогда кажется логичным и сопоставление самой ситуации. Оба стихотворения посвящены любовной катастрофе и тому, как она воспринимается. У Бродского эта катастрофа дана через общий контекст его любовной лирики (те же «Строфы») и отчасти через введение аллюзии на текст Маяковского, являющийся в этом отношении прецедентным текстом для русской поэтической традиции.

Совпадает и художественное пространство – в обоих текстах эта ката-

строфа дана на фоне морского / океанского пейзажа. Для обоих авторов морской отлив – это метафора уходящей любви. Вообще, это сравнение «любовь – море» характерно для Маяковского. Так, в стихотворении «Личка»:

Если быка трудом уморят –
он уйдёт,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей
Мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымо-
лишь отдых.

Однако при всем сходстве кардинально различается лирический герой двух стихотворений. И у Бродского, и у Маяковского лирический герой максимально близок автору, дистанция между ними минимальна. Невозможно мыслить авторское «я» в отрыве от биографии и биографического мифа обоих поэтов. Здесь и находятся принципиальные различия. Даже в читательской рецепции Маяковский воспринимается как герой, свою катастрофу не переживший. Его стихотворение – экспрессивно, более того, катастрофа мыслится как переживаемая здесь и сейчас. Бродский же обозначает своего лирического героя как ее пережившего и уже несколько отстраненно (жест – «курю в темноте» здесь неслучаен) наблюдающего за ее последствиями. Герой из настоящего смотрит в прошлое. Экспрессия сменяется посылом в большей

степени элегическим, пусть и скрытым за иронией. Это своеобразное письмо в бутылке – еще одна метафора, характерная для поэзии Бродского. Современниками, если верить мемуарам, это письмо, вероятно, было расшифровано, как «дорогая, спустя тридцать лет нам нужно еще раз объясниться». Между тем как перед нами действительно в большей степени сообщение о том, что лирический герой выжил и излечился. И, помещая аллюзию на стихотворение

Маяковского в контекст американской элегической традиции прибрежной поэзии, снижая ее экспрессивное звучание, Бродский это подчеркивает. Море уходит вспять, любовь закончилась, ничего не произошло, я выжил и курю.

Отдельно стоит отметить, что подобный тип героя – пережившего катастрофу и теперь отстраненно повествующего о жизни после нее – представляется очень характерной для стихов поэта, вышедших после 1972-го года.

Библиографические ссылки

1. Горбаневская Н. Ахматова, Бродский и все остальные. Статьи о поэзии. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://newkamera.de/gor/gor_o_01.html#a11 (дата обращения: 20.04.2015).
2. Штерн Л. Поэт без пьедестала. Воспоминания об Иосифе Бродском. М., 2010. С. 172.
3. Гельфонд М. Внерациональное в лирике Бродского: «Строфы» [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://novostiliteratury.ru/?nauchnye-stati=vneracionalnoe-v-lirike-brodskogo-strofy> (дата обращения: 20.04.2015).

I. A. Snegirev

BRODSKY, MAYAKOVSKY AND THE CRASH OF THE LOVE BOAT

This article analyzes the poem «Dear, I have left home late tonight...» (1989) from the perspectives of both the contemporaries' perception of the poet and its literature context.

Keywords: Brodsky, Mayakovsky, reminiscence, implied sense.

**НАРОДНЫЙ РОМАНТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР
В СИСТЕМЕ ПЕРСОНАЖЕЙ КНИГИ РАССКАЗОВ
«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА**

В книге рассказов «Записки охотника» система персонажей является одним из компонентов общего циклического целого. В статье исследуются группы, или «гнезда», персонажей, существующие в произведении, выявляются их характерные черты, а также способы воплощения в них национального характера. Подробно рассмотрен центральный тип книги – народный романтический характер.

Ключевые слова: «Записки охотника», книга рассказов, система персонажей, цикл, характер персонажа, «романтики», «реалисты».

В книге рассказов «Записки охотника» пейзаж, как правило, предваряет появление нового героя, – на это указывает в своем исследовании О. Ильинский: «Люди у Тургенева постепенно выделяются из пейзажа, как, например, крестьянские персонажи “Записок охотника”» [3, с. 31] в свою очередь Ю. В. Лебедев замечает, что тургеневский герой будто постепенно проступает на заданном фоне [6, с. 37]. К примеру, в рассказе «Свидание» образ роши, «трепещущей после дождя», соотносится с Акулиной, на фоне грозы проступает фигура лесника по прозвищу Бирюк («Бирюк»), удивительный, таинственно-прекрасный ночной Бежин луг предваряет легенды мальчиков («Бежин луг»).

В исследованиях утвердилось предложенное Л.М. Лотманом деление крестьянских персонажей книги на группы, или «гнезда», близкие Хорю или Калинычу [7]. Так, О. Миллер относит данных персонажей к типам «народного романтика» и «народного реалиста»

[4, с. 4]. Герои из народа, близкие Калинычу, – карлик Касьян, охотник Ермолай, лесник по прозвищу Бирюк, певец Яков Турок, Лукерья – вмещают в себя общие черты, которые можно по-разному обозначить. Все они «не помещаются» в социум, их выделяет абсолютное неумение и нежелание закрепиться, прижиться в нем: нет дома у Калиныча, Ермолая, Касьяна, Лукерья живет «в сарайчике», сторожка Бирюка лишена малейшего уюта. В героях этого ряда проявляется особая связь с природой, умение интуитивно чувствовать ее законы. Указанные черты ложатся в основу близких понятий «чудак», «юродивый», сам же Тургенев называет Калиныча «романтиком, идеалистом» [12, с. 14], возводя истоки понимания образа к немецкой философии.

Однако персонажи данного ряда вмещают в себе тип национальный, по сути далекий от немецкой традиции – их объединяет позиция вне социума, наличие стойких моральных качеств, возвышающих героев над миром.

Вероятнее всего, Тургенев пережил влияние известной ему традиции, тип же юродивых, чудаков был развит в русской литературе впоследствии (см. произведения Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского); чтобы подчеркнуть возвышенно-поэтические качества данных персонажей, «спровоцированные», обусловленные природой, мы введем понятие «народный романтический характер».

Природа становится безусловным нравственным критерием в оценке крестьянских персонажей Тургенева. Связь с ней обуславливает комплекс положительных качеств героя: особую душевность и мягкость Калиныча, красоту, безропотность Лукерьи, философию «живой жизни» Касьяна. В определенной степени писатель в изображении природы выступает предшественником Л. Н. Толстого. Однако если у Толстого пейзаж является проекцией состояния персонажа, то у Тургенева природа выполняет функцию «психологической параллели», по словам Г. Б. Курляндской, пейзажи писателя «лишь косвенно приведены в соответствие с духовностью персонажей» [5, с. 79]. От картин природы читатель движется к пониманию характеров героев, в результате пейзаж и характер, *сопрягаясь*, создают цельный образ. Именно через соотнесение персонажей книги с картинами русской природы писатель раскрывает черты национального характера. Не случайно Тургенев в описаниях природы делает акцент именно на ее «русскости» [2, с. 19].

По мере прочтения книги читатель знакомится с героями данного типа в

определенной последовательности: первым становится Калиныч («Хорь и Калиныч»), вслед за ним следует Ермолай («Ермолай и мельничиха»), ставший спутником охотника и в других рассказах, потом Касьян («Касьян с Красивой Мечи»), Бирюк («Бирюк»), Яков Турок («Певцы»), наконец, Лукерья («Живые мощи»). В книге рассказов «Записки охотника» можно проследить, как при создании характеров одного типа, или, как выражался сам Тургенев, «разводных эссенций» [13, с. 433], качества первого персонажа перетекают в свойства характера другого, усиливаясь в финале.

К примеру, указывает на «поэтически-возвышенный» склад характера портрет Калиныча: «Я долго любовался его лицом, кротким и ясным, как вечернее небо» («Хорь и Калиныч») [12, с. 11]. Этот же образ открывает череду «бесприютных» персонажей, все они лишены дома, им ближе свободное природное пространство: Калиныч большую часть времени проводит на пасеке, Бирюк живет в доме в лесу, Лукерья находится в маленьком сарайчике. Ермолай так же, как и Калиныч, странствует по полям, лесам. Причем подобная близость природе в книге рассказов означает невозможность реализоваться в пространстве антропогенном, в мире людей. Выделяется из ряда в данном случае только Лукерья, в диалоге с рассказчиком она говорит: «Иным еще хуже бывает» – «Это каким же образом?» – «А у иного и пристанища нет!» [12, с. 330]. Героиня уверена в том, что обрела свое пристанище – место, предназначенное для нее.

Данному образу соответствует неумение прочно обосноваться, устроиться в жизни; Полутыкин говорит о Калиныче: «Хозяйство, однако, содержать не может: я его все оттягиваю» [12, с. 11]. Все герои указанного ряда по разным причинам не приспособлены к тяжелой крестьянской работе. Отсутствие рационального склада ума в них замещается иррациональными способностями. Калиныч знал свойства разных трав, «заговаривал кровь, испуг, бешенство, выгонял червей; пчелы ему дались, рука у него была легкая» [12, с. 14], эти умения переходят и к Касьяну («Ведь ты, говорят, лечишь, ты лекарка», – спрашивает у него кучер Ерофей). При этом Калиныч нрав имел легкий, добрый, сопровождавший же охотника в последующих рассказах Ермолай легким нравом не отличался, но охотничье дело знал отлично, был наблюдателен и так же, как и все герои, бесприютен; «человеком престранного рода, беззаботным, как птица» [12, с. 21] называет его автор. В Касьяне усиливаются мистические способности, герой полностью оторван от мира людей и слывет за юродивого. Лесник Бирюк тоже своего рода изгнанник, но в нем, кроме прочной связи с природой, обусловленной его занятием, присутствует еще и особая твердость характера. Калиныч, Касьян наделены душевной чуткостью, они умеют воспринимать искусство, оба поют. Данное качество возведено в ранг уникального природного таланта в образе Якова Турка. Наконец, в Лукерье соединены и кроткий нрав, и удивительные способности (она пред-

сказывает время своей смерти), новым в ней становится безропотность – трактуемая автором как качество национальное («Ничего мне не нужно; всем довольна, слава Богу, – с величайшим усилием, но умиленно произнесла она» [12, с. 337]), полное принятие своего положения, состояние покоя и счастья в нем.

Подобные качества крестьян в книге не остаются без объяснения. Возможно, ключом к персонажам народного романтического типа может быть рассказ «Бежин луг». Он следует за очерками «Хорь и Калиныч», «Ермолай и мельничиха», стоит непосредственно перед рассказом о Касьяне. Пространство в нем не только поэтизируется, но и мифологизируется – наполняется легендами мальчиков о русалках, леших и пр. Соединение легенды, мистики с действием удивительной, таинственно-прекрасной ночи указывает на истоки крестьянских характеров: их особую чувствительность, умение буквально воспринимать красоту окружающего мира, естественную вовлеченность в природу. Здесь же проявляет себя способность верить по-детски искренне: как сами мальчики верят в рассказанные легенды, так и Касьян, и Лукерья обладают собственным пониманием Бога.

Концентрируют качества персонажей указанного типа, возводя их в высшую степень, два героя – юродивый Касьян и певец Яков Турок. Карлик Касьян не просто бесприютен – герой не может усидеть на одном месте, за что люди дали ему прозвище Блоха. Странничество становится его

промыслом – он ловит соловьев и отдает их добрым людям – и образом жизни: «А вот как пойдешь, как пойдешь... и полегчит, право. И солнышко на тебя светит, и Богу-то ты видней, и поется-то ладнее» [12, с. 119]. Прототипом подобного образа могли быть члены секты «бегунов», отрицавшие институты государства, церкви, однако прямых указаний в книге на принадлежность Касьяна какой-либо секте нет. Кучер Ерофей называет его «юродивцем», в представлении героя в это понятие входят и физический недостаток Касьяна, странность его манеры поведения, непонятность его слов. Однако автору, напротив, речи Касьяна кажутся рассудительными, даже интересными. Подобная манера сознательного притворства была свойственна «юродивым Христа ради» [9, с. 392]. Для них же была характерна и функция обличения. Касьян укоряет охотника в том, что он стреляет птиц себе «на забаву», указывает ему: «Великий грех показать свету кровь» [12, с. 116]; здесь же герой сообщает рассказчику свою философию «живой жизни» – понимание ценности всего живого. Отношение крестьян к Касьяну отражается в репликах кучера Ерофея. Последний и предостерегает охотника, и удивляется, как барин мог понять его невнятную речь, в итоге же называет Касьяна «несоразмерным», чувствуя, что юродивый «не помещается» в общекрестьянские рамки жизни. В ряду других персонажей книги Касьян раскрывает тип «русского юродивого», указывая на юродство как качество национальное.

Вторым персонажем, наиболее близким типу романтической личности среди героев из народа, является Яков Турок («Певцы»): «Он... казалось, не мог похвастаться здоровьем. Его впалые щеки, большие беспокойные серые глаза, прямой нос с тонкими, подвижными ноздрями, белый покатый лоб с закинутыми назад светло-русыми кудрями, крупные, но красивые выразительные губы – все его лицо изобличало человека впечатлительного и страстного. Он был в большом волнении... руки его дрожали, как в лихорадке, – да у него и точно была лихорадка...» [12, с. 213]. Яков вмещает в себя такие качества романтического художника в широком смысле слова, как болезненность и нервность, его портрет подчеркивает бледность, крайнюю возбужденность, свойственную творческим натурам. Герою близко то страдание, которое обусловлено несоответствием таланта маленькому человеку, неумение жить с ним, но и невозможность бороться. Через пение Якова Тургенев раскрывает не только одаренность русского народа, но и пытается познать свойства русской души. Песня, раскрывающая национальный характер, всегда грустна, – это именно горестное пение, рассказчику видится в ней «какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь» [12, с. 222]. Важно здесь отметить и способность жюри оценить поединок певцов. Почему не побеждает Рядчик? Он слаженно поет, умело приукрашивает свое пение, показывая мастерство; но в нем нет души, а значит, нет русской тоски, какого-то надрыва. Оппозиция

«Рядчик – Яков Турок» близка конфликту между Моцартом и Сальери: в обоих случаях мастерство не становится заменой естественного, врожденного таланта. Яков побеждает в состязании певцов, так как он проживает песню всей душой и вкладывает в нее тоску и страдание.

В рассказе «Певцы» характер Якова, его певческая манера раскрыты через сопоставление с пением Рядчика. Бинарные оппозиции обеспечивают особый характер целостности тургеневской книги рассказов. Героям-«идеалистам» противопоставлены «реалисты», деятельные персонажи, близкие Хорю. Среди них стоит выделить однодворца Овсянникова, в характере которого проявляет себя основательность, рассудительность, умение осмысливать и трезво оценивать русскую действительность. С этим героем рассказчик ведет диалог на наиболее актуальные для своего времени темы, спрашивает о размежевании, о помещиках и их манере управления хозяйством, о старых и новых временах. Вторым, близким данной группе персонажем, становится бурмистр Софрон («Бурмистр»). Его помещик Пеночкин называет «умной головой» («une forte tête»), «государственным человеком». Однако в последнем случае деловые качества героя из народа получают негативную окраску: Софрон успешно обманывает своего помещика, крестьяне находятся у последнего в полном порабощении. В изображении двух групп героев авторские симпатии остаются на стороне «романтиков, идеалистов»: не случайно его постоянным

спутником становится охотник Ермолай, сам рассказчик, несомненно, близок этой группе героев.

Р. Нохейль в своем исследовании «Записок охотника» приходит к выводу о наследовании Тургеневым основного конфликта немецкой идеалистической философии [8, с. 17]: конфликта между миром социума и миром природы. Действительно, указанные выше примеры подтверждают существование в книге рассказов двух обособленных миров: антропогенного пространства и мира природы, мало связанных между собой и обладающих противоположными признаками, в свою очередь герои, относящиеся к той или иной группе, тяготеют либо к социуму, либо к природе. Конфликт, помещенный Тургеневым в основу книги рассказов, был связан с философскими течениями 30 – 50-х годов XIX века, имел злободневный для своего времени характер и отражал отход от увлечения немецкой идеалистической философией (философские кружки 30-х годов XIX века).

При всех отмеченных исследователями особенностях, примечательным в рассказе «Хорь и Калиныч» является именно факт дружбы двух героев, противоположных друг другу по характеру. Хорь и Калиныч испытывают взаимное уважение и симпатию; в стремлении к пониманию их не тяготит различие характеров. В первом рассказе книги Тургенев предваряет идеи, высказанные позднее в статье «Гамлет и Дон Кихот» (1860); намечая два типа людей, близких Гамлету либо Дон Кихоту,

писатель говорит о «противополож- она вертится» [11, с. 333]. В общей си-
ных особенностях человеческой при- стеме персонажей произведения речь
роды», «концах той оси, на которой может идти о диалектике характеров.

Библиографические ссылки

1. Анненков П.В. Замечательное десятилетие // Литературные воспоминания. М., 1989. С. 111 – 352.
2. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. М. – Л., 1962. 247 с.
3. Ильинский О. Двойственность эстетической позиции И.С. Тургенева // Записки русской академической группы в США. New York, 1983. Т. XVI. С. 30 – 42.
4. Критические разборы «Записок охотника» И.С. Тургенева. М. : Тип. Вильде, 1910. 171 с.
5. Курляндская Г.Б. Художественный метод Тургенева-романиста. Тула : Приок. кн. изд-во, 1972. 344 с.
6. Лебедев Ю.В. «Записки охотника» И.С. Тургенева. М. : Просвещение, 1977. 80 с.
7. Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х гг. XIX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lotman.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5848> (дата обращения: 21.05.2015).
8. Нохейль Р. Тургенев и философские течения XIX в. // И.С. Тургенев: мировоззрение и творчество, проблемы изучения : межвуз. сб. науч. тр. Орел, 1991. С. 11 – 24.
9. Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 1999. 520 с.
10. Радищев А.Н. Сочинения. М. : Худож. лит., 1988. 686 с.
11. Тургенев И.С. Гамлет и Дон Кихот // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 5. М. : Наука, 1980. С. 330 – 351.
12. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 3. Записки охотника. М. : Наука, 1979. 526 с.
13. Цейтлин А.Г. Примечания // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 3. Записки охотника / И. С. Тургенев. М. : Наука, 1979. С. 397 – 445.

E. V. Makarova

ROMANTIC FOLK CHARACTERS IN THE BOOK OF SHORT STORIES «SPORTSMAN'S SKETCHES» BY I. TURGENEV

In the book of short stories *Sportsman's Sketches* by I. Turgenev the system of the characters functions as a one of the components of the cyclical cohesion. In the article the two groups of the characters are researched, each character is a strong personality in the Turgenev's text, but all of them have many traits in common, so we can distinguish types of the romantic or realist between them.

Keywords: Sportsman's Sketches, the book of short stories, characters, cycle, personality, romantic, realist.

УДК 284.85, 284.1, 211.5

Е. И. Коростиченко

ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ВНУТРИ СВОБОДНО-РЕЛИГИОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ГЕРМАНИИ XIX В. *

Данная статья знакомит с ранее не изученным в трудах отечественных историков и религиоведов широким религиозным, общественно-политическим движением, возникшим в Германии в середине XIX в., – свободно-религиозным движением. В статье дается обзор политических, социальных взглядов сторонников этого движения. Далее представлен анализ трех основных мировоззренческих концепций, сформировавшихся внутри движения: теологического рационализма, пантеизма и «религии гуманности».

Ключевые слова: Германия, атеизм, свободомыслие в отношении религии, революция 1848 – 1849 гг., свободно-религиозное движение.

Организованное движение немецких свободомыслящих зарождалось как буржуазно-демократическое движение. Оно возникло в рядах наиболее образованной и просвещенной части немецкой либеральной интеллигенции, отражавшей настроения буржуазии. Последняя существенно укрепила свои позиции в 30-е гг. XIX в. в связи с промышленным переворотом (запоздавшим по отношению к Англии и Франции) и последовавшими либеральными экономическими реформами. Консервативная система государственного управления, тесно сотрудничавшая с обеими церквями (эта связь была закреплена на официальном уровне в концепции «Staatskirchen-

tum»), выражала интересы старой аристократии. Поэтому идеи свободомыслия в отношении религии, инакомыслия в широком смысле как проявления оппозиционного отношения к господствующей системе идей и ценностей [1, с. 15 – 17] были весьма созвучны устремлениям буржуазии, желавшей потеснить старую феодальную аристократию и стать полноправным политическим актором.

Первым этапом становления организованного движения свободомыслящих в Германии было свободно-религиозное движение (*Die deutsche freireligiöse Bewegung*), которое возникло в преддверии революций 1848 г. из двух первоначально независимых,

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 15-33-01342.

оппозиционных по отношению к католической и протестантской ортодоксии направлений – «немецких католиков» (*Die Deutschkatoliken*) и протестантских «друзей света» (*Die Lichtfreunde*). Религиозное оппозиционное движение «немецких католиков» и протестантских «друзей света» было первым массовым народным движением в домартовский период [4, s. 11]. В нем помимо представителей буржуазной интеллигенции (бывших священников, учителей, состоятельных фабрикантов) активное участие принимали простые люди: рабочие, ремесленники, мелкие торговцы. Движение по количеству участников было небольшим, но по силе воздействия на демократические слои общества достаточно мощным. Его представители И. Ронге, Л. Улих, В. Бальцер, Й. Вислиценус, Р. Блюм и другие открыто выступали с антиклерикальными идеями, что позволяет оценить их деятельность как «значительный шаг в направлении свободомыслия» [3, s. 265]. Свободно-религиозное движение, получившее большую популярность в предреволюционные годы, стало главной темой газет того времени, так как с этим своеобразным религиозным протестом была тесно связана критика господствующего социального и политического положения [4, s. 11].

Движение в целом популяризовало критику религии, научную картину мира, рационализм эпохи Просвещения. Свободно-религиозное движение как «реформация XIX века» видело свою миссию в продолжении и завершении достижений Реформации времен Лютера. Новая реформация имела

своей целью не только внутрицерковные изменения, но и социально-политические. Следует иметь в виду, что свободомыслие в отношении религии, особенно в его организованных формах, тесно связано с политическим свободомыслием. Свободно-религиозное движение соединилось с демократическим оппозиционным движением в домартовский период, и эта связь продолжалась в годы революции 1848 – 1849 гг. в Германии и далее, вплоть до начала XX в. Так, в конце 1860 – 70-х гг. к свободно-религиозному движению начинают присоединяться политически активные представители пролетариата. Позднее эта составляющая движения разрослась и выделилась из него в пролетарское движение свободомыслящих, опиравшееся уже на марксистскую идеологию [2, s. 22].

Тем не менее протест сторонников свободно-религиозного мировоззрения нельзя сводить только к политическим и социально-экономическим причинам. Инакововерующие всегда указывали на принципиальное значение своих религиозных взглядов в общественной или частной деятельности. Внутри свободно-религиозного движения были представлены различные мировоззренческие позиции: от теологического рационализма до пантеистических представлений и «религии гуманности», представлявшей сторонников радикального левого крыла движения, полностью преодолевших христианство.

Общим для них был отказ от традиционного понимания христианства, опора на разум и просвещение. Стоит заметить, что в исследованиях, рассматривающих историю движения,

подобное разнообразие мировоззрений упускается из виду, при этом зачастую всему движению приписывается общая принадлежность к теологическому рационализму. Такое ошибочное представление, вероятно, связано с преобладанием приверженцев теологического рационализма в начале возникновения движения. Однако с развитием движения это направление утратило свое значение, большую популярность приобрели пантеистические, гуманистическо-этические представления.

Основные черты рационалистического направления были отражены в символе веры «немецких католиков», в Лейпцигском исповедании веры, в 1845 г. В нем было зафиксировано, что «Проникнутый и тронутый христианской идеей разум равноправен Библии, свободное исследование которой не должно быть ограничено каким-либо авторитетом» [4, s. 97]. По мнению авторов этого документа, «не культ, но «практическое» христианство, что характеризуется своей любовью к ближнему, должно стать главной задачей свободно-религиозной общины» [4, s. 98].

Вскоре после основания первой немецко-католической общины в Бреслау в 1845 г. возникли изменения в мировоззрении ряда инаковерующих. Наряду с изначально представленным теологическим рационализмом появилось имманентно-христианское направление (антропоцентрический пантеизм, или религиозный социализм). В отличие от теологического рационализма пантеизм исходил из имманентности Бога в мире и в человеке. Типичным для христианско-имманентной позиции было объяснение немецко-като-

лического священника Карла Шолля, который утверждал, что Иисус Христос под религией понимал реализацию Царства Божьего на земле. Под лозунгом «преклонение перед авторитетом является видом суеверия» (Юлиус Рупп) пантеистическое направление отвергало всякий авторитет, который ограничивал индивидуальную свободу, будь этим авторитетом Библия, священник, церковь или символ веры. Иоганн Ронге, Неес фон Эзенбек, Теодор Хофферрихтер, так же как и многие другие представители этого направления, исходили из того, что социализм внутренне присущ свободно-религиозному движению.

Последовательное развитие имманентно-христианской позиции привело к наиболее радикальному направлению внутри свободно-религиозного движения – «религии гуманности». Теоретики «религии гуманности» под влиянием левых гегельянцев и Людвига Фейербаха не предлагали альтернативное «религиозно-свободное» понимание существующему христианству, они полностью отказывались от него. В свободных общинах, в которых было распространено это направление, больше не употребляли слово «вероисповедование», а обсуждали мировоззренческие положения своего учения. В теоретическую сферу «религии гуманности» закономерно вошли идеи социализма. Гуманный социализм должен был посредством системы социальных реформ удовлетворить материальные и духовные потребности людей, чтобы каждый поверил в собственную свободу от религий. Конечной целью этого социализма должно быть раскрытие

индивидуальности, самоутверждение человека [4, s. 103].

Вопрос о том, какую роль в становлении свободно-религиозного движения, направленного на переустройство общества, играет мировоззрение, требует более глубокого рассмотрения. Тем не менее можно резюмировать, что характерной особенностью свободно-религиозного движения является его размытая миро-

возренческая ориентация. Отказ от конкретного религиозного содержания в форме христианских догматов сочетается в нем с заимствованными у христианства некоторыми культовыми формами, такими как ритуалы перехода (похороны, Югендвайе – светская конфирмация). Это ставит его в особое положение, промежуточное между религией и светским мировоззрением.

Библиографические ссылки

1. Тажуризина З. А. Идеи свободомыслия в истории культуры. М. : МГУ, 1987.
2. Kahl J., Wernig E. Freidenker: Geschichte und Gegenwart. Pahl-Rugenstein, Köln 1981.
3. Kaiser J.C. Arbeiterbewegung und organisierte Religionskritik: proletarische Freidenkerverbände in Kaiserreich und Weimarer Republik. Industrielle Welt (Band 32). Klett-Cotta, 1981.
4. Paletschek S. Frauen und Dissens: Frauen im Deutschkatholizismus und in den freien Gemeinden 1841–1852. Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft (Band 89). Vandenhoeck & Ruprecht, 1990.

E. I. Korostichenko

PECULIARITIES OF THE WORLDVIEW INSIDE THE FREE-RELIGIOUS MOVEMENT IN 19th CENTURY GERMANY

This work is centered on the wide religious, social and political movement that arose in Germany in the middle of the 19th century – the free-religious movement. Until now, this phenomenon has been paid little attention in the Russian language-published works on history and religion studies. The paper presents a survey of political and social views of the movement members and supporters. Besides, an analysis is presented of the three main worldview concepts formed inside the movement: the theological rationalism, pantheism and “human religion”.

Keywords: Germany, atheism, religious free-thinking, revolution of 1848 – 1849, free-religious movement.

**ПЬЕСА В. ПРОТОПОПОВА «ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ»:
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ТЕАТРАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО**

Статья посвящена непростым взаимоотношениям Русской православной церкви и русского театрального сообщества. Виктор Протопопов в своей пьесе «Черные вороны» показал мрачные стороны религиозной жизни народа, неспособного иногда отделить дух сектантства от православия. Отдельные представители церкви также не всегда могли отличить антисектантский пафос произведения от антиклерикальной пропаганды.

Ключевые слова: театральное сообщество, религиозная жизнь, сектантство, православие, Русская православная церковь, революция.

Пьеса Виктора Протопопова «Черные вороны» появилась на театральной сцене в период глубоких социальных потрясений. Это время сыграло роковую роль в ее недолгой жизни в российском театре. Революция 1905 года затронула все стороны общественной жизни. Манифест 17 октября был воспринят обществом как начало дарования гражданских свобод. Театр в России оказался одной из площадок для дискуссии по наиболее острым вопросам. Среди тем, которые запрещались для инсценировки актерскими коллективами, была церковная жизнь. За соблюдением благочестия следило Главное управление по делам печати при Министерстве внутренних дел, издававшее с 1891 года алфавитные списки пьес, допущенных к постановке на театральной сцене. Это ведомство цензурировало тексты, вносило необходимые с его точки зрения коррективы в театральную постановку. Главное

управление направляло свои циркуляры в случае запрета спектакля губернаторам, требуя выполнения собственных предписаний. Так были сняты с репертуара пьеса Л. Толстого «Первый винокур», опера Н. Римского-Корсакова «Ночь перед Рождеством». Наиболее жестко цензурное ведомство следило за постановками в народных театрах, где были запрещены даже гробовое «Горе от ума», а также ряд произведений М. Горького, А. Чехова, Ф. Шиллера и многих других авторов [7, с. 50].

Главное управление по делам печати принимало к рассмотрению ходатайства Святейшего Синода о недопущении на театральной сцене сюжетов, наносящих ущерб репутации церкви и религии. Недовольство священноначалия вызывала не только откровенная критика (например, Льва Толстого и Николая Лескова), но использование православных символов, икон, элементов

богослужения в театральных постановках. Синод составил специальный перечень табуированных для театра предметов и изображений. В результате по требованию цензуры из ряда спектаклей удалялись не только отдельные реплики, но и целые акты. В пушкинском «Борисе Годунове» были удалены упоминания о патриархе, сцена молебного пения в Кремле, действия на Красной площади. Синод считал недопустимым использование иконописных сюжетов в декорациях, священнических риз в качестве реквизита, изображение духовных лиц «недостойно их сану». Даже Мариинский театр был вынужден убрать из своих постановок декорации со священными ликами [7, с. 52]. В церковной печати обсуждался вопрос о допустимости актеру творить крестное знамение на сцене, если таковое было предписано ролью. Несмотря на то что бывший ректор Санкт-Петербургской духовной академии прот. Иоанн Янышев высказался за возможность такового действия в театре, доминирующей оказалась запретительная позиция [8].

Сценическую судьбу произведения не могло спасти даже высокое покровительство или положение автора. Так, Святейший Синод высказался против постановки пьесы «Царь Иудейский», принадлежавшей перу К. Р. Под этими инициалами скрывался Великий князь Константин Романов, родной дядя Государя императора Николая II.

В значительной степени отношение священноначалия к театральному искусству определялось взглядами Святых

отцов церкви на лицедейство. Одним из таковых был святитель Иоанн Златоуст, посвятивший современному ему театру пламенные обличительные слова: «Где теперь те, которые предаются дьявольским пляскам, непотребным песням и сидят в театре? Стыжусь вспоминать о них. Итак, посмотрим и мы на это сонмище блудных жен и непотребных юношей, собравшихся в театре, и их забавы, которыми многие из беспечных юношей увлекаются в их сети, сравним с жизнью блаженных. Здесь мы найдем различия столько же, сколько между ангелами, если бы ты услышал их поющими на небе стройную песнь, и между собаками и свиньями, которые визжат, роясь в навозе. Устами одних говорит Христос, а языком других – дьявол, там самые трубы издают звук, соответственный их нескладному голосу и уродливому виду, когда они надувают щеки и натягивают жилы. А здесь издает звук благодать Духа Святого, которая вместо труб, гуслей и флейт употребляет уста святых. Впрочем, что бы я ни говорил, невозможно вполне представить того удовольствия людям, привязанным к персти и плинфоделанию. Потому желал бы я взять кого-нибудь из пристрастившихся к театру, отвести в монастырь и показать собрание святых мужей; тогда мне уже не нужны были бы слова. ... Там (в театре) слушатель тотчас воспламеняется огнем нечистой любви: если мало взора блудницы зажечь сердце, то голос ее влечет в гибель; а здесь, если бы даже душа и имела что-нибудь нечистое, она тотчас

оставляет это. И не только голос и взор, но и самые одежды блудниц еще более приводят в смущение зрителей» [4, с. 697]. Не менее сурово относились к театральным зрелищам святителя Григорий Богослов и Василий Великий. Обличительный пафос Тертуллиана, называвшего театр «прибежищем сатаны», соответствовал не только общему христианскому настроению своего времени, но и не устарел в начале XX столетия. Большинство духовенства было воспитано в духовных школах на таком отношении к театальному искусству. Поэтому сценическую судьбу пьесы Виктора Протопопова «Черные вороны» невозможно рассматривать без учета церковной ментальности той эпохи.

Сама пьеса выдержала 108 постановок в столичных и провинциальных театрах до своего запрета в 1907 году. Почему, несмотря на первоначальную санкцию Главного управления по делам печати, «Черные вороны» были вычеркнуты из репертуара российских театров? Роковую роль в судьбе сочинения В. Протопопова сыграл епископ Саратовский Гермоген (Долганев), который обратился с жалобой к губернатору С. С. Татищеву. Однако натянутые личные отношения владыки со светским главой Саратовской губернии не способствовали взаимопониманию. Жалоба не имела последствий. Татищев высказался в том духе, что не видит законных оснований для снятия «Черных воронов» со сцены [1]. Он опирался на нейтральный отзыв канцелярии обер-прокурора Святейшего

Синода, не усмотревшего в пьесе не дозволенного содержания. Тогда епископ Гермоген написал специальное письмо в Синод, в котором он предупредил о крамольном, по его мнению, содержании пьесы: «Почитаю своим архипастырским долгом засвидетельствовать мучительно пережитым опытом 1905 года, что помянутыми нынешними зрелищами, как банкетами и митингами того времени, наше общество, особенно юношество, деморализуется и растлевается в крайней степени: одна часть общества в религиозном отношении, другая – в политическом, последняя выражает сильное недовольство и резкие порицания против власти как духовной, так и светской» [7, с. 56]. Виктору Протопопову было инкриминировано создание пародии на отца Иоанна Кронштадтского в пьесе «Черные вороны».

К критике театральной постановки подключились Православный братский союз русского народа, киевские миссионеры и, наконец, отец Иоанн Восторгов. Вместе им удалось оказать давление на Синод и на председателя правительства Петра Столыпина, по личному распоряжению которого пьеса была запрещена к постановке в российских театрах [1].

Что в содержании «Черных воронов» могло вызвать раздражение у части церковного сообщества? Формально в пьесе церковь не упоминается ни разу. Сюжет «Черных воронов» построен вокруг любовной интриги и попытки некоей незваной религиозной секты вовлечь в свои ряды богатую

юнюю наследницу большого состояния. Адепты секты проникают в дом главной героини и проповедают ей свое учение. Сектанты не признают чистоту брака, приравнивая его к блуду («мерзость»), пытаются завладеть наследством девушки, поработав ее сознание. «Не плотского мужа надо искать, а духовного! Брата духовного по духу великому», – поучает одна из сектанток [3, с. 18]. В пьесе появляется персонаж, в чьи уста автор вкладывает весь обличительный пафос антисектантской проповеди. Это учитель, гувернер Виктор Александрович. Он влюблен в главную героиню и занимается ее освобождением из рук сектантов. Виктор Александрович видит в «черных воронах» «огромную организацию, позволяющую им шпионить, разузнавать, выведывать» информацию о богатых и доверчивых людях [3, с. 50]. В их сети попадают «не только простецы, но и интеллигенты, склонные к нигилизму». Секта требует «отречение от родственников по плоти, сожителство же с членом секты не только допускается, но и свято», от того рождаются «одухотворенные дети» [3, с. 51]. Виктор Александрович, несмотря на освобождение любимой, не оптимистичен в своих прогнозах о судьбе секты: «Конечно, уничтожить их окончательно не удастся. Спугнуть стаю отсюда, она улетит в другое место... Но еще долго, очень долго будет она кружить над Русью... Много для нее здесь пищи... Тьма и безграмотность, с одной стороны, и глубокая религиозность, лежащая в основе харак-

тера русского человека – с другой. Вот что создает эту пищу черных воронов» [3, с. 50].

Протопопов показывает вполне тоталитарные порядки в секте. Героиня так описывает свое пребывание в общине «черных воронов»: «Душили меня... Силой рот зажимали, когда кричать хотела... Под замок заперли, грозили еды лишиться!» [3, с. 93]. Несмотря на это, сектанты явно не боятся полиции, подобные угрозы на них не действуют. Только угроза привести двадцать фабричных рабочих, которые «перебьют вас как собак», заставляет их отпустить девушку [3, с. 92].

Нелестные отзывы автора пьесы о состоянии народного духа, российских порядках, попустительствующих секте, явный намек на силу пролетариев, комплимент в адрес Толстого, который учит «разумной, человеческой жизни», вероятнее всего и послужили основанием для недовольства со стороны епископа Гермогена и его единомышленников. В те годы ближайшим сподвижником Саратовского владыки был печально знаменитый иеромонах Илиодор (Труфанов), прославившийся хулиганскими выходками по всей России. Илиодор пытался подражать славе отца Иоанна Кронштадтского, искал дружбы с Григорием Распутиным. В его монастыре в Царицыне велась активная антисемитская пропаганда, осуществлялось публичное надругательство над портретами Льва Толстого [2]. Несмотря на все жалобы в столицу, иеромонаха не трогали. Как известно из документов, Николай II знал

о «выходках иеромонаха», счел их «совершенно недопустимыми и не отвечающими священническому и иноческому сану», но позволил ему остаться в Царицыне «исключительно во внимание к усиленным просьбам о том его духовной паствы» [5, л. 20]. Разумеется, это была придворная паства, более влиятельная, чем губернатор, премьер-министр, Синод. Известно, что Илиодор был введен в свое время епископом Гермогеном (Долганевым) в салон графини Игнатьевой, но влияние лиц, бывавших там, было не столь велико. Остается предположить, что такой паствой могли быть, скорее всего, члены весьма близкие к императорскому дому.

Полагаем, что эти связи в конечном счете и предопределили участь пьесы Виктора Протопопова. Ему не помогло заступничество известного священника-миссионера Николая Булгакова, который весьма позитивно отзывался о сочинении автора [2]. «Черные вороны» не содержат намеков в

адрес отца Иоанна Кронштадтского, они обличают хлыстовство сектантов. И это в первую очередь било по репутации Распутина. Именно его архиепископ Антоний (Храповицкий) неоднократно называл хлыстом в своей личной переписке [5, л. 74]. На начальном периоде существования Союза русского народа в его ряды входили сектанты-иоанниты. Черносотенные идеи тиражировала их газета «Кронштадтский маяк». Все эти силы узнали себя в отрицательных персонажах пьесы и ополчились на ее автора. Популярность пьесы не пошла на пользу автору. Так, журнал «Юмористический альманах» подлил масла в огонь, опубликовав карикатуру на «Черных воронов», сопроводив богохульным текстом [9]. Виктор Протопопов написал личное письмо отцу Иоанну Кронштадтскому, опровергая обвинения в сознательной пародии на него и его почитателей [7, с. 57]. Ответ святого пастыря, к сожалению, нам неизвестен.

Библиографические ссылки

1. Мраморнов А. Борьба с позорищем. Как епископ Гермоген с «Черными воронами» воевал // Независимая газета. 2004. 3 нояб.
2. Протоиерей Максим Хижий. История одного расстриги: иеромонах Илиодор (Труфанов) // Альфа и Омега. М., 2006. № 2 (46). С. 96 – 110.
3. Протопопов В. Черные вороны. СПб., 1908. 142 с.
4. РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 64.
5. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1202.
6. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. СПб., 1901. Т. 4. 698 с.
7. Церковный вестник. 1906. № 32. 115 с.
8. Чудновцев М. И. Церковь и театр. М., 1970. 523 с.
9. Юмористический альманах. СПб., 1907. № 2 (123). 45 с.

**THE PLAY «THE BLACK CROWS» BY V. PROTOPOPOV:
ORTHODOX CHURCH AND THEATRICAL COMMUNITY**

The article covers the complicated relationship between the Russian Orthodox Church and the Russian theatrical community. V. Protopopov in his play «The black crows» revealed dark aspects of the religious life of the Russian people, unable sometimes to distinguish the spirit of the sectarianism from the Orthodoxy. At times some Church representatives were also unable to discriminate between the anti-sectarian message of the work and anticlerical propaganda.

Keywords: theatre community, religious life, sectarianism, Orthodoxy, the Russian Orthodox Church, revolution.

УДК 82.01

A. B. Марков

**РАССТРОЕННЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ:
ОБ ОДНОМ РОМАНТИЧЕСКОМ МОТИВЕ**

Статья посвящена объяснению мотива расстроенного музыкального инструмента в произведении А. Бертрона "Гаспар из тьмы". С опорой на иконологию Аби Варбурга доказывается, что этот мотив восходит к Овидию и его классицистским живописным репрезентациям. Музыкальный инструмент оказывается универсальным образом смены времен, поворота во времени, а образ музыки в романтизме двоятся, обозначая как внеземное музыкальное переживание, так и музыкальное умиротворение, в перспективе ведущее к вечному миру. Расстроенный музыкальный инструмент означает не просто негармоничность мира, но наличие в нем войн, которые преодолеваются в комическом регистре торжества Венеры над Марсом и комических ситуаций над трагическими. Приводятся иконологические интерпретации сюжетов Овидия, позволяющие уточнить употребление готовых сюжетов и мотивов в романских и гибридных жанрах эпохи романтизма.

Ключевые слова: европейский романтизм, мотив, топос, музыка в литературе.

Значимость музыкальных тем для романтической литературы невозможно преуменьшить. Вместе с тем при изучении "музыкальной" топики романтизма меньше всего обращают внимание на то, как изображаются материальные носители музыки: музыкальные инструменты. Внимание исследователей

оказывается увлечено переживаниями, а не тем, как образы музыкальных инструментов способствуют созиданию самой ткани повествования о конфликтах. Хотя связать привычный романский конфликт с конфликтом вокруг искусства лучше всего позволяет изображение музыкальных инструментов как того, что воспринимается по-разному: из расхождений восприятия и рождаются сюжетные расхождения и конфликт, когда инструменты начинают звучать.

Романтические изображения характеров или недостатков инструментов складываются в устойчивые линии, проходящие через разные произведения: устойчивость того или иного топоса, связанного с музыкальными инструментами, отражает в романтическом мире устойчивость характеров, которые и понимались как неизменные, как клеймо. Когда появился изменчивый характер, то лучшим образом неизменного характера стал музыкальный инструмент, который может до бесконечности раскрываться в звучании, оставаясь при этом непреложной оболочкой, "штампом", характерной вещью с характерным звуком.

Дать полный свод таких проходящих через разные романтические романы мотивов в их соподчинении – дело будущего. Пока что мы отметим один важный мотив: мотив комического звука, который одновременно вызывает комическую ситуацию. В комической ситуации всегда действуют неизменные маски-характеры, и этот мотив направлен на дискредитацию старого

представления о характерах и внушение мысли об изменчивости героя. Комическая благополучная устойчивость характеров оказывается тем самым сразу дискредитирована как частная ситуация человеческого взаимодействия в сравнении с более общим опытом познания и эстетического переживания.

В данной статье мы расшифровываем эпизод из своеобразной романтической мениппеи Алоизиуса Бертрона "Гаспар из тьмы". Речь идет о фрагменте (или стихотворении в прозе) "Виола да гамба":

(...) Едва регент коснулся смычком гулкой виолы, как она ответила ему потешным урчанием, руладами и бульканьем, словно страдала расстройством желудка, нередким у персонажей итальянской комедии.

Началось с того, что дуэнья Барбара кинулась с бранью на дурака Пьеро, потому что он, растяпа, выронил из рук шкатулку с париком господина Кассандра и рассыпал всю пудру по полу.

Бедный господин Кассандр нагнулся, чтобы подобрать парик, а тем временем Арлекин дал старику пинок в задницу; Коломбина смахнула слезинку, наплывшую от безудержного смеха, а набеленное мукою лицо Пьеро исказилось улыбкой, и рот у него вытянулся до самых ушей.

Но вскоре, когда взошла луна, Арлекин, у которого погасла свечка, стал просить своего друга Пьеро впустить его к себе и дать огонька; таким образом предателю удалось похитить девушку, а вместе с нею и ларчик старика. (...) (I, 7) [1, с. 76]

Сюжет фрагмента таков: расстроенный звук инструмента прямо напоминает о наиболее комическом в комедиях, о "расстройстве желудка", которое напрямую демобилизует героя, заставляя его думать вовсе не о ратных или любовных подвигах. Но далее пересказ сюжетов комедии дель арте – описание злоключений Пьеро. Злоключения Пьеро завершаются похищением у него Коломбины и ларца.

Этот сюжет сразу ставит нас в тупик: как именно связано звучание музыкального сопровождения с развитием сюжета? Почему хотя расстроенный инструмент напоминает о беспомощном положении героя, "расстройство желудка", мы видим не беспомощность героя, но агрессию против него? Наконец, почему сцены злоключений венчаются похищением: означает ли это, что мир устроен как-то совсем неправильно?

На первый вопрос ответить проще всего, если исходить из того, как романтизм понимал язык как начальную музыку смысла, как то, что сразу становится инструментом по отношению к смыслу. Поэтому ранний, первобытный язык всегда сладостен: именно потому, что инструмент работает грубо, он не искажает начальные ряды смысла, он передает смысл со всей прямоотой. В повести Жерара де Нерваля "Октавия" прямо сказано: "Она заговорила на языке, которого я ещё никогда не слышал. Это были звонкие гортанные слова, журчащие, полные очарования, без сомнения, какой-то первобытный язык, еврейский или си-

рийский, кто знает". Не просто чужой язык, в котором еще можно было бы узреть свое достоинство, но первобытный язык, грубый по определению, становится изящным.

Если язык сразу становится инструментом для смысла, и смысл звучит, то сама музыка оказывается неместима ни для каких земных вещей, для всех этих инструментов освоения земного мира. Так возникает идея лебединой песни, подлинного звучания музыки как одновременно ее умирания и перехода в потустороннее состояние, встречается, например, в "Ночных бдениях Бонавентуры", загадочном манифесте романтизма. Первое Бдение заканчивается словами: "Музыка сродни умирающим, она первый сладостный звук из потусторонней дали, и муза пения – таинственная сестра, указующая на небо. Так почил Яков Беме, уловив отдаленную музыку, которой не слышал никто, кроме умирающего".

Получается, что расстроенный музыкальный инструмент указывает на изначальное, еще предшествующее языку расстройство мира вещей, мира человеческих дел, причем настолько сильное, что комические сюжеты, вроде сюжетов комедии дель арте, и будут некоторым собиранием мира в виде своеобразного антракта, интермедии. Именно описание интермедии, трагического зрелища, оборачивающегося комедией, – устойчивый романтический топос, обычный для многих романов, особенно готических, любящих описывать сцены городской жизни.

Но вопросы об агрессии и похищении не могут быть решены только изучением романтических сюжетов и топов. Нам удалось найти один сюжет, восходящий к классицизму, но идеально отвечающий на оба вопроса, как раз изображающий "доязыковую" ситуацию и при этом полностью соответствующий духу так превозносимых романтиками интермедий, постоянно изображаемых в романах площадных представлений в виде музыкальных сцен, комических и танцевальных одновременно. Это сюжет танцующих купидонов, получивший образцовое выражение в творчестве Франческо Альбани, знаменитого выпускника Академии Карраччи, равно успешно писавшего и духовные, и фривольные сюжеты. Потом этот сюжет многократно воспроизводился на посуде, в ювелирных изделиях, гравюрах и мог привлекать внимание и в романтическую эпоху как яркое наследие прошлого.

Купидоны танцуют хоровод, взявшись за руки и держа при этом факелы, атрибут страсти [2, с. 252], с соседних деревьев им аккомпанируют с флейтой и бубном два купидона поменьше и, наконец, алтарь, вокруг которого они ведут свой танец, увенчан композицией: два купидона поддерживают третьего с луком и стрелами. Два этих инструмента, флейта и бубен, обычны в романтической литературе, например, в образцовом готическом романе Анны Рэдклиф "Итальянец" (кн. 3, гл. 1) герои находят город не только по крикам на празднике, но по

смешанному шуму криков и музыки, "ветер доносил звуки флейт и тамбурина". Иногда купидоны с музыкальными инструментами сидят слева на облаке, а справа на облаке Венера и купидон. Наконец, может не быть алтаря, и тогда купидоны танцуют вокруг дерева, перед которое, как перед алтарь, снесено оружие. Замечательно, что слева на дальнем плане находится высокая гора, а справа – храм любви: любовь понимается как снисхождение к наслаждениям, а не как трудное восхождение. Происходит спуск вниз, а не подъем вверх, и это весьма значимо.

Игра, сидя на деревьях, тоже именно в романтизме стала пониматься не как действительный обычай, а как апофеоз фантастического. Такая интерпретация бурлесков Жака Калло (творчеством Жака Калло очень интересовался и А. Бертран), современника Альбани, как фантазийных, принадлежит Э. Т. А. Гофману: у Калло "танец крестьян, где музыканты играют, сидя на деревьях, как птицы, являются в свете особого оригинального романтизма, который удивительно много говорит душе, склонной ко всему фантастическому". Получается, что склонность к фантастическому находит правильное завершение только в виде полноценного концерта, причем сыгранного музыкантами, рассевающимися "как птицы". Романтизм, оспоривший подражание природе в старом смысле, как соревнование с ней, вынужден был признавать его только как подражание пластике, как пластичность, закрепляемую

смелыми словесными сравнениями. Понятая так пластичность позволила перекинуть мост от символического ряда не вполне ясных изображений к общему представлению эпохи, что даже катастрофа совершенно недолжного насилия может хорошо закончиться (раз пластика по определению заранее наделена некоей "гармонией").

Образ танцующих купидонов – не простая галантная фривольность: он восходит к описанию Похищения Прозерпины в "Метаморфозах" Овидия (V, 370 – 395). В некоторых версиях изображения есть и Прозерпина [4, с. 433]. У Овидия Венера жалуется, что она властна только над двумя из трех жребиев богов – над небом и землёй, но не над подземным царством, и велит Аморю поразить сердце Дита-Аида. Дит мигом похищает Прозерпину, собиравшую цветы и танцевавшую с подругами на лугу (танец девушек и сбор ими цветов – единый мотив во всей античной поэзии). Тогда танец купидонов и есть исполнение этого сюжета: любовь, которая владела небом и землей, теперь владеет и подземным царством; и сама земная твердь начинает испытывать действие радостного танца.

Отчет Амора о выполненном плане и изображен на облаке: благодарность от Венеры, в рамках стандартных жестов отношения со слугой, комическим персонажем [3, с. 238]. Прозерпина отождествлялась с созвездием Тельца, как раз того второго (по римскому счету) месяца года, когда Венера торжествовала над Марсом (апрель над мар-

том, месяцем Марса). Именно такое торжество мы видим на знаменитых астрологических фресках в Палаццо Скифаноя, с анализа которых Аби Варбургом [5, с. 563 – 575] и началась вся наука о самостоятельном смысле образов – иконология. Поэтому танец купидонов можно понимать как вариант апрельского танца, танца месяца Тельца, танца на цветущем лугу, как некоторый аналог Трех Граций на фреске в Палаццо Скифаноя. Поэтому перед нами торжество любви над войной: воинские доспехи повержены, и мир торжествует.

Теперь все образы Бертрана получают очевидный смысл: расстроенный инструмент, превращающий любую серьезную сцену в комедию и интермедию, ожидает перемены времен; такой перемены, чтобы музыка стала не потусторонней, а вновь земной. Перемена времен сопровождается насилием, торжеством Марса. Тогда как именно кража Персефоны-Коломбины, в пародийном ключе, и делает сцену не бессмысленной, а вполне осмысленной: торжествует апрель любви, и интермедии, музыкальные антракты оказываются самым правильным исполнением музыкального замысла. Такая интерпретация позволяет уточнить степень влияния иконологических программ на схемы романтической фантазии и на романтическую концепцию музыки как одновременно самого жизненного и самого потустороннего искусства.

Библиографические ссылки

1. Бертран А. Гаспар из тьмы: Фантазии в манере Рембрандта и Калло. М. : Наука, 1981. 352 с. (Литературные памятники). Оригинал: Bertrand A., Séguin A. Gaspard de la nuit: fantaisies à la manière de Rembrandt et de Callot. Ambroise Vollard, 1904.
2. Daye A. Torchbearers in the English masque // *Early Music*. 1998. С. 247 – 262.
3. McGee C. E. Cupid's Banishment: A Masque Presented to Her Majesty by Young Gentlewomen of the Ladies Hall, Deptford, May 4, 1617 // *Renaissance Drama*. 1988. С. 226 – 264.
4. Réveil E. A. et al. Musée de peinture et de sculpture: ou, Recueil des principaux tableaux, statues et bas-reliefs des collections publiques et particulières de l'Europe. t. 7. Paris : Audot, 1830.
5. Warburg A. Italian Art and International Astrology in the Palazzo Schifanoia, Ferrara // *The Renewal of Pagan Antiquity: Contributions to the Cultural History of the European Renaissance*. 1912. С. 563 – 591.

A. V. Markov

**INSTRUMENTAL MUSIC DISORDER: TOWARDS THE UNDERSTANDING
OF ROMANTIC MUSIC REPRESENTATIONS**

The article explains instrumental music disorder as a moment in the hybrid prose of Aloisius Bertrand «Gaspard de la nuit». Application of Aby Warburg's iconological method helps to prove that this motif goes back to Ovid and classical-style scenic representations. Musical instrument appears to be general symbols of time changes and turns, and the image of music in romantic culture is at the same time extraterrestrial musical experience and musical pacification leading to the eternal peace in long-term perspective. Instrumental music disorder is not just the disharmony of the world, but the presence of a war, overcome in the comic register with triumph of Venus (comic or non-serious) over Mars (tragic). Iconological interpretation of Ovid's stories helps us to clarify the use of stable themes and motifs in the novels and hybrid genres of the Romantic era.

Keywords: European Romanticism, motive, common place, music in literature.

**ЦЕРКОВЬ КАК ОДИН ИЗ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ
ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА***

Церковь как часть гражданского общества взаимодействует с государством. Гражданское общество и государство соединены друг с другом целым рядом структурных связей. В становлении институтов гражданского общества в современной России большое значение имеет Церковь и значимой является проблема специфики этих процессов в Восточной Европе, исторический опыт России, а также региональный опыт сотрудничества в этой области.

Ключевые слова: Церковь, Владимирская епархия, религиозность, гражданское общество, свобода совести.

Святейший Патриарх Кирилл в 2012 г. в интервью ИТАР-ТАСС отметил, что «христианская община издревле была тем, что сейчас называют институтом гражданского общества». «Смысл всего, что делает Церковь, в том числе, вступая в диалог с обществом, – свидетельство об Истине Христовой, желание утвердить в жизни людей традиционные духовно-нравственные ценности, без которых, на наш взгляд, немислим гражданский мир и развитие», – отметил Предстоятель Русской Православной Церкви.

Церковь никак не может рассматриваться вне контекста общественной жизни. Церковь как составная часть гражданского общества вступает во взаимодействие с государством и органами местного самоуправления, что обусловлено наличием общих интересов в вопросах сохранения культурно-исторического наследия, социальных

проблем российского общества, народной нравственности и здоровья, обеспечения соблюдения конституционных прав свободы совести.

Гражданское общество и государство соединены друг с другом целым рядом структурных связей. Гражданское общество и его институты – средство проявления интересов граждан. В Социальной концепции Русской Православной Церкви указано, что, исходя из светского характера государства, в отношениях Церкви и государства имеется особая сфера смежных интересов или сотрудничества, к которым в числе прочего относятся миротворчество, забота о сохранении нравственности в обществе, духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание, социальное служение, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, развитие научных исследований и т. д. [1].

---

* Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-03-00532.

Понятие «гражданское общество», появившееся еще в античном мире, в настоящее время является предметом научных и публицистических дискуссий. По свидетельству Доминика Кола (Франция), в западном обществе, начиная с 70-х годов XX века, ни один термин не пользовался большей популярностью, чем гражданское общество, переключившаяся из научных публикаций к газетным страницам и оставаясь по сегодняшний день предметом обсуждений [2, с. 448]. В конце 80-х гг. к широкому и гласному обсуждению этой темы присоединяется российская общественность. На страницах журнала «Вопросы философии» в 90-е гг. XX в. были опубликованы материалы научных дискуссий по проблемам гражданского общества в рамках «круглых столов» [3]. Проблемы гражданского общества, содержание этого понятия и его границы, связи и взаимоотношения с правовым государством находятся в центре научного обсуждения. Разброс мнений и оценок этого феномена социальной жизни общества связан не только с его актуальностью, но и дискуссионностью вопроса о его генезисе, хронологических рамках и исторической перспективе. Общеизвестного определения понятия «гражданское общество» в социальной философии не существует. Устоявшиеся научные определения распадаются в основном на две группы.

Во-первых, это определение гражданского общества как совокупности неполитических отношений в обществе, проявление которых через добро-

вольные объединения граждан законодательно ограждено от вмешательства со стороны государства.

Во-вторых, это определение гражданского общества как одного из элементов государственного устройства (наряду с правительством), состоящего из различных объединений граждан (партий, профсоюзов, ассоциаций граждан, групп), которые осуществляют связь между государством и человеком, защищая права личности.

Таким образом, проблема происхождения и развития гражданского общества в России, где традиционно важной является тема государства, постановка и решение данной проблемы особенно актуальны. И в первом, и во втором определении термин «гражданское общество» раскрывается как особый смысл на границах понятий «общество» и «государство». Актуальна эта тема и в связи с активным сотрудничеством в настоящее время научного сообщества и церковных институтов.

В русской философской традиции проблема взаимоотношения государства и общества – одна из центральных и решается в ином ключе, чем на католическо-протестантском Западе Европы. Духовная связь России и Византии оказала свое влияние на выбор круга проблем русской философской мысли и путей ее решения. Следует отметить, что, кроме моделей взаимоотношения государства и общества, государства и церкви, предложенных и выявленных западноевропейской философской традицией, существует модель, сложившаяся в Византии и юридически

оформленная в VI веке законодательством императора Юстиниана. Этот принцип взаимоотношений чаще всего определяется понятием «симфония» как духовный союз государства и церкви (общества). Принцип симфонии двух властей сформулирован в 6-й новелле императора Юстиниана: «Величайшие блага, дарованные людям высшею благодатью Божией, суть священство и царство, из которых первое (священство, церковная власть) заботится о божественных делах, а второе (царство, государственная власть) руководит и заботится о человеческих делах, а обе, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни... И если священство будет во всем благоустроено и угодно Богу, а государственная власть будет по правде управлять вверенным ей государством, то будет полное согласие между ними во всем, что служит на пользу и благо человеческого рода» [4, с. 419]. Из соборной духовной основы общества и государства следует, что первичная категория – правда (абсолютное добро, должное), а не воля человека или право. Права личности как человека существуют постольку, поскольку он является нравственно разумным и нравственно вменяемым существом. Разграничение права и морали в западном мире привело к юридическому пониманию государства и взаимоотношений человека и общества. Таким образом, в западной традиции государство является не воплощением этического порядка в мире, сдерживающим зло началом, а есть

самодостаточное юридическое образование. Восточнохристианская православная цивилизация сформулировала свое видение этой сложной проблемы, в понимании специфики которой особую роль играет понятие «соборность». А. Ф. Малышевский определяет понятие «соборность» как духовную «связь между людьми, внутренне органическое единство, которое лежит в основе всякого человеческого общения» [5, с. 120]. Идеал святой Руси, сформулированный в недрах национального самосознания, выполняет роль нравственного ориентира на историческом пути. В мире, подверженном с точки зрения христианского мирозерцания порче грехопадения, мире несовершенном, вера в достижение на Земле абсолютного добра является результатом смещения разного уровня проблем. Эта проблема разрешима только в метаисторической перспективе. В этом же земном и несовершенном бытии цель государства не в построении «рая» на Земле, а не допущении ада. «Внешняя чужая сила нужна человеку для того, чтобы он приучился блюсти верную социальную грань в своем поведении... Понуждение и пресечение необходимы для того, чтобы пробудить и укрепить в дефективной душе правосознание и моральное чувство, из коих каждое по-своему ведут к истинной нравственности или по-своему ее приближают», – писал И. А. Ильин [6, с. 97]. По мнению игумена Иоанна (Экономцева), не расовый или племенной, а религиозный момент определили этногенез и национальный идеал

Руси как идеал святости («святая Русь») С его точки зрения, в период подъема Московского государства произошло постепенное подчинение Церкви (общества) государством и подмена национальной идеи идеей империи, выразившееся в теории «Москва – Третий Рим» [7]. Гражданское общество (народ, Церковь) явилось плотью национальной идеи как идеи стяжания святости. В то время как идея империи материализуется в абстрактной силе государственного аппарата. Политика Иоанна IV Грозного (деление государства на «земщину» и «опричнину») и Петра I Великого постепенно вырабатывают идеологию, противоположную национальному идеалу. Это, прежде всего, сказалось в нарушении принципа соборности как основы религиозного и национального бытия. В истории России, по замечанию В. А. Ковалева, «прослеживается ряд соборных государственных институтов: всенародное вече – земские соборы... На уровне местного самоуправления несомненными признаками соборности обладали традиционные государственные и общественные структуры – славянский посад, крестьянская община, земства» [8, с. 71]. Этот список без сомнения можно было бы дополнить такими образованиями, как органы городского общественного управления, возникшие в ходе реформы 1870 г. До петровских реформ русская культура являла собой редчайший образец органичного единства общества, но с XVIII столетия начинается раскол на элиту и народ в культурном

отношении. Противоречия на путях западной европеизации России, раскол общества, кризис государственности вылились в 30 – 40-е гг. XIX века в известную дискуссию славянофилов и западников. Поражение в Крымской войне поставило вопрос о статусе России как великой державы. И, таким образом, во многом благодаря внешнеполитическим задачам в правлении императора Александра II осуществляется ряд реформ, в том числе местного общественного управления. По оценке А. И. Солженицына, постоянная земская управа по своим полномочиям и возможностям превосходила французское местное самоуправление [9, с. 56]. Реформы Александра II имеют важное значение благодаря тому, что они опирались во многом на традиционные ценности русского общества и в то же время использовали практический опыт западноевропейских стран. Городские реформы 1870, 1892 гг. действовали во многом в едином ключе, пробуждая самосознание горожан, создавая возможности диалога власти и общества. Интересна оценка преобразований эпохи Александра II и Александра III в церковной публицистике. Православная Церковь и ее представители в целом положительно оценивали эти преобразования. Церковь, как и все российское общество, заинтересованно встретила правительственные реформы, которые в области земского и городского общественного управления призывали священнослужителей к новой сфере деятельности и более тесному взаимодействию с обществом

и властью в решении важных проблем в области здравоохранения, образования, благоустройства и иных форм социальной и общественной деятельности. При этом в церковной публицистике того времени это новое социальное и гражданско-правовое положение священнослужителей Православной Церкви часто осознавалось как возвращение к общественному «соборному» устройству допетровской Руси. Реформы в определенной степени возвращали духовенству то юридическое и общественное положение, «какое оно занимало в старину в общественной жизни» [10, с. 265]. Закон от 16 апреля 1869 г. положил начало изменению статуса духовенства в российском обществе, расширению круга его общественной деятельности, включая право читать публичные лекции. До начала 70-х гг. XIX века участие духовенства в городском общественном управлении было невозможно в соответствии с положением «Жалованной грамоты» городам императрицы Екатерины II. Люди духовного звания не входили в состав «городского общества», так как не обладали правами городского сословия [11, с. 222]. Коронная власть, осуществляя роль арбитра в условиях общества, дифференцированного по социальному, национальному и религиозному составу, проводила политику гармонизации личностных и общественных отношений, защищало интересы государства и населения в целом, а не одной группы, сословия или партии.

Реформы императора Александра II и преобразования императора Алек-

сандра III проходили на фоне, с одной стороны, экономического роста страны конца XIX века, демократических преобразований, становления институтов гражданского общества, но, с другой стороны, в условиях углублявшегося духовного кризиса российского общества, роста безбожия, популярности экстремизма как средства разрешения назревающих социальных и политических конфликтов, что в конечном итоге привело страну к революционной катастрофе 1917 года. Разорванность власти и общества, упадок национального самосознания, утрата религиозного и национального идеала привели не только к падению властных структур, но и разрушению самого института гражданского общества. Борьба гражданского общества против правительства обернулась не победой гражданского общества, а его крахом и установлением тоталитарного режима. Э. Фромм, рассуждая о психологических корнях тоталитаризма, отмечает революционные события XX века как одно из проявлений человеческой деструктивности. Исторический опыт российских реформ второй половины XIX века показывает, что гражданское общество и его институты не самоцель, а средство проявления интересов граждан, безопасность которых гарантирует государство. Институты гражданского общества неоднородны, как неоднородно само общество, поэтому их отношения с государством и между собой могут служить не только интересам укрепления государства и реализации прав личности, но и прямо противоположным

целям. Должен быть установлен определенный баланс в отношении власти и общества, традиции и модернизации.

В настоящее время в России вновь создается общество, в котором права человеческой личности являются ос-

новополагающим принципом организации политической и общественной жизни, что определяется балансом в соотношении сильной государственной власти и авторитетности институтов гражданского общества.

Библиографические ссылки

1. Основы Социальной концепции РПЦ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 02.02.2015).
2. Кола Д. Гражданское общество. // 50 / 50. Опыт словаря нового мышления. М. : Прогресс, 1989. С. 448.
3. Гражданское общество и проблемы безопасности в России // Вопросы философии. 1995. № 2.
4. Цит. по: Цыпин В. Церковное право. М., 1994. С. 419.
5. Малышевский А.Ф., Карпунин В.А., Пигров В.А. Введение в философию. М., 1995. С. 120.
6. Ильин И.А. Путь к очевидности. М. : Республика, 1993. С. 97.
7. Иоанн (Экономцев) игумен. Православие и этнос в контексте русской истории // Путь православия. М., 1993. № 1.
8. Ковалев В.А. Горизонты российской государственности // 1-й Всемирный русский собор : материалы. М., 1993. С. 71.
9. Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу 19 века. М. : Голос, 1995. С. 56.
10. Несколько слов о земских учреждениях и участии в них духовенства // Владимирские епархиальные ведомости. 1873. № 9. С. 265.
11. Нардова В.А. Городское самоуправление в России после реформы 1870 г. // Великие реформы в России 1856 – 1874. М. : Изд-во МГУ, 1992. С. 222.

S. N. Minin

CHURCH AS ONE OF THE INSTITUTION OF CIVIL SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN STATE AND SOCIETY

The Church as part of civil society interacts with the state. Civil society and the state are connected to each other by a number of structural relations. In the formation of civil society in modern Russia the Church has great importance. The problems of the peculiarities of these processes in Eastern Europe as well as the historical experience are of great significance as well. The regional experience of cooperation in this area of civil society institutions is important, too.

Keywords: The Church of the Vladimir diocese, civil society, freedom of conscience.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛДИН Кирилл Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Ивановского государственного университета.
kebaldin@mail.ru

ИЩЕНКО Анна Андреевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
anna-ischenko@mail.ru

КОМИССАРЕНКО Аркадий Иванович – доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
arkadiy109@rambler.ru

КОРОСТИЧЕНКО Екатерина Игоревна – аспирант кафедры философии религии и религиоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
klinkot@yandex.ru

МАКАРОВА Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
lana28@mail.ru

МАКОВЕЦКИЙ Аркадий Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры церковной истории и церковно-практических дисциплин Владимирской Свято-Феофановской духовной семинарии, настоятель храма св. Василия Великого г. Суздаля Владимирской епархии РПЦ МП.
avm12091963@mail.ru

МАЛАХОВ Александр Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
aleksander.malahov@gmail.com

МАРКОВ Александр Викторович – доктор филологических наук, заместитель декана факультета истории искусств Российского государственного гуманитарного университета.
markovius@gmail.com

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

МАРТЬЯНОВА Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук
зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
martyanova62@list.ru

МИНИН Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
inin05@mail.ru

ПЕТРОВИЧЕВА Елена Михайловна – доктор исторических наук, профессор директор Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
helenp94@mail.ru

ПИМЕНОВА Марина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
pimenova-vgpru@yandex.ru

СНЕГИРЕВ Илья Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
ilya_sneg@mail.ru

ХИЖИЙ Максим Леонидович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
maxim-priest@mail.ru